

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
♦
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
♦
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 1(12)

МОСКВА–КАЗАНЬ 2015

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители: Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

Ш.Х. Акалин (Турция), А. Ахундов (Азербайджан), К.А. Бичелдей (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), В.А. Виноградов (Москва), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), И.Г. Галяутдинов (Уфа), Ф.А. Ганиев (Казань), Т.М. Гарипов (Уфа), А.П. Деревянко (Москва), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), А.Б. Куделин (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), К.М. Мусаев (Москва), В.И. Рассадин (Элиста), В.Н. Тугужекова (Абакан), Э.И. Фазылов (Узбекистан), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широбокова (Новосибирск), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Д.М. Насилов (Москва),
Зам. главного редактора: Ф.С. Хакимзянов (Казань),
Отв. секретарь: Т.А. Аникеева (Москва)

Г.Ф. Благова (Москва), А.И. Геляева (Нальчик), Э.А. Грунина (Москва), А.В. Дыбо (Москва), С.Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), И.В. Кормушин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), О.А. Мудрак (Москва), И.А. Невская (Германия), Ж.С. Сыздыкова (Москва), Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицын (Санкт-Петербург), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск).

Региональные сотрудники

Х.Ч. Алишина (Тюмень), А.-М.Х. Батчаев (Карачаевск), Л.С. Кароол (Кызыл), Н.И. Попова (Якутск), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Л.И. Чебодаева (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк), Али Осман Шенол (Турция).

Издатель: От имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин

№ 1(12)

МОСКВА–КАЗАНЬ 2015

RUSSIAN TURKOLOGY

Founded by Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turkologists, Russian Academy
of Sciences, Branch of History

Advisory Board

Sh.H. Akalin (Turkey), A. Axundov (Azerbaijan), K.A. Bicheldey (Kyzyl),
A.A. Chechenov (Moscow), A.P. Derevyanko (Moscow), E.I. Fazylov (Uzbekistan),
N.H. Gajixmedov (Makhachkala), I.G. Galyautdinov (Ufa), F.A. Ganiev (Kazan),
T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isaev (Cheboksari), Ju. Janhunen (Finland),
F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), K.M.
Musaev (Moscow), V.I. Rassadin (Elista), N.N. Shirobokova (Novosibirsk),
V.N. Tuguzhekova (Abakan), I. Vásáry (Hungary), V.A. Vinogradov (Moscow), M.Z.
Zakiev (Kazan), P. Zime (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: D.M. Nasilov (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: F.S. Khakimzyanov (Kazan),
Executive Editor: T.A. Anikeeva (Moscow)

G.F. Blagova (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), A.I. Gelyaeva (Nal'chik),
E.A. Grunina (Moscow), S.G. Klyashtorny (St. Petersburg), I.V. Kormushin
(Moscow), I.V. Kulganek (St. Petersburg), O.A. Mudrak (Moscow), I.A.
Nevskaya (Germany), Zh.S. Syzdykova (Moscow), E.A. Oganova (Moscow),
N.N. Telitsyn (St. Petersburg), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

Regional Staff

X.Ch. Alishina (Tyumen), A.-M.H. Batchaev (Karachaevesk), L.I. Chebodayeva
(Abakan), L.S. Kara-ool (Kyzyl), N.I. Popova (Yakutsk), S.B. Sarbasheva
(Gorno-Altaysk), I.V. Shentsova (Novokuznetsk), Ali Osman Shenol (Turkey).

Publisher: On behalf of the Committee of Russian Turkologists –
I.V. Kormushin

№ 1(12)

MOSCOW-KAZAN 2015

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Л.Г. Валиева, г. Казань

Резюме. Самыми сложными и многоплановыми в системе смысловых отношений являются обстоятельственные отношения. К обстоятельным традиционно относят следующие логико-смысловые значения: семантика места, времени, причины и следствия, цели, условия, уступки. Данная статья посвящена описанию особенностей конструкций, выражающих в тюркских языках обстоятельную семантику.

Ключевые слова: обстоятельственные отношения, пространственность, темпоральность, уступительность, кондициональность, каузальность, тюркские языки

В современной лингвистике наблюдается усиление внимания семантическому анализу разных языковых явлений с учетом философской трактовки, логического и психологического подходов. Возросший интерес объясняется тем, что именно анализ смысловых отношений позволяет показать коммуникативную сущность языка. Категории мышления наиболее полно раскрываются в синтаксическом строе языка, поэтому исследование репрезентации языковых явлений с синтаксических единиц, безусловно, является актуальной для современного этапа развития языкознания.

Обращение к семантической стороне речи в тюркологии начинается с 60-х гг. XX в. Языковеды Л.К. Байрамова, М.В. Зайнуллин, М.З. Закиев, С.М. Ибрагимов, М.А. Сагитов, Ф.С. Сафиуллина, А.А. Юлдашев исследуют языковые конструкции, двигаясь от функций к формальной стороне.

Обстоятельственные отношения занимают большое место среди других типов синтаксических отношений как множеством вбираемых в себя смысловых связей, так и особенностями функционирования. По семантике они делятся на обстоятельственные отношения мотивировочного характера и обстоятельственные отношения ситуативного плана.

Обстоятельственные отношения ситуативного плана – пространственность и темпоральность – указывают на внешние обстоятельства осуществления явлений, однако несмотря на это они имеют сложную внутреннюю структуру. Критерием отнесения к таковым является семантика, характер синтаксических отношений между их компонентами. Пространственные и темпоральные отношения выполняют важную роль в построении высказывания, принимая участие в образовании событийности синтаксического целого.

Обстоятельственные отношения ситуативного плана содержатся в семантической структуре многих предложений, указывая на протекание, осуществление событий в пределах какого-то времени и пространства. Следует отметить, что

они, в особенности пространственность, обладают большей конкретностью в отличие от других видов обстоятельственных отношений.

Пространственность является лексико-синтаксической категорией, так как в пространственных конструкциях носителями значений не всегда выступают слова как самостоятельные лексемы, а синтаксические формы слов.

К обстоятельственным отношениям мотивировочного характера или к отношениям порождения обусловленности относятся каузальные, целевые, условные и уступительные отношения.

Безусловно, обстоятельственные отношения, особенно отношения обусловленности, тесно взаимосвязаны друг с другом. Многие исследователи поднимают вопрос о генезисе сложных структур, репрезентирующих уступительность. В лингвистической литературе встречаются разные точки зрения на пути развития уступительности. Так как уступительные отношения и по форме, и по семантике связаны с каузальными, кондициональными, темпоральными, обладают комплексной семантикой, их можно назвать самыми сложными среди других типов обстоятельственных отношений.

Одни исследователи выводят уступительную семантику из причинной как из комбинации 'причина' + 'отрицание'. Однако следует отметить, что подобные выводы нуждаются в некоторых уточнениях. Условный компонент в них часто не учитывается. В уступительных конструкциях нормативные причинно-следственные отношения бывают нарушены.

Многие исследователи сближают уступительные отношения с условными (например, В.А. Богородицкий, Б.В. Лавров), рассматривают уступительные конструкции как оформившиеся на базе каузальных и условных отношений (Я.А. Спринчак). Н.К. Дмитриев считает уступительные предложения «частным случаем придаточного условного» [Дмитриев 1940: 200].

В уступительных конструкциях репрезентируется отсутствие ожидаемого следствия, несмотря на наличие соответствующих условий для его осуществления. Таким образом, уступительные отношения выступают как связи обратной обусловленности. Рассмотрим это на конкретном примере:

тат. *Бик салкын булса да, урамда йөрүчеләр күп* 'Несмотря на то, что очень холодно, на улице много народа'.

Бик салкын булганга, урамда йөрүчеләр юк. 'Так как очень холодно, на улице никого нет' (Когда бывает очень холодно, обычно на улице мало народа либо вообще улицы пустеют).

Жылы булганга, урамда йөрүчеләр күп. 'Так как тепло, на улице много народа' (Когда тепло, на улице бывает много народа).

Бик салкын булса да, урамда йөрүчеләр күп. 'Несмотря на то, что очень холодно, на улице много народа'.

В этом случае наблюдается связь обратной обусловленности, то есть явление, закономерно стимулирующее другое, не препятствует осуществлению третьего явления. В рассмотренном выше примере холодная погода, как правило, стимулирующая опустение улицы, не привела к такому ожидаемому следствию и не явилась препятствием для явления 'на улице много народа'.

В уступительных конструкциях значение обусловленности взаимодействует с противительным значением. Следует отметить, что при противительном отношении в обоих компонентах сложного предложения выражается утверждение. При уступительном же отношении утверждается лишь главная часть сложно-подчиненного предложения, а в зависимой части содержится отрицание; при выражении уступительности противопоставляющиеся факты логически взаимо-

связаны, тогда как при противительности противопоставление фактов имеет свободный характер.

По мнению А.Н. Баскакова, «в придаточном уступительном предложении излагается условие, противоположное результату, излагаемому в главном предложении» [Баскаков 1984: 168]. Таким образом, и здесь отмечается присутствие противительной семантики между компонентами сложного предложения.

В исследовании З.И. Будаговой в азербайджанском языке как отдельный вид придаточных обстоятельственных предложений выделяется противительно-уступительное придаточное. Такое предложение связывается с главным при помощи формы условного наклонения и частицы *да/дә*; в начале придаточного может употребляться союз *һәрчәнд* ‘хотя’, а в главном предложении – союзы *лакин* ‘однако’, *амма*, *анчаг* ‘но’: *Дәрс гуртармышдыса да о һалә кәлиб чыхмамышды* ‘Хотя урок закончился, он еще не появился’; *Һәрчәнд бөјүкләрә “билмирсән” демәк биәдәбликдир, амма мән дејәчәјәм* ‘Хотя говорить старшим «не знаешь» неприлично, но я скажу’ [Будагова 1982: 134].

Таким образом, уступительные отношения строятся на противопоставлении двух ситуаций, формируются на базе условных, причинно-следственных, противительных значений. В системе обстоятельственных отношений мотивировочного характера они являются наиболее сложными и логически многоступенчатыми, так как при передаче уступительности эксплицитно выражаются лишь исходное и результативное звенья, а промежуточное звено остается в поле имплицитного.

Неоднозначны мнения лингвистов относительно конструкций, совмещающих в себе условную и временную семантику. Большинство исследователей рассматривают подобные модели в рамках условных либо временных отношений, и лишь некоторые выделяют в системе сложноподчиненных предложений условно-временные конструкции (например, Л.М. Салмина).

Например, в узбекском языке как отдельный вид придаточного выделяется условно-временное предложение: *Агар бунга Узумсой сувлари ҳам қўшилса, у вақтда сув миқдори яна ўн марта кўпайиши кутилади*. ‘Когда к этому присоединятся еще и воды Узум-сая, тогда можно ожидать, что количество воды увеличится еще в десять раз’ [Кононов 1960: 418].

Обстоятельственные отношения имплицитно могут складываться и между компонентами бессоюзного сложного предложения, что часто остается вне поля зрения исследователей. Подобные конструкции способны выражать кондициональность. Например: азерб. *Инәк су ичәр, сүд олар. Илан су ичәр, зәһәр олар* ‘Когда (если) корова пьет воду, молоко бывает, когда (если) змея пьет воду, яд бывает’; *Ай доғар, күн динчәләр*. ‘Когда (если) месяц восходит, солнце отдыхает’ [Гаджиева 1963: 23]; тат. *Белмисез – өйрәтербез, теләмисез – мәҗбүр итәрбез!* (Г.Ахунов) ‘Не знаете – научим, не хотите – заставим!’; *Ул музейга барлык сәләтеңне сал, исемең мәңге югалмас* (Г.Ахунов) ‘Приложи все свои способности в этот музей, твое имя будет жить вечно’; тур. *At ölürlü nali kalır, adam ölürlü namı kalır*. ‘(Когда) околеваает конь – подкова остается, (когда) умирает человек – имя остается’ [Исследования по СГТЯ 1961: 198]; узб. *Қўшиниң тинч – сен тинч*. ‘Твой сосед спокоен – спокоен и ты’ [Кононов 1960: 411].

Как видим, подобные примеры встречаются, как правило, в пословицах и поговорках, содержание которых имеет обобщенный характер, в таких предложениях наблюдается наслаение условной семантики на временную.

Каузальная семантика может выражаться имплицитно. При этом ситуация является неуправляемой. К неуправляемым относятся, например, ситуации, связанные с явлениями природы, психо-физиологическими состояниями человека:

азерб. *Хəзан кəлди, сојуллар дүшүдү* ‘Пришла осень, холода начались’ [ГАЯ 1971: 377]; карач.-балк. *Аяз урду, салкъын болду* ‘Подул ветер, и стало прохладно’ [ГК-БЯ 1976: 522]; тат. *Аның биленнән еш кына радикулит китереп тотта, илеп эш эшлэу аның өчен авыр иде* (Х.Сарьян) ‘У нее радикулит, ей тяжело нагибаться’; тур. *Açık denizde rüzgar artmış, kotra büsbütün sallanmaya başlamıştı* ‘В открытом море ветер усилился, [поэтому] яхта стала сильно раскачиваться’ [Баскаков 1984: 183]; туркм. *Ганатым ёк – уча билмен...* ‘Нет у меня крыльев, [и] не могу я летать...’ [Поцелуевский 1975: 264].

В азербайджанском языке и придаточные цели могут связываться с главным предложением с помощью интонации: *Мән сәни сечмишәм көзәл пәјтахтымыз шән олсун* ‘Я тебя избрал, чтобы прекрасная столица наша ликовала’ [ГАЯ 1971: 398].

Некоторые предложения содержат в себе и условную семантику, и каузальный оттенок, которые не выражаются эксплицитно. Например: тат. *Бер эшкə алындың – бар эшкə алындың* (Мəкаль). В данном примере нет каких-либо формальных показателей, указывающих на причинно-следственные и кондиционные отношения. Предложение можно понять двояко: *Бер эшкə алынсаң – бар эшкə алынасың* ‘Если взялся один раз за дело, берешь на себя все дела’ и *Бер эшкə алындың – димəк, бар эшкə алындың* ‘Взялся один раз за дело, значит, взял на себя все дела’.

Одни и те же средства связи могут употребляться для выражения нескольких значений, одна и та же семантика способна репрезентироваться разными формальными средствами. Таким образом, союзы и другие средства связи не могут быть маркерами конкретных значений.

Отрицательная форма глагола, выраженная аффиксом *-ма/-мə*, может передавать и уступительную, и условную семантику. Например: тат. *Күпме какма, ничек тикəлəмə, / Тайпылмадым туры юлдан мин* (М.Хəсəен) ‘Сколько ни притесняй, как ни пинай, я не сошел с прямого пути’ (уступительность).

Подобные примеры очень часто встречаются в поговорках, однако в них, по нашим наблюдениям, кроме условной можно усмотреть и каузальную семантику. Например: тат. *Кешене каргама, үзеңə төшəр* (Әйтəм) ‘Не проклиная людей, сам будешь проклят’ (Поговорка). Во-первых, в таких примерах содержится кондициональность, это легко доказать, изменив аффикс отрицательной формы глагола на аффикс условного наклонения, при этом основная семантика предложения останется неизменной: *Кешене каргасаң, үзеңə төшəр* ‘Если проклинаяешь людей, сам будешь проклят’. Во-вторых, между компонентами подобных поговорок явно прослеживается причинно-следственная зависимость: почему нельзя проклинаять людей, потому что это может привести к тому, что ты сам будешь проклят. Между частями данного примера можно вставить специализированное средство выражения каузальности (например, союз *чөнки*), что опять же не приведет к потере основного логического смысла всего предложения и не нарушит его структуру: *Кешене каргама, чөнки үзеңə төшəр* ‘Не проклиная людей, потому что сам будешь проклят’.

Причастие на *-ган* в форме местно-временного падежа обычно служит для выражения временных отношений. Однако иногда между словами, связанными с помощью формы *-ганда/-гəндə*, устанавливается условная семантика с оттенком временного значения. Приобретение формой на *-ганда* условного значения можно считать общетюркским явлением: алт. *Бис барбаганда кем барар?* ‘Если мы не поедem, кто поедет?’; казах. *Сен маған келгенде, театрға бірге баратын едік* ‘Если бы ты заходил ко мне, мы вместе пошли бы в театр’; узб. (*Агар*) *Раҳим бизга келганда (эди) кинога борар эдик* ‘Если бы Рахим пришел к нам, мы пошли бы в кино’ [Гаджиева 1963: 166]; башк. *Телəк менən дəртле йөрəк булганда,*

бәтәһен дә эшләргә мөмкин 'Когда есть желание и сердце кипучее, можно все сотворить' [ГСБЛЯ 1981: 466]; тат. *Гыйлем булмаганда, бар акыл да юк була* (Мәкаль) 'Когда (если) нет знаний, и имевшийся ум исчезает'; уйгур. *У ишсиз қалганда хошилар униңға пул өтнә берип туратти* 'Когда он оставался без работы, соседи давали ему в долг деньги' [Наджип 1960: 126].

Как видим, форма на *-ганда* позволяет передавать отношения, которые возникают на стыке временной и условной семантик, в силу чего может считаться кондиционально-темпоральной.

В тюркских языках придаточные предложения причины и условия могут вводиться союзами, передающими временные отношения. Например, в гагаузском языке придаточные предложения, вводимые союзом *ачан* 'когда', могут иметь условное значение. Следует отметить, что это вторичная функция союза *ачан*, и условная семантика между компонентами в таких конструкциях устанавливается, когда сказуемое придаточного предложения обозначает состояние или признак в настоящем. Например: *Ачан кавал сеси ишидежән, бил, ани биз гелериз* 'Когда (если) услышишь звук свирели, знай, что мы идем' [Гайдаржи 1981: 56].

В таких конструкциях причинно-следственные и условно-следственные отношения грамматически совмещаются. «Эта недифференцированность в грамматическом отношении обуславливается сложностью логических отношений между главной и придаточной частями сложноподчиненного предложения: в них одновременно выражены разные оттенки зависимости – время и условие, условие и следствие, причина и следствие» [Гайдаржи 1981: 64].

Такие предложения, как тат. *Кулында китап булганның башында гыйлем булыр* (Әйтем) 'У кого в руках книга, в голове – знания'; *Сүз хикмәтен белмәгән кешенең миһнәте күп* (Мәкаль) 'У человека, который не знает премудрость слова, много страданий' можно истолковать следующим образом: *Кулында китап булса, башында гыйлем булыр* 'Если в руках будет книга, в голове – знания'; *Кеше сүз хикмәтен белмәсә, миһнәте күп* 'Если человек не знает премудрость слова, у него много страданий'. Или же: *Кулында китап булганлыктан, башында гыйлем булыр* 'Оттого что в руках книга, в голове – знания'; *Сүз хикмәтен белмәгәнлектән, кешенең миһнәте күп* 'Оттого что не знает премудрость слова, у человека много страданий'.

Как показывают проанализированные примеры, условная семантика, репрезентированная причастием, не обладает яркой выраженностью.

Кондициональность заложена в основе примет, поверий. На наш взгляд, в поговорках, предсказывающих погоду или какие-либо события, часто содержится следственно-временная семантика. Например: тат. *Салават күпере төньягында чыкса, яңгыр булмаса* (Сынамыш) 'Если радуга взойдет на севере, не быть дождю'; *Баткан урын ачык булмаса, яңгыр булырга* (Сынамыш) 'Если вязкая земля не ясная, быть дождю'; *Ай чалкан туса, көннәр аязырга* (Сынамыш) 'Если месяц взойдет лицом вверх, день прояснится'; *Болыт кыйблага таба барса, көн аязырга* (Сынамыш) 'Если облака плывут к югу, день прояснится'.

Целе-временная семантика выражает сознательное действие, которое совершается в непосредственной близости от прямого, реального времени: *билгеләнгән вакытка килү* 'прийти к назначенному времени'; или же предмет, связанный с действием, является предназначенным для прямого времени, при этом приближенность/неприближенность момента действия к прямому времени не является важной, например: *8 мартка әнигә китап алдым* 'Купила маме книгу на 8 марта'.

В предложениях типа тат. *Әлеге конференция галимнең 100 еллыгына оештырылды* 'Эта конференция была организована к столетию со дня рождения

ученого' присутствует оттенок преднамеренности окончания действия к определенному сроку.

Таким образом, семантика обстоятельственных отношений, которые являются внутренними связями явлений, выявляется путем когнитивного анализа смыслового содержания предложения либо контекста. Очень часто наблюдается переплетение смысловых отношений, выявляются синкретичные формы, и формальные показатели не могут служить способом их разграничения.

Литература

- Баскаков 1984 – *Баскаков А.Н.* Предложение в современном турецком языке. – М.: Наука, 1984. – 200 с.
- Будагова 1982 – *Будагова З.И.* Азербайджанский язык. – Баку: Элм, 1982. – 139 с.
- Гаджиева 1963 – *Гаджиева Н.З.* Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 220 с.
- Гайдаржи 1981 – *Гайдаржи Г.А.* Гагаузский синтаксис. Придаточные предложения союзного подчинения. – Кишинев: Штиинца, 1981. – 133 с.
- ГАЯ 1971 – Грамматика азербайджанского языка / под общ. ред. М.Ш. Ширалиева и Э.В. Севортыана. – Баку: Элм, 1971. – 413 с.
- ГК-БЯ 1976 – Грамматика карачаево-балкарского языка / под общ. ред. проф. Н.А. Баскакова. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 571 с.
- ГСБЛЯ 1981 – Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.: Наука. 1981. – 495 с.
- Дмитриев 1940 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика кумыкского языка. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 205 с.
- Исследования по СГТЯ 1961 – Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков / под общ. ред. Н.К. Дмитриева и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 232 с.
- Кононов 1960 – *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.
- Наджип 1960 – *Наджип Э.Н.* Современный уйгурский язык. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. – 133 с.
- Поцелуевский 1975 – *Поцелуевский А.П.* Избранные труды. – Ашхабад: Ылым, 1975. – 337 с.

Leniza G. Valieva. Adverbial relations in Turkic languages

Summary. In the system of semantic relations, the most complex and multifaceted ones are adverbial relations. In linguistics, the following types of semantic relations are traditionally determined as adverbial ones: relations of place, time, cause and consequence, purpose, condition, concession. This article describes specific features of syntactic constructions expressing adverbial semantics in Turkic languages.

Key words: adverbial relations, space and time relations, concessive relations, conditional and causal relations, Turkic languages

**К ПРАГМАТИКЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ**

(на примере рассказа Саида Ахмада “Коракуз мажнун”)

М. Хакимов, г. Фергана (Узбекистан)

Резюме. В статье художественная деталь рассматривается как экстралингвистическое средство, служащее для восполнения семантического ряда языковых единиц. В художественной литературе деталь выражает идею произведения, раскрывает характер героя, служит совершенствованию сюжета. Все эти прагматические свойства детали обогащают язык художественного произведения.

Ключевые слова: прагматика художественной детали, экстралингвистические средства, прагматический знак, языковое описание, неязыковая единица, прагматические признаки детали.

Прагматика является одной из новых областей языкознания, её становление связано с именами таких известных ученых философов, как Ч. Пирс, У.У. Джемс, Д. Дьюн, Ч. Моррис См.: [Петров 1985: 471].

Становление лингвистической прагматики в качестве отдельной языковедческой науки ставит перед ней ряд задач. Человек не может говорить или воспринимать речь, не обладая общесемантическими знаниями какого-либо языка, однако владение семантическими знаниями данного языка не всегда достаточно для говорения или восприятия речи на нём [Петров 1985: 474]. Для этого на базе имеющихся семантических знаний необходимо обладать способностью ясного выражения информации о предмете речи. Информация выражается различными средствами. В частности, писатель может передавать информацию о предмете речи при помощи языковых и неязыковых средств. В науке такой способ передачи информации связывается с термином «прагматика». Данные средства передачи информации могут иметь эксплицитную или имплицитную формы в зависимости от коммуникативной цели писателя.

Согласно утверждениям Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой, в традиционном языкознании семантика приравнивалась к энциклопедическим знаниям, а представление о прагматике вообще отсутствовало. Впоследствии изучение вопросов семантики усилило интерес к прагматическим явлениям [Арутюнова, Падучева 1985: 3–42]. На основании этого степень отражения событий действительности в языке стали истолковывать в качестве прагматических знаний.

Прагматика сформировалась на базе лингвистической семантики в результате практической необходимости использования языковых и неязыковых средств в речевой ситуации, в составе контекста.

Таким образом, в языкознании сформировалось три направления:

1) семантика; 2) синтактика; 3) прагматика. См. схемы 1 и 2.

Схема 1.

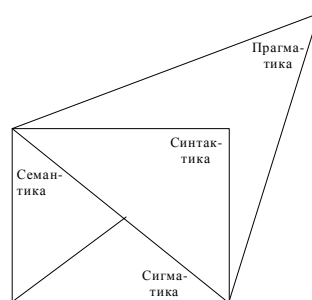

Схема 2.

Немецкий ученый Георг Клаус выделил четыре направления в языкознании с семиотической точки зрения. Синтактика – отношения между знаками. Семантика – значение знака с точки зрения понятий отражаемого материального мира. Сигматическое направление – взаимоотношения знака и предмета. Прагматика изучает влияние пользователя знака на знак, на объективный мир посредством знака, влияние знака на человека, на его способ мыслить, поведение, ощущения [Клаус 1967: 2]. Говорящий выражает свои мысли посредством языка, жестов, мимики и другими средствами.

Писатель, создавая своё художественное произведение при помощи вышеуказанных средств, формирует характер героев, совершенствует сюжет, выражает идею произведения.

В данной статье рассматриваются прагматические свойства рассказа Саида Ахмада «Коракуз маджнун», выраженные в основном через художественную деталь. Художественная деталь в качестве неязыкового средства выражает коммуникативную цель писателя. В этой функции она в контексте, создаваемом автором, раскрывает характер героя. Деталь выполняет функцию единицы, заполняющей языковое описание событий в тексте. Хотя деталь является литературоведческим явлением и термином, задачи, которые она выполняет, служат для выражения информации, содержащей прагматические свойства, связанные со знаниями писателя и его героев, которые выявляются из семантической структуры текста. Считая художественную деталь неязыковым средством в вышеуказанном значении и анализируя информацию, выраженную в ней, можно комментировать свойства прагматического языка произведения.

В связи с тем, что деталь является единицей, несущей идейно-художественный груз, выражающей определённое смысловое содержание художественного произведения, анализ подобных средств играет важное значение в процессе изучения содержания произведения. Например, для показа прагматических свойств произведения Саида Ахмада «Коракуз маджнун» можно в процессе урока сделать системный анализ структуры деталей данного рассказа.

Независимо от поставленных автором целей, в художественном произведении, созданном истинным мастером, ведущими должны быть общечеловеческие ценности. Истинная художественная ценность предполагает, чтобы автор стоял на стороне таких вечных ценностей, как благодеяние, красота, справедливость, человечность.

Главной идеей рассказа «Коракуз маджнун» является любовь к родителям, верность родине, религиозным убеждениям. На основе данной идеи должны анализироваться и детали рассказа. Рассказ начинается с чтения Корана после совершения утреннего намаза главной героиней рассказа Саодат-ая. Такая деталь, как молитвенный коврик, свидетельствует о вере Саодат-ай в Аллаха. Используя данную деталь, писатель умело передает характер героини. В следующем абзаце через описание пейзажа даётся изображение осени. Прозрачность текущей в арыке воды указывает на пройденный жизненный путь Саодат. После пейзажа писатель переходит к описанию портрета, особенно подчёркивается, что Саодат-ая была в молодости очень красивой, с длинными волосами, придававшими ей особую красоту. Волосы в качестве детали указывают на физическую красоту. Если писатель через молитвенный коврик указывал на внутреннюю красоту, то через характеристику волос указывает на красоту внешнюю. Эти две детали раскрывают характер героини, связанный с её духовностью, мировоззрением, верой, и проявляются в качестве прагматических элементов языка.

Еще одна подобная деталь – это туговое дерево, растущее во дворе Саодат-ай. Дерево в качестве детали является знаком семьи. Её ветви – это дети данной семьи. Один сук тугового дерева высохший, на его макушке висит бумажный змей, которым играл в детстве сын Саодат-ай Бурихан. Описывается, как хвост бумажного змея извивается на ветру подобно настоящей змее. Засохший сук тугового дерева как художественная деталь олицетворяет смысл жизни Бурихана. Писатель следующим образом даёт языковое описание этой смысловой структуры: Бурихан не вернулся домой после окончания службы в армии. Завершив службу он влюбляется в девушку-иноверку, принимает её религию и женится на ней. Он не был дома в течение тридцати лет. Данное языковое описание усиливается автором также при помощи описания в форме детали высохшей ветки.

Если образ Саодат-ай, сюжет, связанный с её жизнью, описывается неязыковым способом при помощи деталей, то в описании сюжета и образа жизни Бурихана также используется неязыковая художественная деталь. Например, факты, связанные с женитьбой Бурихана, выращиванием свиней, приготовлением самогона, употреблением спиртных напитков, считаются символами, характеризующими характер и веру Бурихана.

Характер отношений между героями, матерью и сыном, их характерами, верой, отношением к жизни развивается на основе соответствующего контраста сюжетов. Неязыковые средства относящиеся к каждому из героев в качестве контрастных деталей служат для дополнения общего сюжета. В результате наблюдается бросающийся в глаза контрастирующий характер, соответствующий каждому из героев рассказа. Если вера в Аллаха у Саодат-ай выражается при помощи таких неязыковых деталей, как молитвенный коврик, религиозный обряд хаджибадал, то у Бурихана его верования в другого бога передаются посредством такого неязыкового описания, как крест на его груди, Библия, завернутая в жёлтый бархат. Саодат-ая по имеющимся деталям понимает (знаки верования другой религии об этом свидетельствуют), что её сын поклоняется другому богу. Во дворе Саодат-ай вместе с туговым деревом растёт дерево грецкого ореха. Бурихан, вернувшийся в свой родной дом после тридцати лет отсутствия, поклоняется под орешней своему богу. Писатель использует орешню в качестве детали, символизирующей героя, который отделился от своей родины, религии. В целом, в данном рассказе сюжеты, связанные с характером, душевным состоянием, религиозными убеждениями героев выражаются в основном при помощи неязыковых средств – художественных деталей.

Прагмалингвистика занимается открытыми и скрытыми формами выражения информации, проблемами пресуппозиции и подтекста, теорией речевых актов и вопросами паралингвистики. Содержание прагмалингвистики связано со способами выражения зависящей от цели автора информации, содержащейся в скрытом тексте, с понятиями подтекста. В этом значении прагматический язык рассказа Саида Ахмада «Коракуз маджнун» выражается через такое средство, как художественная деталь.

Литература

Петров В.В. Философия, семантика, прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М., 1985,

Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Там же. Вып. XVI. – М., 1985.

Клаус Г. Сила слова. – М., 1967.

Muxhamad Hakimov. Pragmatics of non-linguistic means in Uzbek literature (on the example of the story „Korakuz Mazhnun“ by Said Axmad

Summary. This article discusses the artistic detail, an especially prominent element of intended mental image conveyed in a literary work, as a non-linguistic phenomenon serving to complement the semantics expressed by language means. We define these properties of the artistic detail as its pragmatic features. In fiction, an artistic detail expresses the idea of the whole literary work; it characterizes the hero; it also serves to bring forward the plot. These pragmatic features of artistic details enrich the language of a literary work.

Key words: pragmatics of artistic details, non-linguistic phenomena, pragmatic sign, language description, non-linguistic unit, pragmatic features of artistic details

**О ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ**

А. Нурмухамедов, г. Ашхабад (Туркменистан)

Резюме. Статья посвящена одной из недостаточно изученных проблем в фонетике туркменского языка – фонетико-морфологическим особенностям словесного ударения. Уточняются его разновидности и функции на материале туркменского языка.

Ключевые слова: слог, слово, ударение, функция, туркменский язык

Вопрос словесного ударения в тюркских языках привлекал внимание многих ученых, в том числе Е.Д. Поливанова [1928: 114–118], А.П. Поцелуевского [1936: 36], М. Рясина [1955: 33–46], Н. К. Дмитриева [1981: 68–74], Э.В. Севортына [1955: 127–147], А.Н. Кононова [1956: 51–56; 1960: 52–56], Н.А. Баскакова [1952: 108–115], А.М. Щербака [1970: 110–119], В.Д. Аракина [1984: 403–422] и др. Они характеризовали словесное ударение (СУ) в тюркских языках, в основном, как динамическое (экспираторное) на основе своих наблюдений живой речи.

Относительно СУ туркменского языка можно встретить некоторые пояснения в работах учебно-методического характера: М. Гелдиева и Г. Алпарова [1929: 45], А.П. Поцелуевского [1936: 36], М.Н. Хыдырова и К. Бегенджова [1960: 35], П. Азымова [1992: 71–74], Т. Тачмурадова, М. Худайкулиева [1970: 84–91], Г. Кульманова [1964: 29–32] и др. Эти сведения о СУ в учебно-методических пособиях и в некоторых научных трудах не являются достаточными для описания его полной картины. В них, можно сказать, не отражены его полные характеристики, особенно фонетико-морфологические, фонологические и физические особенности. Кроме того, в них часто встречаются неточные и противоречащие друг другу мнения. В тюркологических работах имеются даже взгляды, отрицающие наличие СУ в тюркских языках [Джунисбеков 1988: 17]. Все это принудило нас обратиться к теме СУ туркменского языка, выявить, насколько это возможно, более полные факты, описать его истинную природу и тем самым дополнить новыми данными имеющиеся пробелы.

Как и в остальных тюркских языках, СУ в туркменском языке является самым сложным, слабо выделяемым и многофункциональным фонетическим средством. Оно как надсегментное средство влияет на слоги слова, делает их выразительными. Изучение его природы и функций является весьма важным и необходимым в научных и практических целях.

СУ, как известно, действует только в пределах слова, выражающего лексическое значение. В каждом слове имеется одно основное ударение. Оно является «обязательным признаком слова» [Буланин 1970: 161] и «характерным

для всяких слов» [Касевич 1983:162]. Н.А. Федянина отмечает что «Ударение – поистине душа слова. Отнимите у слова ударение, и его не станет. Поставите неправильно ударение – разрушатся все слова» [Федянина 1982: 3].

Встречаются в работах различные определения туркменского СУ, но определение А.П. Поцелуевского считаем более подходящим: «Выделение в произношении того или иного слога среди других окружающих его слогов слова называется ударением и осуществляется двумя путями: либо усилением выдоха, вследствие чего данный слог произносится громче, чем остальные (такое ударение называется экспираторным), либо повышением тона голоса (ударение тоническое или музыкальное)» [Поцелуевский 1936: 36].

Звуки, входящие в состав слова как сегментные единицы, произносятся последовательно один за другим, образуя звуковые цепочки. СУ как фонетическое средство влияет на физические свойства звуков ударного слога, на их частоту, интенсивность и длительность звучания: либо усиливает, либо ослабляет их величины. Оно может проявляться по-разному в языках в зависимости от их фонетико-морфологического строя. СУ в одном языке может повышать тон голоса, в другом усиливать его интенсивность, а в третьем усиливать и то и другое вместе взятое. К примеру, можно привести характер СУ русского и туркменского языков. В русском языке ударный слог произносится сильнее и более протяжно, а в туркменском – выше и сильнее по тону. Известно, что в языках мира встречается три типа СУ: тональное (музыкальное), динамическое (экспираторное) и количественное (долготное). Их число можно увеличить еще динамико-долготным (в русск. яз.) и тонально-динамическим (в туркм. яз.) ударениями.

В многосложных словах выделяются три степени ударения: главное (основное), второстепенное (побочное) и нулевое (редуцированное). Основное и второстепенное ударения могут меняться местами в зависимости от содержания слов. Если основное ударение находится на конце слова, то побочное занимает один из предыдущих слогов и наоборот, если основное ударение в начальной позиции слова, то побочное занимает один из конечных слогов. Например: $ge^2ldi^0le^1r$ 'они пришли', $ge^1lme^0di^0le^2r$ 'они не пришли'¹.

Относительно места и морфологических разновидностей СУ некоторые тюркологи, в том числе и туркменские, часто ограничивались указанием на то, что СУ в тюркских языках падает, в основном, на последний слог слова. Такое мнение не подтверждается материалами туркменского языка. Оно встречается в разных позициях слова. Можно отметить три её позиции:

1) СУ на последнем слоге слова: $Aşgaba^1t$, $Magtymguly^1$, $okama^1k$ 'читать', $oglanla^1r$ 'ребята', $kömekleşdi^1$ 'помогал' и т.д.

2) СУ на срединном слоге слова: oka^1mady 'не читал, не учился', $gele^1ndirler$ 'наверно, они пришли', $gepleje^1kmi$ 'говорить будешь?' и т.д.

3) СУ на начальном слоге слова: a^1lmady 'не взял', $ge^1lmediler$ 'они не пришли', he^1mmesi 'все они', ki^1mdir 'кто-то' и т.д. Следует отметить, что последние две позиции СУ образуются, в основном, в связи с прибавлением к концу слов безударных аффиксов. Учитывая это положение и следуя принципам В.А. Богородицкого, А.Н. Кононова можно группировать его и как

¹ Языковой материал передается в транскрипции, основанной на принятой в тюркологических работах латинской графике [СИГТЯ 1984]. Здесь означают: ç – ч, ž – ж, j – дж, ñ – н, ş – щ, ý – й.

1) ударение на последнем слоге, 2) ударение не на последнем слоге слова [Богородицкий 1934: 65–568; Кононов 1956: 51; 1960: 53–54].

Если главное ударение на последнем слоге, предупредных могут быть до 6–7 слогов. Например: *o:balarymyzdaky¹* ‘имеющиеся в наших сёлах’. Если ударение падает не на последний слог, то заударные могут быть до 5 слогов. Например: *g¹elmedilermikä:* ‘неужели, они ещё не пришли’. Основное ударение не на последнем слоге слова произносится сильнее, чем оно на последнем слоге.

Морфологические разновидности СУ встречаются в языках в зависимости от их силы и местонахождения в слове: 1) одноместное (неподвижное), 2) размостное (подвижное), 3) основное (главное) и побочное (второстепенное) ударение.

Туркменские ученые считали СУ, в основном, подвижным. Фонетист А. Сапаев в примерах *oku¹w* ‘учеба’ – *okuwçy¹* ‘ученик’ – *okuwçyla¹r* ‘ученики’ характеризует его как подвижное, а в примерах: *ba¹:ry* ‘все’ – *ba¹:rymyz* ‘все мы’ – *ba¹:rysynuy* ‘р.п. всех их’; *he¹mme* ‘все’ – *he¹mmeler* ‘все они’ – как неподвижное [Сапаев 1967: 13]. Итак, он отметил наличие двух видов: подвижного и неподвижного ударения в туркменском языке. С таким мнением можно не соглашаться.

Языковые материалы свидетельствуют о том, что в данном языке существует одноместное (неподвижное) ударение. Находящееся на конечном слоге ударение при наращивании к концу слов аффиксов каждый раз занимает конечный слог слова. Например, сравните: *gel* ‘приходи’ – *gelje¹k* ‘он придет, я приду’ – *geljekle¹r* ‘они придут’ (ударение всегда на последнем слоге). Или возьмём другой пример: *gel* ‘приходи’ – *ge¹lme* ‘не приходи’ – *ge¹lmediler* ‘они не приходили’ (ударение всегда на первом слоге).

Место СУ в зависимости от частей речи. В этом отношении ударение разделяется на три группы:

1) Части речи с ударением на последнем слоге (имя существ., имя прил., имя числ., имя действие, основы глагола, послелог);

2) Части речи, в которых ударение падает и на последний, и не на последние слоги слова, в зависимости от их содержания (местоимение, модальные слова, союзы, междометия, звукоподражательные и образные слова);

3) Части речи, не принимающие СУ (частицы: *-a/-e, -la/-le, -da/-de, -da:-/dä:, -ha:-/hä:* и др.).

В туркменском языке не все аффиксы принимают на себя ударение. В этом отношении они делятся на две большие группы: аффиксы, принимающие на себя ударение и не принимающие ударение. Они ярко свидетельствуют о том, что в языке существует и действует СУ.

Аффиксы, принимающие на себя ударение. Туркменский язык является одним из богатых языков на словообразовательные и словоизменительные аффиксы, принимающие на себя СУ. Всех их перечислять нет необходимости. Здесь ограничимся указанием лишь основных аффиксов, образующих конечный слог слова с ударением.

1) Аффиксы принадлежности имен существительных:

-um/-im/-um/-üm (1 л. ед. ч.: *aty¹m* ‘мой конь’ *iti¹m* ‘моя собака’, *guşu¹m* ‘моя птица’ и т.д.);

-umyz/- imiz/- umyz/- ümiz (1 л. мн. ч.: *atymy¹z* ‘наш конь’, *itimi¹z* ‘наша собака’, *güliümi¹z* ‘наши цветы’ и др.);

-уñ/-iñ/-уñ/-üñ (2 л. ед. ч.; *aty¹ñ* ‘твой конь’, *iti¹ñ* ‘твоя собака’, *guşu¹ñ* ‘твоя птица’ и др.);

-уñыз/-iñиз/-уñыз/-üñиз (2 л. мн. ч.: *atyñыз¹* ‘ваш конь’, *itiñиз¹* ‘ваша собака’, *goluñыз¹* ‘ваши руки’ и т.д.);

- у/-i, - су/- si (3 л. ед. и мн.ч.: *aty¹* ‘его конь’, *iti¹* ‘его собока’, *atasy¹* ‘его отец’, *enesi¹* ‘его мать’).

2) Падежные окончания имен существительных:

-уñ/-iñ/-уñ/-üñ, -пуñ/-niñ/-пуñ/-nüñ (род.п.: *aty¹ñ* ‘коня’, *iti¹ñ* ‘собаки’, *onu¹ñ* ‘его’ и т.д.);

-a/-e/, -na/-ne (дат. и нап. п.: *da:ga¹* ‘в гору’, *kime¹* ‘кому’);

- у/-i, -пу/-ni (вин. п.: *aty¹* ‘коня’, *iti¹* ‘собаки’, *ony¹* ‘его’);

-da/-de, -nda/-nde (местно-вр. п.: *mende¹* ‘у меня’, *enesinde¹* ‘у матери’);

-dan/-den, -ndan/-nden (исход.п.): *mende¹n* ‘от меня’, *obada¹n* ‘из села’ и т.д).

3) Аффиксы множественности имен существительных:

-lar/-ler: *agaçla¹r* ‘деревья’, *gülle¹r* ‘цветы’ и т.д.

4) Аффиксы, выражающие уменьшительно-ласкательную степень имён существительных:

-жук/-jik/-juk/-jük (*Ataju¹k* ‘Аташка’, *guzuju¹k* ‘ягненок’ и т.д.);

-жа:n (*Begja¹:n* ‘Беглишка’, *Gülja¹n* ‘милая Гуля’ и т.д.);

-jagaz (*gy:zjaga¹z* ‘девчонка’ и т.д.).

5) Аффиксы порядковых числительных:

-inji/-unju/-ünji (*onunju¹* ‘десятый’, *birinji¹* ‘первый’ и т.д.);

-nju/-nji (*altynju¹* ‘шестой’, *ikinji¹* ‘второй’ и т.д.);

6) Аффиксы, выражающие степень признака прилагательных:

а) недостаточная степень: -umtyl/-imtil/-umtyl/-ümtil (*a:gyumty¹l* ‘беловатый’, *gö:gümti¹l* ‘синеватый’); -mtyl/-mitl (*garamty¹l* ‘черноватый’ и т.д.).

б) ласкательная степень: -ja/-je, -jak/-jek/, -juk/-jik (*a:kja¹* ‘беленький’, *yaşaju¹k* ‘молоденький’ *tegeleji¹k* ‘кругленький’ и т.д.)

7) Аффиксы, образующие глагольные формы:

а) инфинитивная форма глагола: -mak/-mek, -mazlyk/-mezlik (*alma¹k* ‘взять’, *gelme¹k* ‘приходить’, *almazly¹k* ‘невзятие’ и т.д.);

б) условная форма глагола -sa/-se (*alsa¹* ‘если он возмет’, *gelse¹* ‘если придет’ и т.д.);

в) желательная форма глагола -syn/-sin (*alsy¹n* ‘пусть возьмет’, *gelsi¹n* ‘пусть придет’); -asy/-esi (*alasy¹* *gelyär* ‘хочет взять’ и т.д.)

г) долженствовательная форма глагола -maly/-meli (*almaly¹* ‘надо брать’, *gelmeli¹* ‘надо приходить’ и т.д.);

д) окончания, образующие прошедшее, настоящее и будущее времена глагола:

-dy/-di (*aldy¹* ‘взял’ *geldi¹* ‘приходил’ и т.д.);

-ýa:r/- ýä:r (*alyä¹:r* ‘берёт’, *gelyä¹:r* ‘идет сюда’);

-ar/-er (*ala¹r* ‘возьмёт’, *gele¹r* ‘придёт’);

-jak/-jek (*alja¹k* ‘будет брать’, *gelje¹k* ‘будет приходит’ и т.д.);

е) аффиксы, образующие причастные формы глагола:

-an/-en (*ala¹n* ‘взявший’, *gele¹n* ‘пришедший’);

-ýa:n/-ýä:n (*alyä¹:n* ‘берущий’, *gelyä¹:n* ‘идуший’);

-ar/-er (*aka¹r suw* ‘текущая вода’, *güle¹r ýüz* ‘улыбающееся лицо’);

-jak/-jek (*okaja¹k oglan* ‘мальчик, желающий читать’, *işlejek adam* ‘человек, желающий работать’ и т.д.);

е) аффиксы деепричастий на -ур/-ір/-ур/-ür (*aly¹p* ‘взяв’, *geli¹p* ‘приходя’, *gülü¹p* ‘улыбаясь’ и т.д).

Аффиксы и частицы, не принимающие на себя ударение. В туркменском языке встречаются около 40 безударных аффиксов и частиц. Их можно представить следующим образом.

1) Аффиксы -ça/-çe прибавлением к именам существительным образуют наречие сравнения и являются безударными. Например: *haly¹ça* ‘как ковер’, *Jere¹nçe* ‘чем Джерен’ и т.д.

2) Аффиксы -ça:/-çä: и -dykuça/-dikçe/-dukça/-dükçe (или -dygyça/-digiče/-dugyça/-dügice) прибавлением к основе глагола образуют наречие времени. Последний слог их безударный. Примеры: *barýa¹:nça* ‘пока он дойдет’, *gelyä¹:nçä:* ‘пока он придет’; *bardy¹kça:* ‘чем дальше идет’, *gördü¹kçä:* ‘чем больше видит’; *durdugy¹ça* ‘чем больше стоит’ и т.д.

3) Аффикс -sa:ýu/-sa:ýun, присоединяясь к основе глагола, употребляется в значении -дукça/-dikçe, оба слога безударны. Примеры: *ulaldy¹ksa:ýu* ‘становясь старше’, *gidi¹ksa:ýu* ‘чем дальше идет’ и т.д.

4) Аффиксы сказуемости: -dy/-di, -dyr/-dir/-dur/-dür, -myş/-miş/-muş/-müş присоединяются к именам существительным и формам глагола произносятся безударно. Например: *me¹ndim* ‘был я’, *gelje¹kdi* ‘он хотел придти’, *o¹ldur* ‘наверное он’, *gele¹ndir* ‘наверное пришёл’; *ýo¹:kmuş* ‘наверняка, не было’, *gelje¹kmiş* ‘наверно он хотел приходиться’ и т.д.

5) Аффикс -gyn/-gin/-gun/-gün, выражая 2. л. ед. ч. повелительной формы глагола, произносится безударно. Например: *ba¹rgyn* ‘обязательно сходи туда’, *ge¹lgin* ‘обязательно приходи’, *gö¹rgün* ‘постарайся увидеть’ и т.д.

6) Безударный аффикс -uň/-iň/-uň/-iň выражает 2 л. мн. ч. повелительного наклонения глагола. Например *a¹lyň* ‘берите’, *ge¹liň* ‘приходите’, *du¹ruň* ‘стойте’, *gö¹riň* ‘смотрите’ и т.д.

7) Аффикс -sana/-sene, просоединяясь к глаголу, выражает 2 л. ед. ч. повелительной формы глагола, последний его слог безударный. Примеры: *alsa¹na* ‘бери же’, *gelse¹ne* ‘приходи же’ и т.д.

8) Аффиксы: -ma:ýun/-mä:ýin (для 1 л. ед. ч.) и -ma:ly/-mä:li (для 1 л. мн. ч.) отрицательной формы повелительного наклонения глагола, оба слога безударны. Например: *a¹lma:ýun* ‘я не буду брать’, *ge¹lmä:ýin* ‘я не буду приходиться’; *a¹lma:ly* ‘давайте не будем брать’ и т.д.

9) Безударный аффикс -ma/-me выразит отрицательную форму глагола. Например: *a¹lma* ‘не бери’, *ge¹lme* ‘не приходи’, *sere¹tme* ‘не смотри’ и т.д.

10) У аффикса -urjyk/-irjik/-urjyk/-ürjik, образующего уменьшительно-ласкательную степень наречия, последний слог безударный. Например: *aly¹prjyk gel* ‘взяв, приходи тут же’, *görü¹prjik git* ‘увидев, тут же уходи’ и т.д.

11) Аффикс деепричастия -a:gada/-ä:gede (или -a:gadan/-ä:geden) прибавляется к основе глагола. Последние два слога безударны. Например: *ala¹:gada* ‘взяв’, *gela¹:gede* ‘придя’, *göra¹:geden* ‘увидев’ и т.д.

12) Отрицательная форма деепричастия -ma:n/-mä:n безударная. Например: *a¹lma:n* ‘не взяв’, *gö¹rmä:n* ‘не увидев’ и т.д.

13) Оба слога отрицательной формы деепричастия -ma:nka/-mä:nkä безударны. Например: *işe başla¹ma:nka* ‘пока еще не начал работать’ и т.д.

14) Аффиксы 1 л. ед. ч -un/-in и мн.ч. -ys/-is настоящего и неопределенно-будущего времени глагола безударны. Например: *alya¹:ryn* ‘я беру’, *gelyä¹:rin* ‘я

иду'; *alýa¹:rys* 'мы берем', *gelyä¹:ris* 'мы приходим'; *ala¹ryn* 'я возьму', *ala¹rys* 'мы возьмем' и т.д.

15) Аффиксы 2 л. ед. ч. -syň/-siň и мн. ч. -syňyz/-siňiz настоящего и неопределенно будущего времени глагола безударны. Например: *alýa¹:rsyň* 'ты берешь', *geýä¹:rsiň* 'ты идешь сюда' *alýa¹:rsyňyz* 'вы берете', *gelyä¹:rsiňiz* 'вы идете сюда'; *gele¹rsiň* 'ты будешь приходить', *ala¹rsyňyz* 'вы будете брать' и т.д.

16) Вопросительная частица -my/-mi, и от нее производные -myka:/-mikä:, а также -ka:/-kä:, выражающие сомнение / вопрос безударны. Примеры: *ala¹rmy* 'возьмет ли', *gele¹rmi* 'придет ли'; *ala¹rmyka:* 'неужели он возьмет', *gele¹rmikä:* 'неужели он придет'; *haýsy¹ka:* 'который же' и т.д.

17) Частица -am/-em, сокращенный вариант союза *hem* 'и, также', прибавляясь к слову, заканчивающегося согласным звуком, произносится безударно. Например: *bi¹zem* 'и мы', *o¹lam* 'он тоже' и т.д.

18) Частицы -da/-de, da:/-dä:, -la/-le, -a:/-ä:, -ha:/-hä:, -aý/-eý, -laý/-leý, -laýt/-leýt, -haw/-how, -ow с выражают различные модальные отношения и произносятся безударно. Некоторые примеры: *Sapa¹r-da* 'и Сапар', *gele¹r-dä:* 'он же придет', *gele¹r-de* 'возможно он придет', *gele¹r-ä:* 'наконец, он придет же', *Durdy¹-ha:* 'Дурды же', *se¹n-ä:* *gellersiň* 'ты же придешь', *du¹r-aý(t)* 'стой же', *du¹r-laý* 'стой же'. Среди этих частиц -a:/-ä:, -ha:/-hä: встречаются и в повторах в значении союза. Примеры: *ga¹ç-ha* – *gaç* (или *ga¹ça-gaç*) 'досл. убеги да убеги', *gö¹çhä-göç* 'досл. переселить да переселить' и т.д.)

19) Частица -la:/-lä:ň (для 2 л. мн. ч.), присоединяясь к глаголу, выражает модальность просьбы или упрека. Например: *dursaňy¹z-la:ň* 'стойте' или 'стойте же', *gelseňi¹z-lä:ň* 'вы придёте же' и т.д.

20) Аффиксы, образующие фамилии -ow/-ýew, -owa/-ýewa и отчество -owıç/-ýewıç, -owna/-ýewna, являются безударными. Примеры: *Ata¹ýew*, *Geldi¹ýewa*, *Ata¹ýewıç*, *Geldi¹ýewna* и т.д.

21) Частицы -ba/-be и -ma/-me, встречающиеся в повторах в значении союза, безударны. Например: *ýu¹lba-ýul* 'досл. год за годом', *gü¹nbe-gün* 'досл. день за днем', *o:ba¹ma-oba* 'досл. село за селом' и т.д.

22) Слова типа: *ha:n*, *beg* 'бек', *ba:ý* 'богатый', *ja:n* 'душа', *gyz* 'девушка', *a:ga* 'дядя', *da:ýu* 'дядя по линии матери', *gardaş* 'брат' при сочетании с собственными именами выражают вежливую форму обращения, произносятся безударно. Примеры: *Mere¹t han*, *Ýusu¹p beg*, *Sapa¹r jan*, *Mara¹l gy:z* и т.д.

Следует определить функции СУ в синтагматическом и парадигматическом планах. При таком подходе ярко проявляются его функции. В синтагматическом плане оно, соединяя безударные слоги с ударным, выполняет словоорганизующую функцию и превращает слово в лексическое единство. Например, можно обратить внимание на структуру и значения следующих слов, наращивая их аффиксами: *at* 'конь', – *aty¹lm* 'мой конь' – *açyly¹lk* 'коневодство'; *gur* 'строй' – *gurlu¹ş* 'структура' – *gurluşy¹lk* 'строительство' – *gurluşy¹ky¹l* 'строитель' и т.д. Словоорганизующая функция СУ ярко выражается в произношении сложных слов. Первый компонент сложного слова произносится безударно, утрачивая свою самостоятельность как лексическое единство. Фонетически он примыкает к последующему слову, которое произносится с ударением. Некоторые примеры: *garüzü¹lm* (< *gara üzüm*) 'черный виноград', *ba:lykgula¹lk* (< *balyk gulak*) 'ракушка', *ikatýo¹l:k* (< *iki at ýok*) 'кукушка', *ilkagşa¹lm* (< *ilki agşam*) 'ранний вечер' и т.д.

В аналитически сложных глаголах происходит такое же явление. Первое слово, как основной компонент по значению, употребляется со своим ударением, а второе как вспомогательный компонент присоединяется к первому слову безударно. Главное ударение, находящееся на первом слове, организует слоги второго компонента как заударные. Примеры со словом *bermek* 'давать': *Oka¹ber* 'проделжай учиться', *duru¹ber* 'постой', *duru¹bersinler* 'пусть подождут'; примеры с послелогом: *gala¹m bilen* 'с карандашом'; *onu¹ň üçin* 'для него', *gele¹n bolsa* 'если он пришёл' и др.

В синтагматическом плане выявляется и фонологическая функция СУ. Она выражается выделением более важного и менее важного слогов слова, тем самым делая речь понятной для слушателя. Например, в слове *geldile¹r* 'они пришли' слог *-ler* является более важным, а в слове *g¹elmediler* 'они не пришли' слог *gel* является более важным для информации. Остальные же слоги этих слов являются менее значительными.

Следует отметить, что в процессе речи СУ наравне с другими грамматическими и семантическими средствами участвует в разграничении слова (делIMITативная функция). Например, в предложении "*Ola¹r işe¹ maşynly¹ ugradyla¹r*" 'Они отправились на работу на машине' конечные слоги каждого слова ударные. Это свидетельствует о том, что СУ наравне с морфологическими средствами участвует в разграничении слова в предложении.

В парадигматическом плане СУ различает аффиксальные морфемы их ударным и безударным положениями. В туркменском языке встречается немало таких случаев. Например, отрицательная форма глагола *-ma/-me* произносится безударно, а словообразовательный аффикс имени существительного *-ma/-me* произносится с ударением. Или возьмем другой пример. Окончание прошедшего времени глагола *-dy/-di* произносится с ударением, а окончание категории сказуемости на *-dy/-di* без ударения.

Примеры: *alma¹* 'яблоко' – *a¹lma* 'не бери'; *seçme¹* 'дробь' – *se¹çme* 'не рассыпай'; *atdy¹* 'стрелял' – *a¹tdy* 'был конь' и т.д. Некоторые ученые, сравнивая подобные омографичные слова с русскими словами *мука¹* – *му¹ка*, *замо¹к* – *за¹мок*, полагают, что ударение в туркменском языке выполняет смыслоразличительную функцию [Хыдыров 1960: 36–37; Азымов 1992: 74–75; Тэчмырадов 1970: 84–85]. В указанных выше примерах из русского языка ударение, действительно, различает слова, и их смысл. В туркменском языке ударение не различает коренные слова, а различает их аффиксальные формы. Имеются следующие 11 пар омографических форм (аффиксов и частиц), различающихся ударным и безударным положениями:

1) Примеры на формы *-ma/-me*:

alma¹ 'яблоко' – *a¹lma* 'не бери'; *seçme¹* 'дробь' – *se¹çme* 'не рассыпай'; *düzme¹* 'сочинение' – *dü¹zme* 'не сочиняй' и т.д.

2) Примеры на формы *-ça/-çe*:

ha:lyça¹ 'коврик' – *ha:ly¹ça* 'чем ковер'; *düşekçe¹* 'матрас' – *düşe¹kçe* 'чем постель'; *ru:sça¹* 'по-русски' – *r¹u:sça* 'как русский' и т.д.

3) Примеры на формы *-dy/-di*:

atdy¹ 'стрелял, бросал' – *a¹tdy* 'был конь'; *itdi¹* 'толкнул' – *it¹di* 'была собака'; *doňdy¹* 'заморозился' – *do¹ňdy* 'была мерзлота' и т.д.

4) Примеры на формы *-dyr/-dir/-dur/-dür*:

atdy¹r 'заставь стрелять' – *a¹tdyr* 'наверняка конь' *doňdu¹r* 'прикажи заморозить' – *d¹oňdur* 'наверно мерзлый'; *güldü¹r* 'заставь смеяться, посмеши

его' – *gü^lldür* 'наверно цветок'; *etdi^lr* 'заставь делать' – *e^ltdir* 'наверно мясо' и т.д.

5) Примеры на формы -gyn/-gin/-gun/-gün:

gyzgy^ln жарко' – *g^lyzgun* 'согрейся'; *gyrgy^ln* 'повальная гибель' – *gy^lrgyn* 'истребляй'; *ıçgu^ln* 'искры' – *ıçgun* 'летай же'; *düzgü^ln* 'распорядок' – *dü^lzgün* 'сочиняй' и т.д.

6) Примеры на формы –уñ/-иñ/-уñ/-üñ:

aty^lñ 'род. п. 'коня' – *a^ltyñ* 'стреляйте'; *iti^lñ* 'род. п. собаки' – *i^ltiñ* 'толкайте'; *güli^lñ* 'род. п. цветы' – *gü^lliñ* 'смейтесь' и т.д.

7) Примеры на формы –da/-de:

atada^l 'у деда' – *ata^l-da* 'и дед'; *enede^l* 'у матери' – *ene^l-de* 'и мать'; *hatda^l* '[на письме]' – *ha^lt-da* 'и письмо' и т.д.

8) Примеры на форму -dan/-den:

öñde^ln 'исх. п. спереди' – *ö^lñden* 'заранее', 'издавна'; *birde^ln* 'по одному' – *bi^lrden* 'внезапно';

9) Примеры на форму -la/-le:

a:kla^l 'побели' – *a^l:k-la* 'белая же'; *geple^l* 'говори' – *ge^lp-le* 'эта же речь'; *gözle^l* 'ищи, смотри' – *g^löz-le* 'глаз же' и т.д.

10) Примеры на форму -am/-em:

ola^lm 'назв. диал.' – *o^llam* 'он тоже'; *ıçe^lm* 'назв. игры' – *ı^lçem* 'и три' и т.д.

11) Примеры на формы односложных слов

ja:n 'душа', *ha:n* 'правитель', *baý* 'богатый', *beg* 'бек', *gyz* 'девочка, девушка'. Эти слова, присоединяясь к собственным именам, произносятся с ударением, а следуя за именами собственными в качестве вспомогательного компонента, произносятся безударно:

Ma:taja:^ln 'соб. имя' – *ta:ma^lja:n* 'милая бабушка'; *Bi:bija:^ln* 'соб. имя' – *Bi:bi^lja:n* 'милая Биби'; *Nazarba:^ly* 'соб. имя' – *Naza^lr ba:y* 'богатый Назар'; *Alybe^lg* 'соб. имя' – *Aly^l beg* 'бек Алы'; *Eneyu:^lz* 'соб. имя' – *Ene^l gy:z* 'девушка Эне' и т.д.

Приведенные выше фонетико-фонологические, морфологические факты туркменского языка дают нам основание заключить, что словесным ударением является выделительное произношение одного из слогов слова. Оно существует и действует в словах как надсегментное средство и выполняет в речи словоорганизующую, фонологическую, форморазличительную и разграничительную функции.

Литература

Азымов П., Сопьев Г., Чоңңэев Я. Туркмен дили. Педагогик училищелер учин – Ашгабат. 1992.

Аракин В.Д. Ударение // СИГТЯ. Фонетика – М., 1984.

Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. ч. I – М., 1952.

Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками – Казань, 1934.

Буланин Л.Л. Фонетика современного русского языка – М., 1970.

Geldiýew M we Alparow G. Türkmen diliniň grammatikasy. – Aşgabat. 1929.

Грамматика современного башкирского языка – М., Наука, 1981.

Джунисбеков А. Проблемы тюркской словесной просодики и сингармонизм казахского языка. АДД – Алма-Ата, 1988.

- Касевич В.Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания – М., 1983.
- Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка – М.; Л., 1956.
- Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка – М.; Л., 1960.
- Кульманов Г.* Фонетика // Сравнительная грамматика русского и туркменского языков, ч. I. Фонетика и морфология – Ашхабад, 1964.
- Поливанов Е.Д.* Введение в языкознание. Для востоковедных вузов – Л., 1928.
- Поцелуевский А.П.* Фонетика туркменского языка – Ашхабад, 1936.
- Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков – М., 1955.
- Сапаев А.* Словесное ударение в туркменском языке. АКД, - Ашхабад, 1967.
- Севортян Э.В.* Фонетика турецкого литературного языка – М., 1955.
- Тэчмырадов Т. Худайгулыев М. Хэзирки заман туркмен едеби дилиниң фонетикасы – Ашгабат, 1970.*
- Федянина Н.А.* Ударение в современном русском языке – М., 1982.
- Хыдыров М.Н. ве Бегенжов К. Хэзирки заман туркмен дили. Фонетика Ашгабат 1960.*
- Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л., 1970.

Amanmuhammet Nurmuhamedov. On phonetic and morphological peculiarities of word stress in the Turkmen language

Summary. This article deals with phonetic and morphological peculiarities of the Turkmen word stress, one of insufficiently studied problems of Turcology. Basing on Turkmen material, we specify the types and functions of the word stress.

Key words: syllable, word, stress, place, function, Turkmen

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ЧЕРТЫ ЭПИЧЕСКОГО В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ЭПИТАФИЯХ

И.В. Кормушин, г. Москва

Резюме. В статье на примере енисейских текстов показано, что в древнетюркских эпитафиях на смерть государственных мужей используются приемы художественной выразительности, которые не создавались заново, а черпались из уже имеющиеся в арсенале эпических сказаний.

Ключевые слова: Древнетюркские памятники, эпитафия, эпос, изобразительные средства, эпический герой

Героический эпос есть почти у всех тюркских народов. Записи его произведены частью в XIX в., но в большинстве случаев в XX в. Общим местом является утверждение о древности эпических сюжетов и повествований. Действительно, их фактура дает основание для таких утверждений: борьба верхом на конях с луком и стрелами, мечом и копьём, отсутствие огнестрельного оружия, древность и простота хозяйственного уклада – охота и скотоводство, патриархальность личностных отношений и многое, многое другое. Вместе с тем, язык эпических произведений, содержа множество архаических элементов, по основным признакам является современным. Иначе и быть не может: рассчитанное на слушателя, т.е. современника, эпическое произведение должно быть ему понятно в деталях и нюансах. Будь сколь угодно старым по сюжету, фактуре, идее, эстетике, оно, переходя от поколения к поколению, модифицировалось в устах сказителей, становясь каждый раз сегодняшним изложением старой легенды.

Более старые записи эпических рассказов единичны. Единственная рукопись XV в. уйгурским письмом донесла до нас сказание об Огуз-кагане. По наличию достаточно ясных монголизмов эпоху его создания вынужденно связывают с монгольским временем, давая максимально древнюю дату – XIII век. Однако вся совокупность остальных языковых признаков говорит о более древней основе этой легенды, почему, думают специалисты, перед нами не запись, а последующая редакция, осуществленная в монгольское время и в монгольской среде. Сама же запись произведена на древнеуйгурском языке (подновленном впоследствии), расцвет которого пришелся на IX–X вв.

Единичность древних письменных фиксаций эпики понятна: сказания были предназначены для устного исполнения, они представляли собой импровизацию

данного сказителя по определенной сюжетной канве. Мастерство сказителя оценивалось по музыкально-голосовому исполнению, детализированности описаний, количеству персонажей, и вообще, оно воспринималось больше как производное от его памяти, чем как творческое начало. Сказитель не был автором, он был хранителем и передатчиком. В этом, собственно, и состоит основное отличие авторской литературы от литературы народной – сказок и сказаний.

Подчеркнуто безавторский статус эпоса порождает и сохраняет такие его стилиевые особенности, как устойчивость эпитетов и повторяемость сюжетных ходов. Основные темы эпических сказаний – борьба героя за свое счастье, стремление восстановить справедливость, чьи-то погрязшие права. Для этого герой совершает действия, которые обычно называют подвигами, ибо усилия и умения, прилагаемые им для их исполнения, находятся далеко за пределами возможностей обычных людей. Гиперболизация качеств и действий героя – также характерная стилиевая особенность в изображении эпического героя в отличие от героя литературного.

Названные особенности изобразительного стиля эпических сказаний – устойчивость эпитетов, повторяемость сюжетных ходов, гиперболизация героя – не отделяют непроходимой стеной народную литературу от литературы авторской. В ранних произведениях авторской литературы (да и не только в ранних) в изобилии присутствуют и избитые сравнения, и ходульные сюжеты. Такой вид гиперболизации героя, как его идеализация, распространены до сих пор. Все это указывает на несомненную преемственную связь более новой авторской литературы с более старыми народно-эпическими традициями в словесно-изобразительном искусстве.

Однако в большей степени указанные выше стилиевые особенности сближают эпос с таким более старым жанром фольклора, как сказка. В сказках та же стабильность эпитетов на фоне закреплённости качеств за определенными персонажами. Развитие сюжетных коллизий тоже предопределяется качествами персонажей. Но гораздо больше объединяет эпос со сказкой, заметно отличая их вместе от литературы, – это взаимодействие персонажей с волшебными силами. Как и в сказках, не только герои, но и различные другие персонажи эпоса либо опираются на помощь, либо задействуют напрямую положительные и отрицательные волшебные силы. Представляется, что именно опора на волшебные силы, связь с ними является источником гиперболической силы и эпических героев, и их противников.

Раскрытие характерных особенностей словесно-изобразительного стиля эпических сказаний в сопоставлении, с одной стороны, с авторской литературой, а с другой стороны, – с более древними фольклорными жанрами, показывает, что своими корнями эпос уходит в сказку, а героико-приключенческое сказание постепенно перерождается в авторский рассказ и роман. По отношению к сказке эпос добавляет размах силовых столкновений противоборствующих сил, превращая их в сражения дружин и битвы войск. Но в эпосах хакасов, шорцев, теленгитов, якутов и других малочисленных тюркских народов борьба героя всегда единолична, если не считать патронирующих ему волшебных сил. И это, видимо, более старая черта эпоса.

Если так, если эпическое сказание гораздо ближе к сказке, то оно, вероятно, так же древнее, как сказка. Возраст эпоса так же трудно определить, как возраст сказки – древнейшего словесного жанра. Однако изучая всю совокупность словесных произведений того или иного народа, так или иначе связанных с фольклором, мы можем приближаться к решению этой задачи, идя по нескольким путям.

Один из таких путей – опора на внешние источники. Как греческие источники сохранили древнейшие сведения о скифах, в том числе их генеалогические мифы, так и китайские источники донесли до нас древнейшие варианты генеалогических мифов тюрков. Однако в этом случае у нас есть только сведения на чужом языке, но нет собственной языковой “материи”. Правда, сведения очень древние, относящиеся ко времени гораздо более раннему, чем собственные источники.

Другой путь – опора на собственные источники. Ранние литературные произведения, будучи тесно связанными, как уже сказано, в словесно-образительной стилистике с эпическими сказаниями, не могли обходиться без заимствования тех или иных образов, сюжетов, выражений – эпитетов, сравнений, метафор. Наиболее ранние письменные памятники тюркоязычных народов представляют собой литературу не развлекательного, а публицистического жанра. Это эпитафии на смерть виднейших государственных мужей – каганов, полководцев, представителей центральной и местной административной элиты. Эпитафии, особенно высших руководителей, были проникнуты столь важными и серьезными внутри- и внешнеполитическими заявлениями, призваны были воздействовать на столь широкую, социально и этнически разнообразную аудиторию, что поневоле должны были обладать большим эмоциональным зарядом. А это возможно только с помощью выразительного, художественно организованного текста. Естественно, что приемы художественной выразительности не создавались заново, а использовались уже имеющиеся в арсенале эпических сказаний.

Обратимся к некоторым параллелям в изображении эпитафийного и эпического героя.

Характерными мужскими качествами эпического героя являются его умение побеждать в сражении и его добычливость на охоте: эпический герой – воин и охотник экстра класса. В тувинском эпосе “Baldir Beejik” герой, устраивая пир, сам едет в тайгу и отстреливает множество зверей – оленей и косуль, медведей и волков, куниц и соболей. После длительного пира, получив мужское имя Dana Kerel, герой отправляется в путь, чтобы вступить в соревнование за невесту. Сначала соперники состязаются в стрельбе из лука по воронам. Затем они сходятся на борцовском кругу и борются не переставая 3 месяца, пока Dana Kerel, высоко подняв противника, не бросает его на скалы. В шорском эпосе “Çağ salkın” герой на аналогичном состязании бьется 40 лет. В конце концов, подняв противника до неба, он бросает его на острые скалы.

Таковы же главные личные качества героев енисейских эпитафий. Иногда воинские и охотничьи доблести мемориантов отмечаются непосредственно вместе, чем подчеркивается их единство. Примеры.

“Вы были разящим стрелком (на охоте) и побеждающим в единоборстве”, – сказано о герое надписи E-28, с Алтын-Кёля в Хакасии.

Герой надписи E-44, из Кызыл-Чираа в Туве говорит о себе: “Я – тот, кто всегда сражался в жестоких битвах. На проворных ланей я – меткий стрелок”.

“Я убил двадцать два воина (врага), я убивал синих волков, черных соболей, оленей”, – слова из эпитафии E-98 (Уйбат VI) в Хакасии.

Поскольку эпитафии в отличие от эпического сказания посвящены не обобщенному герою, а конкретному историческому лицу, то характеристика меморианта должна оставаться в рамках реальности. Во многих эпитафиях коротко сообщается общий итог побед меморианта в личном противоборстве:

“Я убил (в своей жизни) сорок пять воинов (врага)” (E-25, Означенное I);

“За свои сорок девять лет он (т.е. мемориант) убил пятьдесят девять воинов (врага), он убил генерала – военачальника” (E-48, Абакан);

“В жестоких сражениях я убил тридцать воинов (врага)” (Е-27, Оя);

“О мои семьдесят лет! – Я умер. Я убил семьдесят мужей (воинов врага)” (Е-42, Бай-Булун I)

В надписи Е-49, Бай-Булун II даются две цифры – захваченных в плен и убитых.

В надписи Е-10 (Элегест I) мемориант не сообщает точной цифры, говоря: “не было такого сражения, чтобы я не убивал воинов врага. В одной только битве под Чибилигом (совр. тув. Шивилиг) я захватил в плен восьмерых мужей”.

Иногда воинская доблесть меморианта выражается не числом убитых и плененных врагов, но числом военных экспедиций с целью захвата добычи, для обозначения чего применялся специальный глагол *tegin-* ‘уходить и возвращаться’. Четырежды “уходил и возвращался” герой надписи Е-29 (Алтын-Кель II), трижды – герой Е-31 (Уйбат II), пять раз – герой Е-53 (Элегест III).

В последнем тексте сказано так: “Из моей страны я пять раз уходил и возвращался во имя моей доблести мужа-воина”. Связь с темой военной экспедиции показывает, что речь идет не просто о “мужской” доблести, как это можно понимать буквально из словосочетания *er erdämi* ‘мужчина доблесть-его, мужская доблесть’, но именно о доблести мужчины в его военном качестве. Еще в ряде текстов “мужская доблесть” находится в едином контексте с ратными деяниями мемориантов, почему и становится возможным трактовать это словосочетание как “добрость мужчины [на войне, в сражениях]”, “добрость мужа[-воина]”:

“Я погиб во имя своей доблести мужа-(воина), ради моей земли”, – говорит герой надписи Е-23 (Чаа-Холь XI);

Ради доблести сражался и погиб герой надписи Е-43 (Кызыл-Чираа).

“Во имя доблести мужа-воина я служил моему государству”, – говорит мемориант надписи Е-46 из Телээ, Тува.

“Во имя доблести я претерпел” – слова меморианта надписи Е-50 из Тувы.

Для того, чтобы отметить ратные качества меморианта в целом ряде случаев ограничиваются лишь данным словосочетанием – “мужская доблесть”: “Моя доблесть мужа-(воина)!” (Е-2, Уюк-Аржан; Е-149, Эрбек II), иногда даже без определенной формально-синтаксической отнесенности к меморианту – Е-5 (Барык I), Е-51, Е-109 и Е-110 (Уюк-Оорзак II и III),

Встречаются и другие обобщенные, но не стандартные описания военных заслуг мемориантов. Например: “Я сорок лет держал (в руках) государство, возглавлял народ, воевал внешних врагов” (Е-45, Кёжелиг-Хову).

Охотничьи достоинства мемориантов отмечаются в енисейских надписях гораздо реже и более кратко. Помимо приведенных выше примеров из памятников 28, 44, 98 еще примеры:

“Я убил семь волков, а барсов и кёкмеков я не убивал” (Е-11, Бегре).

В двух больших надписях из Хакасии охотничья тема дана более развернуто, причем характеристика меморианта здесь неожиданно получает эпическую гиперболизацию благодаря своеобразному обращению к объекту охоты – зверям и птицам:

Altun Songa uş keyiki! Artgıl! Taşgıl! Atdaçı Opa Barsım adırılı bardı, ayıta! ‘Косули Черни Золотая Сонга! Размножайтесь, расселяйтесь: тот, кто мог поразить (вас) на охоте, – мой Опа Барс, – ушел навсегда, о горе! (Е-28, Алтын-Кель I).

İç yer elki artzun attaçı alp tutuk yok ...

Toğday turñazı artzun kuşladaçı bilge tutuk yok ... ‘Пусть множатся косули внутренних земель: того, кто мог их подстрелить (на охоте) – отважного *тутука*

(больше) нет! ... / Пусть множатся журавли Тогудая: того, кто умел охотиться на них с ловчей птицей, – мудрого *тутука* (больше) нет! ... (Е-48, Абакан).

Если бы подобное выражение встретилось единственный раз, можно было бы подумать, что это находка автора эпитафии. Но двукратное повторение данной гиперболы говорит о том, что перед нами более или менее стандартная формула.

Таким образом, наделение лиц, которым посвящены эпитафии, отменными качествами воина и охотника – совершенно в духе эпических сказаний. По политическим и иным соображениям осуществлялась идеализация мемориантов через героизацию их личностей по канонам эпоса. Из этого ясно, что ко времени создания енисейских и орхонских эпитафий эпическая традиция у древних тюркских народов – предков современных турок, уйгуров, тувинцев, хакасов и мн. др., имела уже широкое распространение. С другой стороны, свойственная эпосу гиперболичность изображения этих качеств в эпитафиях иногда смягчена, иногда полностью нивелирована в сторону реальности. Встречаются попытки индивидуализации словесно-выразительных приемов, что говорит о начале процесса вырастания из эпической традиции первых образцов авторской публицистической литературы.

Igor V. Kormushin. Epic features of Old Turkic epitaphs

Summary. On the example of Yenisei Old Turkic runic epitaphs, this article shows that stylistic devices out of the arsenal of the epic oral literature were used in Old Turkic texts devoted to the memory of important statesmen of Turkic empires.

Key words: Old Turkic written monuments, epitaph, epics, stylistic devices, epic characters

**МЕСТО *КЫТ'А* В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XV–XIX ВВ.**

А.И. Сёмина, г. Москва

Резюме. Статья посвящена исследованию жанровой формы *кыт'а* и ее места в средневековой турецкой литературе XV–XIX вв. В ходе анализа *кыт'а*, зафиксированных в диванах турецких поэтов и тезкире, автор приходит к выводу, что *кыт'а*, имевшая сравнительно невысокий статус в средневековой иерархии жанров и жанровых форм турецкой литературы в XV–XVI вв., постепенно усиливает свои позиции, прежде всего, благодаря тому, что к XVII в. она явилась приоритетной формой для обслуживания таких популярных жанров, как сатирическая поэзия (хиджив) и тарих: именно в XVII в. сатирические тенденции становятся в турецкой литературе доминирующими, а тарих начинает играть роль панегирика, достаточно высоко ценившегося и поэтами, и заказчиками.

Ключевые слова: *кыт'а*, средневековая турецкая литература, иерархия жанров и жанровых форм, сатирическая поэзия, тарих

Средневековая турецкая литература представляла собой иерархически выстроенную систему, в которой все жанры и жанровые формы занимали отведенное им традицией место. Наиболее высокой жанровой формой считалась касыда, за ней следовала газель, *кыт'а* же традиционно стояла на более низкой ступени в иерархии жанровых форм. *Кыт'а* (с арабского – «фрагмент», «отрывок») – стихотворная жанровая форма, которая проникла в турецкую литературу из персидской литературы в XV в. *Кыт'а* представляла собой стихотворение со способом рифмовки *ab cb...* объемом от 2 до 12 и более бейтов¹. Турецкая *кыт'а*, как и *кыт'а* в персидской литературе, являлась стихотворением «на случай» и обслуживала большое количество тем: в форме *кыт'а* создавали стихотворения «делового назначения» (послания, прошения, докладные записки и т. д.), литературные загадки-*лугазы*² и *муамма*³, хронограммы-*тарихи*, писали экспромты, восхваления покровителей, хулительные стихотворения и похоронные элегии, а также

¹ *Бейт* – двустишие, основная стихотворная единица в литературах Ближнего Востока.

² *Лугаз* – литературная стихотворная загадка, стихотворение, в котором мог быть загадан какой-либо предмет.

³ *Муамма* – литературная стихотворная загадка, в отличие от лугаза загаданным объектом в муамма могло являться только имя собственное.

стихотворения, которые можно отнести к философской, сатирической или любовной поэзии.

Жанровая форма *кыт'а* являлась своего рода поэтической мастерской: поэты создавали в этой форме небольшие поэтические наброски различной тематики. На протяжении первых веков функционирования *кыт'а* в лоне турецкой литературы такими «отрывками», «фрагментами» являлась бóльшая часть *кыт'а*. В нескольких *кыт'а* одного и того же автора нередко встречаются повторения редифа⁴, поэт может разрабатывать в них одни и те же мотивы (подобно тому, как это имело место в газелях), писать их одним и тем же размером, однако в отличие от газелей, в нескольких *кыт'а* одного автора зачастую встречаются буквальные автоцитаты. Так, например, Неваизаде Атаи (XVII в.) повторяет дословно бейт из одного своего панегирика Салиху Эфенди в другом панегирике, адресованном ему же. Приведем первую из этих *кыт'а*:

О великий, благородный любитель советов,

Твоя слава достойна всех украшений мадха.

Нет границ [положительным] качествам этого обладателя достоинств.

Даже если не восхвалять каждое из его достоинств, скажут, что и этого достаточно [Неваизаде Атаи: 313].

Сравним со вторым панегириком, адресованным Салиху Эфенди. В данной *кыт'а* последний бейт панегирика, приведенного выше, разбит на мисра⁵, которые распределены по двум другим бейтам:

У того, у кого лицо как утренняя заря, нрав как у ангела.

Нет границ [положительным] качествам этого обладателя достоинств.

Даже если не восхвалять каждое из его достоинств, скажут, что и этого достаточно.

Распространяет благоуханный утренний ветерок аромат весны. [Неваизаде Атаи: 313].

Кыт'а являлась своего рода творческой лабораторией, жанровой формой, работая в которой поэт пытался определить, в каком обрамлении тот или иной бейт лучше звучит. В то же время она представляет собой как бы «срез», застывший «слепок» поэтических экспериментов поэта, отражая живой процесс создания стихотворения. Это проявилось, прежде всего, в фрагментарности многих произведений, написанных в форме *кыт'а*. Так, значительная часть любовных стихотворений, созданных в форме *кыт'а*, напоминает отрывок газели: в них соблюдены формальные требования, которые применялись к газели, – рифмованный первый бейт, упоминание псевдонима поэта в последнем бейте стихотворения, – однако они отличаются от газели меньшим объемом, достигающим 3–4 бейтов. Некоторые турецкие поэты и составители *тезкире*⁶ конца XVIII – XIX вв. называют такие любовные *кыт'а* «незаконченными газелями» (*na-tamam gazeller*) и помещают отдельно от других *кыт'а*.

Значительную часть *кыт'а*, зафиксированных в диванах и *тезкире*, составляли прошения и послания, адресованные богатым меценатам: поэты

⁴ *Редиф* – слово или группа слов, повторяющиеся после рифмы.

⁵ Мисра – одна из строк, составляющих бейт.

⁶ *Тезкире* – средневековый сборник биографий поэтов, сопровождавшихся отрывками наиболее известных их произведений.

благодарили за денежное вознаграждение, за подарки (ткани, одежду, сундучки с монетами и др.), просили о выдаче жалования, об оплате наиболее успешных стихотворных подношений. Они также использовали эту жанровую форму, когда писали письма друзьям, причем темы таких писем могли быть самыми разными, от бытовых поручений – просьба прислать диван, забрать деньги у соседей, дать совет и др. – до обсуждения поэзии и выяснения отношений. Многочисленные примеры стихотворной переписки, где письма составляли в форме *кыт'а*, мы находим в турецких *тезкире* XVI–XIX вв. Например, Лятифи (XVI в.) в своем *тезкире* приводит следующую историю: Сафаи спросил у Ликаи, может ли его диван занять достойное место среди диванов других поэтов, на что тот ответил:

Ваш диван стал легендой
И горожане, и деревенские жители читают его: так он прославился.

Благодаря прославлению очей лани
Он так же популярен, как дестан оленя [Лятифи: 288]. (Слово «олень» имеет помимо буквального значения значение «рогоносец», «сводник»).

На это оскорбительное стихотворение Сафаи ответил следующей *кыт'а*:

Если бы я писал стихи так, как ты,
Они бы стали известными, и ходили, подобно закуске, из рук в руки.

Если бы я о твоих особенностях написал в диване,
То это получился бы дестан об олене [Лятифи: 289].

Кыт'а также обслуживала экспромты, стихотворные ответы. *Тезкире* сохранили множество остроумных анекдотов, придуманных поэтами «на случай»: известны, например, многочисленные анекдоты о Ивазе Зати (конец XV – первая пол. XVI в.), Исе Месихи (XV в.), Хаяли (XVI в.), Нефи (XVII в.), и др. Так, Лятифи приводит историю о Месихи и Мевляне Шеми, которые однажды отправились в церковь в Галате, чтобы полюбоваться там на лица красавиц-христианок, и один острослов, услышав об этом, сочинил по этому случаю следующую *кыт'а*:

Месихи отправился в церковь в Галате
И взял с собой Шеми⁷.

Услышавшие об этом по ошибке сказали:
Месихи понес в церковь свечку [Лятифи: 424].

⁷ Шем (şem) – литературный псевдоним поэта, слово 'Şem' буквально переводится «свеча».

Таким образом, можно заключить, что в повседневной жизни просвещенных подданных Османской империи XV–XIX вв. *кыт'а* играла огромную роль, сопровождая их бытовые дела и общение. Между тем, в диванах турецких поэтов эта популярность *кыт'а* как средства переписки, как жанровой формы, в которой создавались экспромты, не отразилась. В XV–XVI вв. количество *кыт'а* в диванах турецких поэтов сравнительно невелико: в среднем на одного поэта приходится по 19 *кыт'а*. В XVII–XVIII вв. этот показатель вырастает в два раза: на одного поэта приходится 66,7 *кыт'а*.

Рост количества *кыт'а* в диванах того времени очень показателен: именно в это время начинает создаваться большое количество стихотворений-хронограмм – *тарихов* именно в этой форме. Под словом «*тарих*» (букв. с тур. «дата») понимают и поэтическую фигуру – хронограмму, включенную в текст стихотворения, – и само стихотворение, заключающее в себе хронограмму. Хронограмму могли содержать в себе стихотворения разных жанровых форм, не только *кыт'а*, но и газели, касыды и фарды⁸, – часто в заглавии стихотворения поэты специально указывали, что перед читателем – «касыда с *тарихом*» или «газель с *тарихом*». Однако прочнее других жанровых форм с *тарихом* связана *кыт'а*: более половины *кыт'а* в XVII–XVIII вв. (55–57%) содержали в себе хронограмму⁹. Будучи стихотворением «на случай», *кыт'а* наилучшим образом подходила для создания хронограмм, в которых поэты запечатлевали важные события из жизни своего окружения: будь то получение новой должности, свадьба или рождение ребенка, закладка или реставрация архитектурного объекта. Рост популярности *тариха* в XVII в. не случаен: в это время фокус внимания поэтов смещается с вечного на повседневное, внимание обращается к современности. Кроме того, это время ознаменовано ростом третьего сословия: богатые образованные горожане становились заказчиками стихотворных панегириков, приуроченных к значимым событиям их личной жизни.

Повышение статуса *кыт'а* в XVII в. также связано с усилением сатирических тенденций в турецкой литературе этого времени (XVII век даже принято называть «веком сатиры»): *кыт'а* являлась приоритетной формой для создания сатирических стихотворений различных жанров.

Подводя итог, можно заключить, что жанровая форма *кыт'а*, играющая важную роль, прежде всего, в повседневной жизни османского общества, долгое время имела сравнительно невысокий статус в иерархии жанров и жанровых форм средневековой турецкой литературы. Однако начиная с XVII в. *кыт'а* все чаще фиксируется в диванах и тезкире, что свидетельствует о ее возрастающей популярности и упрочнении позиции в системе жанров и жанровых форм

⁸ Фарды – жанровая форма турецкой поэзии, двустихийные, как правило, афористического характера.

⁹ До этого времени количество *кыт'а*, содержащих в себе хронограмму, было сравнительно невелико: в XV–XVI вв. хронограмму содержали лишь 2–4% от всех *кыт'а*.

турецкой литературы. Это произошло во многом благодаря тому, что в форме кыт'а активно создавались *тарихи* – камерные панегирики, которые чрезвычайно высоко ценились как поэтами, так и заказчиками-меценатами.

Литература

Боролина И. В. Региональные контакты и местные традиции в турецкой литературе средних веков // Тюркские литературы и фольклор. М., 2004. С. 99–111.

Ворожейкина З.Н. Кыт'а – стихотворение-«фрагмент» в персидской поэтической культуре // Неизменность и новизна художественного мира. / Сб. памяти Е.Э. Бертельса. М., 1999. С. 36–58.

Маштакова Е.И. Из истории сатиры и юмора в турецкой литературе. М., Наука, 1972.

Рейснер М.Л. Персидская лироэпическая поэзия X – начала XIII века. Генезис и эволюция классической касыды. М., 2006.

Рейснер М.Л. Эволюция классической газели на фарси (X–XIV века). М., 1989.

Фильштинский И.М. История арабской литературы, V – начало X века. Москва, 2010.

Фильштинский И.М. История арабской литературы, X–XVIII века. Москва, 2010.

Banarlı N. Resimli Türk Edebiyatı tarihi. İstanbul, 1947.

Dilçin C. Örneklerle Türk Şiir Bilgisi. Ankara, 1983.

Çanım R. Divan Edebiyatında Türler. Ankara, 2012.

Cengiz H. Divan şiiri antolojisi. Ankara, 1983.

Encyclopædia Iranica: Chronograms (<http://www.iranicaonline.org/articles/chronograms-pers>)

Farooqi M. A. The secret of letters: Chronograms in Urdu Literary Culture ([Http://www.Columbia.Edu/Itc/Mealac/Pritchett/00urduhindilinks/Txt_Abjad_Farooqi.Pdf](http://www.Columbia.Edu/Itc/Mealac/Pritchett/00urduhindilinks/Txt_Abjad_Farooqi.Pdf))

İpekten H. Eski Türk Edebiyatı, Nazım şekilleri ve aruz. İstanbul, 2004.

Latîfî Latîfî Tezkiresi. Ankara, 1999.

Pala İ. Divan Edebiyatı. İstanbul, 2013.

Sehi Heşt Behişt. Ankara, 1998.

Источники

Ahmet Paşa Divanı. Ankara, 1992.

Arpaemîni-zâde Mustafa Sâmî. Dîvân. Ankara, 2004.

Atâyî Nev'î-zâde Dîvânı (<http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10637,nevi-zade-atayipdf.pdf?0>)

Bâkî Dîvânı

(<http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10596,bakidivanisabahattinkucukpdf.pdf?0>)

Behiştî Dîvânı (<http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10597,behistipdf.pdf?0>)

Edirneli Nazmî Dîvânı (<http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10605,edirneli-nazmi-divanisayfa19903981pdf.pdf?0>)

- Emrî Dîvânı* (<http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10607,emridivanipdf.pdf?0>)
- Enderunlu Vâsıf Divanı*. İstanbul, 2007.
- Şeyh Gâlib Dîvânı* (<http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10654,metinpdf.pdf?0>)
- Hamdî Divanı* (<http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10615,girispdf.pdf?0>)
- Hayâlî Divanı*. Ankara, 1992.
- Lebîb Dîvânı*. Ankara, 2004.
- Mânî. Dîvân ve Şehr-engîz-i Bursa*
(<http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10624,mani-divani-sener-demirel-pdf.pdf?0>)
- Nabi Divanı*. Ankara, 2011.
- Necafî Beg Divanı*. Ankara, 1992.
- Nedim Divanı*. İstanbul, 1972.
- Revânî Dîvânı (<http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10643,revanidivaniziyaaavsarpdf.pdf?0>)
- Şeyhülislâm Yahyâ Dîvânı*
(<http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10655,seyhulislamyahyadivanihasankavrukpdf.pdf?0>)
- Vahyî Dîvânı* (<http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10659,metinpdf.pdf?0>)
- Vusûlî. Dîvân* (<http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10660,vusulidivanipdf.pdf?0>)

Anastasiya I. Syomina. The place of *qit'a* in the medieval Turkish literature of the XVth–XIXth cc.

Summary. The article is devoted to an analysis of the genre *qit'a* and its place in the medieval Turkish literature of the XVth–XIXth cc. The author comes to the conclusion that *qita* having rather a low status in the hierarchy of genres and genre forms of the medieval Turkish literature in the XVth–XVIth cc., enforces its positions towards the XVIIth century and becomes a preferred form for such popular genres as satirical poems and *tarikih* as in the XVIIth century satiric tendencies dominate in the Turkish literature and *tarikih* begins to play a role of a panegyric, highly estimated both by poets and authorities ordering such poems.

Key words: *qita*, medieval Turkish literature, hierarchy of genres and genre forms, satirical poems, *tarikih*

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ «ЖЕНСКОЙ» ЛИТЕРАТУРЫ
В ТУРЦИИ XIX в.**

Т.А. Аникеева, г. Москва

Резюме. Танзимат стал эрой масштабных преобразований практически во всех сферах жизни турецкого общества, в том числе в культуре и литературе. Появление т.н. «женской литературы» в Турции связывается прежде всего с возраставшим влиянием Запада и переводами произведений прежде всего французских писателей; в статье рассматриваются некоторые проблемы развития популярной литературы, предназначенной для женщин, в Османской Турции во второй половине XIX в.

Ключевые слова: Танзимат, популярная литература, женщина, семья

Период в истории Турции и Османской империи, известный как Танзимат, стал эрой масштабных преобразований практически во всех сферах жизни общества, в том числе в культуре и литературе. Реформы Танзимата начали новый этап в истории книгопечатания, издания периодики и литературы различных жанров. А.Д. Желтяков выделяет конец XVIII – первую пол. XIX в. (период от *низам-и джедид* до Танзимата) как время важных количественных и качественных изменений в турецком книгопечатании [Желтяков 1972: 55]. Это связано, прежде всего, с реформами в области образования, в частности, образования светского, а также с влиянием Запада. Одним из наиболее очевидных последствий реформ стало распространение в этот период грамотности среди городского населения Турции. Безусловно, основная причина этого – широкомасштабная реформа образования, охватившая не только территорию собственно Турции, но и все провинции Османской империи, в результате чего «к концу 50-х годов основным средством распространения современных научных знаний в турецком обществе, точнее среди того немногочисленного слоя турок, которые умели читать, стала печатная книга» [Там же: 55–56]. Развитие торговли приводило к постоянному притоку населения в города: этот период отмечен бурным ростом городов, как прибрежных, так и находящихся в глубине страны¹. Закономерно предположить, что вследствие миграций, экономического роста и образовательной реформы увеличилось и количество грамотного населения.

В связи с началом и развитием книгопечатания в турецкой историографии в большей степени освещается зарождение турецкой прессы, нежели книгоиздание [History of the Ottoman State 2002: 77], а эпоха Танзимата в контексте истории культуры Османской империи исследователями

¹ См., например: [Faroqhi, McGowan et al. 1994: 781–782].

рассматривается, прежде всего, как время расширения западного влияния практически во всех областях культуры, в том числе и в литературе. Одним из центральных вопросов в современной историографии, исследующей данную эпоху и XIX в. в целом, является вопрос, в какой степени Танзимат можно считать началом, отправной точкой в процессе вестернизации страны, и какую роль в целом сыграла эта эпоха в процессе модернизации Османской империи [Özdemir 2003: 21–22].

Появление в Турции популярной литературы, предназначенной преимущественно для женской аудитории, принято связывать в хронологическом отношении с серединой – второй половиной XIX в.

На сегодняшний день существует довольно много трудов, посвященных различным сторонам как повседневной жизни женщины в разные периоды истории Османской империи (в частности, и в интересующую нас эпоху), так и ее частному миру и ее роли в обществе², однако феномен так называемой «женской литературы», процесс ее зарождения в Османской Турции является относительно малоисследованным – и с точки зрения истории литературы Турции, и в культурологическом аспекте.

Появление «женской литературы» в Турции принято связывать (и зачастую – исключительно) с возрастающим влиянием Запада и переводами произведений прежде всего французских писателей. Так, Фатма Алие (1864–1924) прославилась романом «Мерам», вышедшим под ее именем, но на самом деле представлявшем собой лишь перевод романа ее малоизвестного французского современника Жоржа Онэ (1848–1918) «Volonté». Однако другим источником литературных произведений, создававшихся женщинами, вполне естественным образом явилась классическая поэтическая персоязычная традиция (как и для всей диванной турецкой литературы до определенного времени): в качестве примера можно привести творчество Хатидже Иффет, Несибы Тевфик (ум. 1844), Фериде (1837–1903). Несмотря на, казалось бы, столь разные источники, на начальном этапе формирования «женской» литературы ее произведения объединяло то, что она была ориентирована прежде всего на узкий круг женщин из высшего, просвещенного и образованного слоя османского общества. Вполне естественно, что первыми авторами журналов и газет для женщин были также дочери и жены высокопоставленных чиновников и аристократов, тогда как авторы, имевшие «простое происхождение», не принадлежащие к османской элите, в этой области появились несколько позднее [Frierson 2005]. Так, Макбуле Леман (1865–1898), поэтесса и первый редактор «*Hanımlara Mahsus Gazete*» («Газета для женщин») была дочерью *кахведжибаши* Мурада V и женой Мехмеда Фуад-бея, одного из членов Государственного совета; уже упомянутая Фатма Алие также происходила из весьма образованной семьи, Лейла Саз (1850–1936), композитор, поэтесса и писательница, была дочерью влиятельного чиновника.

На страницах османских женских журналов и журналов, предназначенных для семейного чтения, обсуждались вопросы образования, современная культура, современность как таковая, проблемы ведения хозяйства и работы вне дома. Одним из самых известных периодических изданий была «*Hanımlara Mahsus Gazete*», которая не только просуществовала около 14 лет (с 1895 по 1909 гг.), но также выпускала отдельное приложение для девочек и газету для

² Например: [Zilfi, 2010] и многие другие.

детей и являлась настолько успешной в финансовом отношении, что смогла основать собственную типографию. Однако этот пример единичен: многие периодические издания для женщин, чья целевая аудитория – элитарный круг образованных горожанок Османской империи – была относительно немногочисленной, не окупались и были вынуждены закрыться. В связи с этим надо отметить, что несмотря на то, что в фокусе этих изданий, а также многих литературных произведений была семья и внутрисемейные отношения (но в то же время не столько женщина, ее мир, сфера полового поведения, сексуальность как таковые), вторая половина XIX в. в социальном плане характеризуется постоянным процессом распада и кризиса традиционной турецкой семьи [Duben, Behar 1991: 198–199].

Многие издания закрывались после выпуска нескольких номеров небольшим тиражом, выпуск других продолжался от года до нескольких лет. Например, журнал «Aile» («Семья») был основан в 1880 г. и выпустил всего-навсего три номера, «İnsaniyet» («Человечность») вышел двумя номерами в 1882 и 1883 гг., «Mürüvvet» («Великодушие») – 9 выпусков в 1887 г. «Hanımlara Mahsûs Malûmat» (женское приложение к научно-популярной иллюстрированной газете «Malûmat» – «Знание») также выпустило лишь несколько номеров в 1895 г. [Frierson 2005]. Популярностью пользовались в то же время такие периодические развлекательные издания, ориентированные на домохозяйек, как «Çocuklara Mahsûs Gazete» («Газета для детей») и «Resimli Gazete» («Иллюстрированная газета») – рассчитанные прежде всего на малограмотных читателей, они были хорошо иллюстрированы, недороги, а в литературном отношении невысокого качества.

В связи с этим необходимо сказать и о специфическом жанре религиозной литературы, агиографий, которые были написаны женщинами и о женщинах и были адресованы в первую очередь женщинам. Это биографии женщин-членов семьи Пророка (Айше, Фатима и Хадиджа), написанные Фатмой Шадиэ. Они издавались в Стамбуле в 1900-х гг. [Şadiye 1903; 1904]. В основе этих биографий лежит традиционное агиографическое жизнеописание; они написаны довольно простым языком, напечатаны на грубой бумаге и, по всей видимости, выпускались большим тиражом и пользовались популярностью. Скорее всего, они были рассчитаны на не очень высокообразованную и отнюдь не элитарную публику, которая едва ли совпадала с читательской аудиторией первых журналов для женщин или переводов и переложений французских романов.

Таким образом, уже на начальном этапе своего формирования литература, предназначенная для женщин, в XIX в. в Турции демонстрировала определенное жанровое разнообразие, обусловленное в основном разницей в источниках этой литературы и потребностях аудитории.

Литература

Duben, Behar 1991 – *Duben A., Behar C. Istanbul Households. Marriage, Family and Fertility 1880–1940.* – Cambridge University Press, 1991.

Faroqhi 1994 – *Faroqhi S., McGowan B., Quataert D. and Pamuk Ş. An Economic and Social History of the Ottoman Empire / Ed. by H. Inalcik, D. Quataert. 1600–1914. Vol. 2.* – Cambridge, 1994.

Frierson 2005 – *Frierson E.B.* Women in Late Ottoman Intellectual History // Late Ottoman Society. The Intellectual Legacy / Ed. E.Özdalga. – L.–N.Y., 2005.

History of the Ottoman State 2002 – History of the Ottoman State, Society and Civilization / Ed. by E. İhsanoğlu. Vol. 2. – İstanbul, 2002.

Özdemir 2003 — *Özdemir B.* Ottoman Reforms and Social Life: Reflections from Salonica, 1830 – 1850. – İstanbul, 2003.

Şadiye 1903 – *Şadiye Fatma.* Fatma. İstanbul, 1321 / 1903.

Şadiye 1904 – *Şadiye Fatma.* Ayşe. İstanbul, 1322 / 1904.

Zilfi, 2010 – *Zilfi C.M.* Woman and Slavery in the Late Ottoman Empire: The Design of Difference. – Cambridge University Press, 2010.

Желтяков 1972 – *Желтяков А.Д.* Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции: (1729–1908 гг.). – М., 1972.

***Tatiana Anikeeva.* Upon the question of formation of Women’s Literature in Turkey in the XIXth century**

Summary. The Tanzimat began the era of great transformations almost in all spheres of the Turkish social life and culture – especially in its literature. Besides educational and religious needs, book-publishing provided a wide range of popular literature. The appearance of the so-called Women’s Literature is connected with an increase in Western influence, and with Turkish translations of mainly French writers. The article describes the development of the “Women’s” Literature in the Ottoman Turkey in the end of the 19th century.

Key words: Tanzimat, Women’s Literature, woman, family

**ПОФУ-ХАТУН И ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ
ВОСТОЧНОТЮРКСКОГО КАГАНАТА¹**

Михай Добрович, г. Будапешт (Венгрия)

Резюме: В статье идет речь о борьбе за власть в последние годы существования Восточнотюркского каганата по данным китайской хроники Цзю Тан Шу.

Ключевые слова: древние тюрки, китайские источники, Восточнотюркский каганат, Пофу-хатун, Бильге-каган, борьба за власть

Династийная хроника Цзю Тан Шу («Старая история династии Тан») хранит информацию, согласно которой в 742 г. многие прославленные члены рода Ашина бежали в Китай. Эти сведения (вместе с подробным списком «беженцев») также можно обнаружить в главе Цзю Тан Шу (194а), посвященной тюркам. Среди бежавших в Китай тюрков необходимо упомянуть Абуси (阿布思)-эльтабара, западного *ябгу* [Jiu Tangshu 215b: Zhonghua shuju, 6054], дядю Мочжо (Капаган-кагана), Бодеджи-тегин, жену и сына западного *шада*, принцессу Далу, дочь Бильге-кагана, наложницу Йоллыг-тегина, принцессу Южи, дочь Дэнли-кагана, а также Пофу, вдову Бильге-кагана [LMT 180, 261]. Цзю Тан Шу датирует отъезд Пофу в Китай 745 годом [LMT 231].

Говоря о причинах краха династии, необходимо упомянуть роль Пофу Гудулу, вдовы Бильге-кагана. Хотя сыновей Бильге-кагана едва ли можно было назвать детьми (у одного из них уже была по крайней мере одна дочь), влияние их матери на них было несомненным. У нее также была внебрачная связь с неким Иньсы-тарханом, вследствие чего она потеряла уважение среди тюрков. В то же время контроль над армией незаметно перешел к дядям Дэнли-кагана, которые носили титулы левого и правого *шадов* [LMT 179, 229].

После смерти Бильге-кагана в 734 г., его первым наследником явился его старший сын Йоллыг-тегин (Ижань) (伊然, EMC ?*ji-ri-an*, LMC ?*ji-ri-an* < **Īnan* ?), награжденный почетным титулом *Дэнли* (登利 т.е. Танры, Tāngri)-каган при китайском дворе приблизительно до 740 г. (наиболее вероятная дата – 735 г.) [Pelliot 1929: 234, 236-238]. Позднее, после его смерти, этого титула от китайцев был удостоен его младший брат, первоначально носивший титул Бигя Гудулу (苾伽骨咄祿, Бильге-кутлуг)-каган. Оба брата правили в общей сложности восемь лет, с 734 по 741 гг. [Jiu Tangshu 215b: Zhonghua shuju, 6054]. Мы не можем назвать время правления каждого из них в отдельности, так как китайские источники на этот счет не дают однозначного ответа [Dobrovits 2003: 313]. Также можно увидеть, что титул *Bilgä qaγan*, который изначально носил

¹ Пер. с англ. Т.А. Аникеевой.

старший брат *Kül tegin*, стал включаться в титулатуру его преемников. Надпись в честь Бильге-кагана начинается словами (II. E 1): *täjri tæg täjri yaratmış türk bilgä qayan sabim qañim türk bilgä [qayan ...]* ‘Речь моя богоподобного, небом поставленного тюркского Бильге-кагана. Мой отец, тюркский Бильге [каган...]’ и в строке II. S 13, где речь идет об интронизации Бильге-кагана, мы читаем: *täjri tæg täjri yaratmış türk bilgä qayan sabim qañim türk bilgä qayan olurtuqinta* ‘Речь моя богоподобного, небом поставленного тюркского Бильге-кагана. Мой отец, тюркский Бильге-каган, когда воссел [на престол ...].’

Слово *täjri* также стало частью царской титулатуры. В Онгинской надписи, которая датирована 740 г., тюркских правителей первый раз именуют *täjrikän* [Dobrovits 2000: 147–150]. Это может пониматься как знак сакрализации правителей.

С учетом всех этих перемен, прежняя система семейного права и бокового наследования ушли в прошлое². Эта система наследования власти в орхонских памятниках показана как источник всех несчастий, которые явились причиной разрушения Первого Тюркского каганата³, однако появились и новые беды. Благодаря системе линейного наследования (*первонаследие*), младшее поколение неизбежно могло занять трон. Ранее правители легко становились марионетками в руках других людей, реально управлявших Каганатом. Согласно нашим китайским источникам, именно так и происходило в случае с тюрками. Крах Восточнотюркского каганата был вызван не внешними врагами – они лишь воспользовались теми преимуществами, которые им давали предвестники катастрофы, разрушившие правящий клан.

Для того чтобы восстановить контроль над Каганатом, юный правитель и его мать пошли на отчаянный шаг: они убили правого *шада* и напрямую подчинили себе западное крыло армии Каганата. Однако левый *шад* напал на правителя и уничтожил его [LMT 180, 230]. Цзю Тан Шу также свидетельствует, что после этого левый *шад* по имени Пан кюль-тегин возвел на трон третьего сына Бильге-кагана, но, убив его, посадил царствовать четвертого сына. Однако этот четвертый сын был также им свергнут и казнен, а *шад* воцарился сам – в китайской хронике он фигурирует под именем Гуду Шэху (*Кутлуг-ябгу)-каган.⁴

Около 742 г., объединившись с уйгурами, восстали народы карлуков и басмылов, которые свергли и убили Кутлуг-ябгу-кагана. В то время как

² Относительно боковой системы наследования у тюрков см.: [Barfield 1996: 133].

³ I. E 4-7 (II. E 4-7): *anta kisrä inisi qayan bolmis ärinč oylita i qayan bolmis ärinč anta kisrä inisi äčisin tæg qilinmaduq ärinč oylı qañin tæg qilinmaduq ärinč biligsiz qayan olurmıs ärinč yablaq qayan olurmıs buyruqı yemä biligsiz ärinč yablaq ärmıs ärinč bägläri bodunı tüzsiz ücün tabyaç bodun täbligın kürlüg ücün armaqčısın ücün inili äçili kiñsürtükün ücün bägli bodunlıy yoñşurtuqın ücün türk bodun illädiük ilin içyünü idmıs qayanladuq qayanın yitürü idmıs...* ‘После них стали каганами младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами. После того, как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели (на царство) неразумные каганы, сели трусливые каганы, и их *приказные* были также неразумны, были трусливы. Вследствие “напрямoty” правителей и народа, вследствие подстрекателей и обмана обманывающих со стороны народа табгач и вследствие его прельщающих, вследствие того, что (табгачи) ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей – тюркский народ привел в расстройство свой существовавший племенной союз и навлек гибель на царствующего над ним кагана ...’

⁴ LMT 230.

правитель басмылов провозгласил себя Хиэхиэйиши-каганом, сын Гуду Шэху-кагана объявил себя Усумиш (烏蘇米施)-каганом [Jiu Tangshu 215b: Zhonghua shuju, 6054; LMT, 230]. В уйгурских надписях он назван Озмыш-тегином.⁵ Союз басмылов, уйгуров и карлуков дважды наносил Озмыш-тегину поражение: в 742 и в 744 г. – когда, наконец, уничтожил его.⁶ Тюрки не сдавались и возвели на трон младшего брата Озмыша, Хулунфу (鶻隴富), по имени Баймэй-тегин – Баймэй(白眉)-кагана.⁷ Согласно уйгурским источникам, тюрки все еще воевали в последующем году Курицы (*taqıqu yil*, т.е. 745 г.).⁸ В конце концов, тюрки, будучи совершенно разочарованными в собственных правителях, приняли суверенитет правителей басмылов, являвшихся близкими родственниками правящего рода [LMT 230]. Это и поставило точку в истории некогда всемогущих тюрков в Центральной Азии.

Литература

Pelliot P. Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale // T'oung Pao. 26 (1929).

Dobrovits M. A türk hatalom utolsó évtizede // Antik Tanulmányok. 47 (2003).

Dobrovits M. Ongin yazıtını tahlile bir deneme // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten. 2000.

Barfield Thomas J. The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China 221 BC to 1757. Cambridge, Mass.—London: Blackwell, 1996.

Mihály Dobrovits. Pofu Qatun and the Last Decade of the Old Turkic Empire

Summary: The Imperial Annals (*benji*) of the Jiu Tangshu preserved the information that in 742 a lot of illustrious members of the Ashina clan fled to China. As to the causes of the collapse of the dynasty, one can mention the role of Pofu guduolu, the widow of Bilgä qayan.

Key words: ancient Turks, Chinese sources, the Eastern Turkic Khaganate, Bilgä qayan, Pofu qatun, the struggle for power

⁵ Terkhi E 6: *ozmiš tegin udarqanta yoriyur tedi*; E 9: *ozmiš tegin qan bolmiš qoñ yilqa yoridim*; *SU N. 9: ozmiš tegin qan bolmiš qoñ yilqa yoridim*.

⁶ LMT, 230, Terkhi S1-2.: *ekinti ... biçin yilqa yoridim ... süñüşdüm anta sančdım qanın anta tutdum [qatunin anta altım] ... anta kisrä başi kälti*

⁷ 三載 拔悉密等殺烏蘇米施 傳首京師 獻太廟。其弟白眉特勤曷龍富立 是為白眉可汗。 Jiu Tangshu 215b: Zhonghua shuju, 6054; „Im 3. Jahr (744) töteten die Pa-si-mi und andere Wusu-mi-schi und schickten seinen Kopf nach dem Hauptstadt. Man brachte der Kopf) im kaiserlichen Ahnentempel dar. Sein jüngerer Bruder Po-mei T'ê-le (=Tegin) namens Hu-lung-wu bestieg den Thron, und dies war Po-mei Khagan” [LMT 230].

⁸ Terkhi S 2-3: *taqıqu yilqa yoridim yilladım beşinç ay üç yigirmikä qalıšdı süñüşdüm anta sančım*

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ VI—VIII ВВ.
НА ОСНОВЕ ДАННЫХ О ТАМГАХ¹**

В.В. Тишин, г. Москва

Резюме. Статья посвящена рассмотрению некоторых дискуссионных вопросов, связанных с тамгами древнетюркской эпохи в контексте социальной проблематики. Исходя из общих знаний об использовании кочевниками евразийских степей тамговых знаков, автор ставит под сомнение ряд принятых в науке гипотез и отождествлений. Автор выдвигает аргументы в пользу соотнесения тамговых знаков, прежде всего, с семейно-родственными группами как основными социально-политическими единицами древнетюркского общества. Тамги племен как объединений таких групп, как правило, совпадали с тамгами доминирующих групп.

Ключевые слова: древние тюрки, тюркские народы, социальная история, кочевники Евразии, тамги

Тамговые знаки древнетюркской эпохи дошли до нашего времени, будучи нанесенными на поминальные и погребальные сооружения, возводившиеся степным населением, часто с нанесенными на них надписями, а также зафиксированы в китайских источниках. Накопление материала со временем позволило привлекать эти данные в качестве полноценного исторического источника, часто для выдвижения новых научных гипотез [Бернштам 1946: 74, 75, 110, 116; Зуев 1960; 2002: 85–88; Кызласов 1960; 1965; 1969: 50; Кляшторный 1971(1): 250–253; 1971(2): 21; 1980(1): 94–95; Кляшторный, Самбу 1971: 247–249; Васильев 1983: 48, 52; Vasilyev 1991; Войтов 1996: 88; Кормушин 1997: 6–7, 14–17, 33, 135–137; Каржаубай 2002: 59–64, 93–101; Dobrovits 2004(1): 60; 2004(2): 258; Досымбаева 2006: 54–55, 116; Рогожинский 2010: 123; 2011: 217; 2013; Samashev, Bazylkhan 2010; Osawa 2010; Babayarov 2010; Бабаяров, Кубатин 2011; и мн. др.].

Вместе с тем остается не выявленной сама социальная природа этих знаков, равно как и не внесена ясность в соотношение зафиксированных изображений с известной древнетюркской лексикой, обладающей соответствующей семантикой.

Еще в 1953 г. А. фон Габен указала на сложность выявления племенной или семейной сущности древнетюркских тамг, актуальность этой проблемы отмечал в 1980 г. С.Г. Кляшторный [Gabain 1953: 542; Кляшторный 1980(1): 93]. Ю.А. Зуев, указывая, что кочевники не знают понятия собственности как таковой, лишь владение, писал, что поэтому «семейная собственность осознается как

¹ Расширенный доклад, прочитанный 25 ноября 2014 г. на Международной научной конференции «Этногенез, история, язык и культура карачаево-балкарского народа» (РАН, Москва).

родовая, показателем власти над основным видом их имущества (лошадьми, быками, баранами) было его таврение родовыми тамгами» [Зуев 1960: 95; 1967: 44]. При этом в данном случае тамги олицетворяли не род, а все племя, являясь тамгами ханского рода, при смене которого, по мнению ученого, сменяется тамга всего племени [Зуев 1967: 44–45]. Этот же момент, вопрос об индивидуальном или родо-племенной характере тамг, вызвал в свое время отдельную дискуссию между С.Г. Кляшторным и Л.Р. Кызласовым [Кляшторный 1971(2): 21; Кляшторный, Самбу 1971: 247–249; Кызласов 1979]. Попытаемся внести ясность в некоторые моменты.

Ниже понятия *род* и *племя* используются исключительно в качестве таксономических категорий, без конкретного социального значения.

По мнению С.Г. Кляшторного, термин *tamqa* уже в период создания древнетюркских рунических памятников имел достаточно общее значение (см.: [Кляшторный 1980(1): 92–93])². Мнение, И.Л. Кызласова, приводящего еще термин *in ~ en*, по его мнению, в тот период обладающим «широким общим значением» [Кызласов 2010: 46–47], не подтверждается ни лингвистическими данными, во-первых, представленными довольно поздними временами, во-вторых, ограничивающими значение термина толкованиями ‘метка, надрез на ухе домашних животных’ (см.: [Севортян 1974: 277–278; СИГТЯ 1997: 329–330; Gülensoy 2007: 333; EDAL I: 600; EDAL II: 1143]), ни этнографическими материалами, говорящими о племенном и родовом значении тамг и более узкой сфере употребления термина *эн, ин, им* [Будагов 1869: 211; Гродеков 1889: 3–4; Харузин 1889: 148–149; Радлов 1893(1): 728; 1893(2): 1438, 1571; Вайнштейн 1972: 78–80; Clauson 1972: 166; Ямаева 2004: 12; Керейтов 2009: 128–135]. У нас нет данных о подобном термине в древнетюркскую эпоху, корень слова впервые фиксируется у Махмуда Кашгарлы: *ol qojin enätti* ‘он велел пометить свою овцу, то есть надрезать у нее ухо’ [МК I: 218; МК III: 256; Clauson 1972: 171; ДЛТ: 230, 935; СТС I: 217; ДТС: 173], но такие надрезы известны со скифских времен [Вайнштейн 1972: 80]. Важность имеет свидетельство, что эти метки имели форму аналогичную тем, что выжигались на лошадях [Харузин 1889: 148].

В енисейских рунических надписях упомянуты «клейменные кони» (*tamqa at*) (текст Хемчик–Чиргаки) (Е-41, 4)³, в памятнике Очуры–Ачуры встречается выражение *jerdäki tamqaliy jülqi buysi[z]* ‘в земле клейменный скот (табуны) без числа’ (Е-26, 6) [Radloff 1895: 329; Orkun 1994: 544; Малов 1952: 51; Clauson 1972: 506; Васильев 1983: 24, 64; Tekin 2003: 232]⁴. Трудно определенно судить, можно ли на основе этого делать заключение о конкретном значении термина *tamqa*, но в памятниках Уйгурского каганата, для обозначения ханских знаков зафиксирован термин *belgü* (Тер, 2 (= Зап., 2); МШУ, 7, 9 (= Сев., 7, 9), 20 (= Вост., 8)), *bälgü*, *bhalkü* (< санскр. *pālgū*) ‘Zeichen’, ‘Vorzeichen’, ‘Abzeichen’,

² Мы не рассматриваем здесь *tamya* ‘печать’, см.: [Doerfer 1965: 554–565; Clauson 1972: 504–505; Егоров 1964: 257; Федотов 1996: 246; Gülensoy 2007: 265].

³ Ф. Рыбацки, видимо, убедительно, вслед за А. фон Габэн и М. Эрдалем, показал, что в тексте Тоньюкука $t^2 wgn^2 l^2 g^2$ [Гон, 54 (= II Вост., 4)] нужно читать не *tögünlüg* в значении ‘клейменный’, а *tügünlüg* [Gabain 1950: 73; Erdal 1991: 153, 304; Rybatzki 1997: 72 (Anm. 211)] и переводить всю фразу *tügünlüg at-iy jügürtmädim* как ‘keine Pferde mit einer Zinnen-Mähne umherlaufen’ [Rybatzki 1997: 122 (Anm. 320)]. Ср. иную интерпретацию в кн.: [Şirin User 2009: 96–97].

⁴ Ср.: [Кормушин 2008: 14], где она пронумерована как стк. 7 и охарактеризована как «совершенно нечитабельная»; ср., однако, фото в кн.: [Васильев 1983: 102], где искомое слово просматривается.

‘Merkmal’, ‘Eigenart’ [Gabain 1950: 302], ‘nişin’, ‘Wahrzeichen’ [Gabain 1944: 687; 1949: 36], ‘(при)знак, примета’ [ДТС: 93], ‘sign, mark’, ‘distinguishing characteristic’ [Clauson 1972: 340], где второе значение является переносным и, соответственно, вторичным (см. также: [Ramstedt 1913: 23; Clauson 1972: 340; Doerfer 1965: 216–217]. С.Г. Кляшторный сначала прочитал это слово в Тэсийнской стеле (Тэс, 16 (= Вост., 5)), но позже под влиянием перевода Т. Текина отказался от этого прочтения (см.: [Кляшторный 2010: 91]. Конкретное или общее значение здесь он носит, нельзя сказать однозначно, но при этом, так или иначе, как заметил И.Л. Кызласов, развивая, очевидно, мысль Л.Р. Кызласова, аффикс принадлежности *-т* говорит о личном характере этого типа знаков [Кызласов 1960: 106 (прим. 61); Кызласов 2010: 47]. Однако здесь нет противоречия (см., напр.: [Кляшторный 1971(2): 21; Кляшторный, Самбу 1971: 247–249]), поскольку, по-видимому, каганский символ определенным образом воспринимался в качестве символа всего политического образования, которое им возглавлялось [Ögel 1971: 27].

Вместе с тем, начертание подобных знаков на памятниках Тюркского каганата совпадает с представленными в приведенном Ю.А. Зуевым отрывке из китайского источника «Тан хуэй яо» 唐會要 изображениями тамг кочевнических степных племен, которыми *клеямились их лошади*. Так, например, очертания «рогатой» тамги племени А-ши-дэ 阿史德 [Liu Mau-tsai 1958: 453; Зуев 1960: 98, 113, 132 (таблица)] находят сходства с верхним знаком на Чойрэнской стеле [Кляшторный 1971(1): 251; 1980(1): 94; Orkun 1994: 359]⁵, а тамги племени *шэ-ли* 舍利 [Зуев 1960: 101, 119] и племени *чэ-ли* 叱利 [Зуев 1960: 101, 120] совпадают со знаком, начертанным на Хошо-Цайдамских стелах («горный козел») [Атлас 1892: табл. XII (фиг. 1), табл. XVII], нижним знаком на Чойрэнской стеле [Кляшторный 1971(1): 251; 1980(1): 94; Orkun 1994: 359], знаком на вершине Онгинского памятника [Orkun 1994: 626; ; Войтов 1996: 41 (рис. 16)], знаком на южной стороне стелы из Унгету [Mert 2008: 287; Войтов 1987: 331 (рис. 5.1); 1996: 39 (рис. 12)] и на стеле из Урги [Orkun 1994: 354], правым знаком на одной из надписей Хойто-Тамира [Sertkaya, Narcaybay 2001: 337], нижним знаком на Второй Карабалгасунской стеле [Ōsawa 1999: plate 6], знаком с правой стороны черепахи комплекса Мухар [Войтов 1996: 41 (рис. 15); Ōsawa 1999: plate 7b, 7c].

Материал енисейских памятников показывает единство начертаний знаков на разных стелах одной территориальной и, видимо, этно-политической группы, восходящих к общей праформе [Кызласов 1960; 1965; Samashev, Bazylkhan 2010: 316 (fig. 2.1)]. В этом плане интересны знаки на стеле комплекса Бомбогор из Баянхонгорского аймака, так или иначе восходящие к одному прообразу, при этом один из них, расположенный выше всех и крупнее всех начертанный, судя по всему, принадлежал лицу, которому посвящена надпись на стеле [Samashev, Bazylkhan 2010: 314 (fig. 1.5)].

Это согласуется с известными явлениями, когда основатель выделившегося рода просто несколько видоизменяет тамгу отцовского рода [Аристов 1894: 413–

⁵ Есть попытки сопоставить этот знак с типом знака, зафиксированного на ряде енисейских эпитафий [Каржаубай 2002: 94, 95 (таблица)]. Здесь же [Каржаубай 2002: 96–97 (таблица)] интересна попытка сопоставить его с находящимися общие очертания друг с другом находят знаками на Терхинской стеле и памятнике из Могойн Шинэ Усу [Кляшторный 1980(2): 84 (табл. 1 рис. б, в); 1983: 79 (рис. б, в); 1987: 21 (табл. 2 рис. б, в)].

414, 421; Дырленкова 1926: 250; Карпов 1945: 43; Керитов 2009: 159]. А.Н. Харузин отмечал у казахов явление, когда род (вернее – племя) имеет несколько тамг, как восходящих к одному прототипу, так и совершенно самостоятельному; он говорит о случаях, когда разросшееся отделение рода (т.е. племени), само выделяясь в род (племя), обзаводилось тамгой [Харузин 1889: 149–150]. Тамга входивших в племенное объединение родов могла отличаться от тамги всего объединения несколькими элементами, но также вообще несходные очертание, что в первом случае говорит о прямой линии родства, во втором – о неоднородности всего объединения [Рогожинский 2010: 112, 116]. Однако это очень тесная грань между социальными единицами.

У кочевников при постоянной сегментации единиц родо-племенной структуры выделившиеся дочерние единицы, обычно уровня семейно-родственных групп, находясь некоторое время в иерархически подчиненном состоянии, впоследствии выделяются в «самостоятельную пастбищно-кочевую группу с обособленным поселением, с собственными маршрутами кочевков, своим кладбищем, соответствующим образом измененной тамгой, традициями взаимопомощи и т.д.», превращаясь в самостоятельную часть рода, но уже не материнского подразделения, сохраняя с ним лишь генеалогическую связь, и будучи связанным с другими родовыми подразделениями в рамках рода соответственно механизму патронимической организации [Кузеев 1974: 67–68].

В этом свете следует обратить внимание на гипотезу М. Добровича, которая должна быть признана несостоятельной. Рассматривая А-ши-на 阿史那 как харизматический клан, который имел имеющий тамгу, запечатленную на каганских стелах (по С.Г. Кляшторному), отличную от племени с таким же названием, известным по китайским источникам, М. Добрович считает возможным на этом основании говорить о четком различии между династией (“*dinasztia*”) и (главствующим) племенем (“*(vezér)törzs*”) [Dobrovits 2004(1): 60; 2004(2): 258]. Обращаясь к эпитафии принцессы Сянь-ли 賢力 (*сянь-ли би-цзя гунчжу* 賢力毗伽公主), дочери кагана Мо-чжо 默啜 (725 г.), где ее отец называется «каганом тридцати фамилий» (*harminc törzs kagánja*) (*сань-ши-син... <...> кэ-хань 三十姓... <...> 可汗*), а также к тибетскому манускрипту № 1283 из коллекции П. Пельо (*Pelliot Tibétain 1283*), М. Добрович считает, что эти тридцать племен составляют двенадцать восточно-тюркских племен (одиннадцать, – северные (левое крыло): А-ши-на 阿史那, Хэ-лу 賀魯, А-ши-дэ 阿史德, Та А-ши-дэ 闐阿史德 (у М. Добровича ошибочно *da* как ‘Great’, но это другой иероглиф: 大), Ба-янь А-ши-дэ 拔延阿史德, южные (правое крыло): Энь-цзе 恩結 (*Сы-цзе* 思結), Фу-ли-юй 富利羽, Ци-би 契苾, Си-цзе 奚結, Ху-се 斛薛, Ну-лай 奴賴 (у М. Добровича: *Nula*), а кроме них сам правящий клан А-ши-на 阿史那, отличающийся от племени), десять западно-тюркских (*on oq*) и токуз огузы [Dobrovits 2004(1): 60–62; 2004(2): 257–262; Katona-Kiss 2007: 238–239]⁶. Одна-

⁶ В этом плане важно замечание Ф. Ласло, обратившего внимание на лакуну в одном фрагменте Хошо-Цайдамских надписей, где идет перечисление внимающих речи кагана, между словом *otuz* и конструкцией *türk oyuз bägläri bodun* (КТ, Хб, 1–2 = БК, Хб, 1) [László 1967: 20]. См. также работы К. Цегледи: [Czeglédy 1972; 1982; Katona-Kiss 2007: 237–238].

ко, кроме сомнительной гипотезы о династии и отдельно племени А-ши-на 阿史那, всю схему М. Добровича разрушает тот факт, что Лю Мао-цай, на которого он ссылается в перечислении «тюркских» племен, по-видимому, просто привел список племен из цз. 72 «Тан хуэй яо» 唐會要 [Liu Mau-tsai 1958: 453–454], при упоминании которых в источнике еще специально говорится об их отношении к *ту-цзюэ* 突厥, что, однако, не указывает на их прямую принадлежность к их племенному объединению.

Из китайских источников косвенно известно о подразделении Тюркского каганата на момент его падения в 630 г. Обе танские истории пишут о включении племен подчиненной территории в только созданное управление (*ду-ду-фу* 都督府) Дин-сян 定襄: «Племя Сели было разделено на две части и на базе левого крыла создано [это управление дуду]», в которое входили три округа, созданные на исконных территориях кочевания составивших их племен. Аналогично написано про создание управления (*ду-ду-фу* 都督府) Юнь-чжун 雲中: «На базе правого крыла создано [это управление дуду]» [Малявкин 1989: 16, 112 (комм. 24); Liu Mau-tsai 195: 151; Лю Маоцай 2002: 73; Зуев 1960: 119]. Далее в «Синь Тан шу» 新唐書 перечисляются племена, вошедшие в состав новых округов. В составе левого крыла перечисляются племена: *а-дэ* 阿德, *чжи-ши* 執失, *су-нун* 蘇農, *ба-янь* 拔延, в составе правого крыла перечисляются: *шэ-ли* 舍利, *а-ши-на* 阿史那, *чо* 綽, *сы-би* 思辟 и *бай-дэн* 登失. Среди упомянутых племен левого крыла *чжи-ши* 執失 не поддается локализации и интерпретации этноним [Малявкин 1981: 28, 90–91 (комм. 32)], но остальные известны: *а-дэ* 阿德 есть *А-ши-дэ* 阿史德 [Hirth 1899: 11 (Anm. 2)], *ба-янь* 拔延 – очевидно, *ба-янь а-ши-дэ* 拔延阿史德 [Малявкин 1981: 28, 94 (комм. 38)], племя *су-нун* 蘇農 также известно [Малявкин 1981: 28, 93–94 (комм. 37)]; что касается правого крыла, то здесь кроме *шэ-ли* 舍利 и *а-ши-на* 阿史那, относительной идентификации поддается племя, чьим именем назван округ Чо-[бу]-чжоу 綽[部]州 [Малявкин 1981: 28, 80 (комм. 24)], про *сы-би* 思辟 информации нет, а округ Бай-дэн 白登 был создан для размещения племени *ну-лай* 奴賴 [Малявкин 1981: 28, 79–80 (комм. 21), 88 (комм. 30)]. Характерно, что зафиксированные в танском реестре тамги племен *ну-лай* 奴賴, *ба-янь а-ши-дэ* 拔延阿史德, *су-нун* 蘇農, *чо* 綽 не находят никакой общности [Зуев 1960: 100, 101, 118, 119, 125, 132 (таблица); Рогожинский 2013: 239 (рис. 6)].

Важно учитывать сегментарный характер социальной организации кочевнических политических объединений, организованных по принципу пирамидальной структуры, где зависимые племена занимали низшее положение, а во главе

становилось сильнейшее племя [Deér 1938: 13–14]⁷, при этом все объединение получало его наименование, имевшее, таким образом, уже не этнический, а политический смысл, но подчиненные племена сохраняли свою внутреннюю организацию и собственные наименования внутри этого объединения [Németh 1991: 34–35, 104–108; László 1942: 103–104]. При этом, как указывает С.И. Вайнштейн, у тувинцев в конце XIX – начале XX вв. тамги указывали на принадлежность определенной административной единице – *сумону*, и если в *сумон* входило несколько родов, то тамги наиболее крупного из них, по которому *сумон* обычно получал свое название, становились тамгами всех остальных родовых групп [Вайнштейн 1972: 79].

Это может объяснять, например, изображение на стелах тюркских каганов тамги племени *шэ-ли* 舍利 (оно же *чэ-ли* 叱利?), из которого происходили правители Второго Тюркского каганата [Зуев 1967: 122–123], хотя китайские источники называют их фамилией А-ши-на 阿史那, чья тамга, однако, совершенно иная [Зуев 1960: 101, 121], хотя известны попытки их сопоставить, как и со знаком «горный козел» [Babayarov 2010: 394–395; 2013: 343–344; Бабаяров, Кубатин 2011: 295]. После перепроверки изображений тамг, передаваемых китайским источником [Рогожинский 2013: 239 (рис. 6)], об их отождествлении можно говорить более уверенно, но о сравнении с «горным козлом» сложнее.

В этом аспекте интересно обратиться к знаку «змеи». Совпадают начертанные в этой форме верхний знак на Второй Карабалгасунской стеле и знак с левой стороны черепахи комплекса Мухар («змея») [Ōsawa 1999: plate 6, 7b, 7c]. Известны попытки рассматривать знак в сходстве с нижним знаком Чойрэнской стелы [Каржаубай 2002: 62 (таблица), 96 (таблица)], и даже в сопоставлении с ними тамги племени А-ши-дэ 阿史德 и левого знака на одной из надписей Хойто-Тамира [Babayarov 2010: 397–398 (fig. 8)] (см.: [Sertkaya, Narcaybay 2001: 337]), хотя интерпретация изображения змеи может быть сведена и к внешним обстоятельствам [Samashev, Bazykhan 2010: 317]. Не меньше оснований имеет попытка сопоставить знак с тамгой племени *си* 系, позже, возможно, известным как огузское племя *каи* [Зуев 1960: 101, 128, 132 (таблица)]. Подобный знак распространен в Чу-Илийском междуречье, но какие-либо интерпретации также преждевременны [Рогожинский 2013: 233, 232 (рис. 2, стк. 1), 234 (рис. 3, стк. 1)].

К любым отождествлениям на основе только внешних сходств тамг нужно подходить осторожно. Этот метод едва ли продуктивен ввиду того обстоятельства, что для самих кочевников в тамге имела значение лишь форма, количество элементов и порядок их расположения между собой, но не положение рисунка [Харузин 1889: 149; Аристов 1894: 412], притом что обычным явлением при нанесении тамги являлось непреднамеренное искажение начертания [Харузин 1889: 149, 151].

Кроме того, при интерпретации случаев с изображением двух тамг на памятниках древнетюркского времени следует учитывать и другие моменты. Так, сложностей добавляют явления, зафиксированные в этнографии. Например, правящий род (как кровно-родственная структура), формирующий отдельную социальную категорию, мог иметь, особую тамгу, которая могла даваться родст-

⁷ На широком этнографическом материале этот вопрос получил освещение в работах А.И. Першица и А.М. Хазанова: [Першиц, Хазанов 1979; Khazanov 1994: 119–123; Хазанов 2002: 218–221].

венным ему родам (как генеалогическим структурам) [Харузин 1889: 28]. У казахов изображение на камнях или скалах как общеплеменных тамг, так и знаков отдельных подразделений регулировало отношения землепользования и пользования водными источниками [Рогожинский 2010: 220–223]. Вместе с тем Р.Х. Керейтов говорит об использовании у ногайцев двух тамг: одной для нанесения на скот, другой – на могильные камни [Керейтов 2009: 128].

Как правильно указывал А.М. Хазанов, «...вслед за многими наблюдателями и учеными можно отметить, что социально-политическая структура наиболее развитых кочевых обществ евразийских степей, Ближнего и Среднего Востока приобретает вид приблизительно следующей схемы: семья – линидж или линиджи различной генеалогической глубины – род – секция или секции – племя – племенная конфедерация. Но подобная модель является скорее грудой кирпичей, чем построенным зданием и едва ли много приближает нас к пониманию кочевого общества.

<...> ...Сами кочевники, прекрасно сознавая многоступенчатость и иерархичность своей социальной структуры, тем не менее пользуются для обозначения соответствующих звеньев (сегментов) весьма недифференцированной терминологией, и отчасти это связано с их неполной функциональной дифференцированностью и изменчивостью» [Khazanov 1994: 121–122; Хазанов 2002: 218–219].

Аналогично невозможность создания универсальной системы классификации терминологии социальных единиц отмечали Р.Г. Кузеев и Г.Е. Марков [Кузеев 1957: 38; 1974: 70; Марков 1981: 89, 90]. Наблюдения Р.Г. Кузеева важны тем, что он на конкретном источниковом материале показал вариативность применения одной и той же терминологии у различных подразделений одного народа в один и тот же период в зависимости от района проживания и специфики исторической ситуации [Кузеев 1957: 32–38; 1974: 71].

Самое раннее упоминание о тамговании скота у древнетюркских племен мы встречаем в китайских источниках, говорящих, что у народа *гао-чэ* 高車 (*гао-цзюй* 高车), чтобы не путать скот в степи, было принято обозначать знаками собственности (*цзы ю цзи чжи* 自有記識) [Бичурин 1950: 215; Материалы 1984: 268, 401 (прим. 14); Pulleyblank 1990: 24]. Выше речь в источнике идет о подразделениях, обозначенных *чжун* 種, у каждого из которых был свой предводитель (*цзюнь-чжан* 君長). По мнению И. Эчеде, термин *цзюнь-чжан* 君長 использовался китайцами по отношению к предводителям единиц меньше, чем племя [Ecsedy 1977: 10].

Говорится, что у *гаоцзюйцев* родственники (*дан лэй* 黨類) «единодушны» (*тон-синь* 同心) и всегда помогают друг другу в опасностях. При заключении согласия о свадьбе родственники невесты (*ню дан* 女黨) у родственников жениха (*нань дан* 男黨) забирали скот, видимо, калым; в день свадьбы хозяин (*чжужэнь* 主人) принимает их как гостей (*янь-бинь* 延賓) всех вместе без какого-либо порядка (*у хан вэй* 無行位), они сидят перед юртой (*цюн-лу цянь* 穹廬前), потом родственники жены уезжают; тут конкретно названы только ее родители (*фу-му* 父母) и братья (*сюн-ди* 兄弟) (Вэй шу, цз. 103, с. 266).

И. Эчеди считала минимальной экономической единицей у древних тюрков большую семью, маркировавшуюся в китайских источниках под термином *чжан* 帳 ‘палатка’, ‘юрта’ [Ecsedy 1972: 262]. Она опиралась на тексты китайских источников, описывающих присутствующих на похоронах тюрка. Так, в «Чжоу шу» 周書 написано: *цзи сунь цзи чжу цинь шу нань ню ээ* 子孫及諸親屬男女各 (Чжоу шу, цз. 50, с. 5а), т.е. букв. ‘[из] детей, внуков и различных родственных категорий мужчин и женщин каждый’, в «Суй шу» 隋書: *цзя жэнь цзинь шу до* 家人親屬多 (Суй шу, цз. 84, с. 2б) ‘членов семьи [и] различных родственников [по крови] множество’. И. Эчеди полагала, что в тексте «Чжоу шу» 周書 иероглиф *цзи* 及 здесь как раз разделяет членов семьи (расширенной) и свойственников, что как будто подтверждается текстом «Суй шу» 隋書, где в сочетании *цзя жэнь цзинь шу* 家人親屬, по мнению исследовательницы, шла речь о «the household»’s «family members» [Ecsedy 1977: 11]⁸. Однако вернее полагать, что китайский источник очерчивает именно круг членов одной семейно-родственной группы [Абрамзон 1973: 297], как и в случае с *гаоцзюйцами*.

Махмуд Кашгари прямо говорит, что у огузов, чтобы отличать свой скот, каждый род (*батн*) наносил на животных свои знаки [МК I: 55, 68; ДЛТ: 92–93, 94; МИТТ I: 310, 311; СТС I: 96, 97; Агаджанов 1969: 106–107]. И Махмуд Кашгарлы, и Рашид ад-Дин говорят об огузских тамгах, прежде всего как знаках собственности [Бартольд 1963: 575]. Не имея возможности воспользоваться оригинальным арабским текстом, приведем длинную цитату из наиболее адаптированного к социальному анализу перевода. Заканчивая перечень двадцати двух огузских племен, Махмуд Кашгари говорит: «Я счел нужным упомянуть здесь эти роды (кабиле), так как люди имеют надобность знать их. Все эти знаки являются клеймами их скота и лошадей и при смешении животных каждый род (батн) по этим приметам узнает при осмотре свою скотину и лошадей. Это основные роды (кабиле) их. Затем каждое племя их имеет подразделения (фирка) и колена [58] (батн). В целях краткости я не остановился на этих подразделениях. Названия же этих родов – это имена их предков, которые произвели их на свет в древние времена, и они названы по ним, подобно тому, как говорится у арабов – Бену Сулейм и Бену Хафадже» [МИТТ I: 311] (Ср.: [МК I: 68–69; ДЛТ: 92–93, 94; СТС I: 97].

Даже по неупорядоченному употреблению арабской терминологии здесь видно, что ни о какой универсальной схеме речи идти не может [Бартольд 1963: 577(прим. 15)], но, по-видимому, самому высокому из упомянутых структурных подразделений (*каби́ла*), соответствует тюркское, огузское *boj* ‘скопление людей, племя, род’ (*al-rahṭ, wa’l-qabīla, wa’l-’aṣīra*). По Махмуду Кашгари, первый вопрос при встрече у огузов был *boj kim?* ‘племя [твое] какое?’, т.е. ‘[из] какого [ты] племени?’ [МК III: 141; ДЛТ: 844; МИТТ I: 312; ДТС: 110; Clauson 1972: 297]. Ср. позже у казахов: *ейің кім болду?* ‘какого ты рода’ [Радлов 1893(1): 805], у кыргызов: *кай элсин?* ‘ты какого роду-племени?’ [Юдахин 1985: 447]. Как указывает В.В. Бартольд, *бой* у огузов предстает как одна из самых крупных соци-

⁸ Ср. у других переводчиков: [Бичурин 1950: 230; Julien 1864: 333, 352; Parker 1899: 122; 1900: 166, 171, 173 (note 124); Liu Mau-tsai 1958: 9, 42; Лю Маоцай 2002: 21, 23; Таşağıl 2003: 98, 112].

альных единиц – племени, в том же значении у анонимного турецкого переводчика XV в. сочинения персидского автора Равенди [Бартольд 1963: 577].

Однако, из слов Махмуда Кашгари косвенно вытекает, что следует разделять род (*батн*), обладавший правом собственности на скот, и племя (*кабйла*), по-видимому, объединенное, прежде всего, общностью пастбищной территории. Это достаточно удачно накладывается на данные китайских источников, поэтому *род* здесь следует понимать, по-видимому, прежде всего, как семейно-родственную группу. Что касается племен, то они представляли собой объединения нескольких семейно-родственных групп (или аулов), созданных с целью облегчения совместного выпаса скота в зимнее время и в интересах обороны [Deér 1938: 12].

Судя по всему, и у древних тюрков VI–VIII вв. семейно-родственная группа, отождествлявшаяся с ее предводителем, будучи, мельчайшей социально-политической единицей, являлась носителем тамги нижнего таксономического уровня, что не исключало использование наряду с ней тамги всего племенного объединения, чаще идентичной тамге главенствующей группы.

Сделанные наблюдения носят предварительный характер, но, вероятно, более углубленная проработка конкретного источникового материала с привлечением сравнительно-этнографических данных в будущем позволит внести больше ясности в представления ученых о социальной организации кочевников древнетюркской эпохи.

Шифры памятников

- БК, Хб – малая надпись на северной стороне стелы Бильге кагана
- Е – енисейские надписи
- КТ, Хб – малая надпись на левой боковой (южной) стороне стелы Кюльтегина
- МШУ – стела из Могойн Шинэ Усу
- Тер – Терхинская стела
- Тон – надпись советника Тоньюкука (I; II – две стелы)
- Тэс – Тэсийнская стела

Литература

Абрамзон 1973 – *Абрамзон С.М.* Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье // Тюркологический сборник. 1972. Памяти П.М. Мелиоранского. – М.: Наука, 1973. – С. 287–305.

Агаджанов 1969 – *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. – Ашхабад: Ылым, 1969. – 296 с.

Аристов 1894 – *Аристов Н.А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина, 1894, Т. 4, Вып. III–IV. – С. 391–486.

Атлас 1892 – Атлас древностей Монголии, изданный по поручению Императорской Академии Наук В.В. Радловым // Труды Орхонской экспедиции, 1892, Т. I. – Табл. I–LXX.

Бабаяров, Кубатин 2011 – *Бабаяров Г., Кубатин А.* К вопросу о генезисе тамг на монетах Западно-Тюркского каганата // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной

20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Алматы, 2011. – Т. II. – С. 295–303.

Бартольд 1963 – *Бартольд В.В.* Очерк истории туркменского народа // *Бартольд В.В.* Сочинения: в 9 т. – М.: Наука, 1963. – Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. – С. 547–623.

Бернштам 1946 – *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоненейских тюрок VI–VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946 (Труды Института востоковедения, т. XLV). – 207 с.

Бичурин 1950 – *Бичурин Н.Я. [Иакинф]*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Ред. текста, вступ. ст., комм. А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. I. – LXXXVI, 384 с.

Будагов 1969 – *Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий: со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1969. – Т. I. – X, 810, 3, 6 с.

Вайнштейн 1972 – *Вайнштейн С.И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. – М.: Наука, 1972. – 316 с.

Васильев 1983 – *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л.: Наука, 1983. – 128 с.

Войтов 1987 – *Войтов В.Е.* Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский, Г.М. Бонгард-Левин. – М.: Наука, 1987. – С. 92–109, 327–331.

Войтов 1996 – *Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: ГЭМ, 1996. – 152 с.

Гродеков 1889 – *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. – Ташкент: Типо-лит. С.И. Лахтина, 1889. – Т. 1. Юридический быт. – 544 с.

ДЛТ – *Махмуд ал-Кайшгарй.* Диван Лугат ат-Турк / Пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Ауэзовой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.

ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. – Л.: Наука, 1969. – XXXVIII, 714 с.

Досымбаева 2006 – *Досымбаева А.* Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. – Алматы: Комплекс, 2006. – 168 с.

Дыренкова 1926 – *Дыренкова Н.П.* Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР / Под ред. В.Г. Богораза, Л.Я. Штернберга. – Л.: Издание Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий, 1926. – Вып. I. – С. 247–259.

Егоров 1964 – *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1964. – 355 с.

Зуев 1960 – *Зуев Ю.А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из Китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйао) // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. – Алма-Ата, 1960 (Труды ИИАЭ АН КазССР, т. VIII). – С. 93–140.

Зуев 1967 – *Зуев Ю.А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967. 220 с.

Каржаубай 2002 – *Каржаубай С.* Объединенный каганат тюрков в 745–760 годах (по материалам рунических надписей). – Астана: Фолиант, 2002. – 204 с.

Карпов 1945 – *Карпов Т.И.* Родовые тамги у туркмен // Известия Туркменского филиала АН СССР, 1945, № 3–4. – С. 43–49.

Кереитов 2009 – *Кереитов Р.Х.* Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. – 464 с.

Кляшторный 1987 – *Кляшторный С.Г.* Надпись уйгурского Бегю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский, Г.М. Бонгард-Левин. – М.: Наука, 1987. – С. 19–37.

Кляшторный 1971(1) – *Кляшторный С.Г.* Руническая надпись из Восточной Гоби // Studia Turcica / Ed. L. Ligeti. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1971 (Bibliotheca Orientalis Hungarica, XVII). – P. 249–258.

- Кляшторный 1971(2) – *Кляшторный С.Г.* Темирсузская руническая надпись // VII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). – М.: Наука, 1971. – С. 19–21.
- Кляшторный 1980(1) – *Кляшторный С.Г.* Руническая надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. – М.: Наука, 1980. – Т. XXII. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. – С. 90–102.
- Кляшторный 1980(2) – *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись (Предварительная публикация) // Советская тюркология, 1980, № 3. – С. 82–95.
- Кляшторный 1983 – *Кляшторный С.Г.* Тэсинская стела (Предварительная публикация) // Советская тюркология, 1983, № 6. – С. 76–90.
- Кляшторный 2010 – *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – 328 с.
- Кляшторный, Самбу 1971 – *Кляшторный С.Г., Самбу И.У.* Руническая надпись в Улуг-Хемском районе // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, 1971, т. XV. – С. 245–249.
- Кормушин 1997 – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М.: Наука, 1997. – 303 с.
- Кормушин 2008 – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. – М.: Наука, 2008. – 342 с.
- Кузеев 1957 – *Кузеев Р.Г.* Очерки исторической этнографии башкир. – Уфа: Башкирск. книжн. изд-во, 1957. – Ч. 1. Родоплеменные организации башкир в XVII–XVIII вв. – 184 с.
- Кузеев 1974 – *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М.: Наука, 1974. – 571 с.
- Кызласов 1960 – *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология, 1960, № 3. – С. 93–120.
- Кызласов 1965 – *Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология, 1965, № 3. – С. 38–49.
- Кызласов 1969 – *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 212 с.
- Кызласов 1979 – *Кызласов Л.Р.* О древнехакасских личных тамгах // Проблемы истории Хакасии / Отв. ред. Я.И. Сунчугашев. – Абакан, 1979. – С. 130–136.
- Кызласов 2010 – *Кызласов И.Л.* Азиатские рунические надписи на пиршественных сосудах. Часть I. Сосуды, изученные П.М. Мелиоранским // Вопросы тюркологии, 2010, № 1. – С. 36–63.
- Лю Маоцай 2002 – *Лю Маоцай.* Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках / Пер. с нем. В.Н. Добжанского и Л.Н. Ермоленко // Бюллетень (Newsletter). – Приложение 1. – М.: ИВ РАН, 2002. – 126 с.
- Малов 1952 – *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков: тексты и переводы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 116 с.
- Малявкин 1981 – *Малявкин А.Г.* Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). – Новосибирск: Наука, 1981. – 292 с.
- Малявкин 1989 – *Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. – Новосибирск: Наука, 1989. – 432 с.
- Марков 1981 – *Марков Г.Е.* Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // Советская этнография, 1981, № 4. – С. 83–94.
- Материалы 1984 – Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введ., пер. [с кит.] и коммент. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1984. – 486 с.
- МИТТ I – Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – Т. 1. Арабские и персидские источники. (VI–XV вв.) / Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. – 612 с.
- Першиц, Хазанов 1979 – *Першиц А.И., Хазанов А.М.* Община у кочевых скотоводов // Народы Азии и Африки, 1979, № 2. – С. 51–60.

Радлов 1893(1) – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1893. – Т. 1. Гласные. Ч. 1. – XVII с., стб. 1—968; Т. 1. Гласные. Ч. 2. – Стб. 969–1914, 66 с.

Радлов 1893(2) – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1893. – Т. 1. Гласные. Ч. 2. – Стб. 969–1914, 66 с.

Рогожинский 2010 – *Рогожинский А.Е.* «Мы, нижеприложившие истинные тамги...» (опыт идентификации родоплеменных знаков казахов Старшего жуза) // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 23–24 апреля 2009 г. / Под общей ред. И. Ерофеевой, Б. Жанаева, Л. Масановой. – Алматы: Print-S, 2010. – С. 101–127.

Рогожинский 2011 – *Рогожинский А.Е.* Удостоверительные знаки-тамги кочевников нового времени и средневековья в горных ландшафтах Семиречья, Южного и Восточного Казахстана // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: материалы международной научной конференции. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011 (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства, вып. VII). – Т. II. – С. 217–225.

Рогожинский 2013 – *Рогожинский А.Е.* Проблемы изучения удостоверительных знаков средневековых кочевников Казахстана // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. общ. и гум. наук., 2013, № 3. – С. 226–240

Севортян 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974. – 767 с.

СИГТЯ 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1997. – 800 с.

СТС I – *Махмуд ал-Кайсарий.* Диван Лугат ат-Турк (Свод тюркских слов) / Пер. с арабск. А.Р. Рустамова под ред. И.В. Кормушина; прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. – М.: Вост. лит.-ра РАН, 2010 (Памятники письменности Востока, вып. СХХVIII). – Т. 1. – 461 с.

Федотов 1996 – *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чувашск. гос. ин-т гум. наук, 1996. – Т. II. С – Я. – 509 с.

Хазанов 2002 – *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. – Изд. 3-е, доп. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 604 с.

Харузин 1889 – *Харузин А.Н.* Киргизы Букеевской орды (Антрополого-этнологический очерк). – М.: Типография А. Левенсонъ и К°, 1889. – Т. 1. – 551 с.

Юдахин 1985 – Киргизско-русский словарь (Кыргызча-орусча сөздүк): в двух кн. / Сост. К.К. Юдахин. – Фрунзе: Киргиз. сов. энциклопедия, 1985. – Кн. 2. Л–Я. – 475 с.

Ямаева 2004 – *Ямаева Е.Е.* Родовые тамги алтайских тюрков (XIX–XX вв.). – Горно-Алтайск, 2004. – 56 с.

Babayarov 2010 – *Babayarov G.* The Tamgas of the Co-Ruling Ashina and Ashida Dynasties as Royal Tamgas of the Turkic Kaghanate // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / Ed. J.E. Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin. – London; Dover: Dunkling Books, 2010. – P. 393–402.

Babayarov 2013 – *Babayarov G.* The Imperial Titles on the Coins of the Western Turkic Qaghanate // Марказий Осиё тарихи замонавий медиевистика талкинида (Профессор Розия Мукминова хотирасига бағишланади) / History of Central Asia in Modern Medieval Studies (In Memoriam of Professor Roziya Mukminova). – Тошкент: Yangi nashr, 2013. – 330–348-бетлар.

Clauson 1972 – *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – xlviii, 989 p.

Czeplédy 1972 – *Czeplédy K.* On the Numerical Composition of the Ancient Turkish Tribal Confederations // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, 1972, t. XXV. – P. 275–281.

Czeplédy 1982 – *Czeplédy K.* Zur Stammesorganisation der türkischen Völker // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, 1982, t. XXXVI, fasc. 1–3. – P. 89–93.

- Deér 1938 – *Deér J.* Pogány magyarság, keresztény magyarság. – Budapest: Királyi Magyar Egyetemi Nyomda, 1938. – 273. o.
- Dobrovits 2004(1) – *Dobrovits M.* Hatalom és törzsi rendszer a második türk kaganátusban // *Publicationes Universitatis Miskolciensis. Sectio Philosophica*, 2004, t. 9, fasc. 3. – 53–66. o.
- Dobrovits 2004(2) – *Dobrovits M.* The Thirty Tribes of the Turks // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2004, vol. 57, № 3. – P. 257–262.
- Doerfer 1963 – *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963. – Bd. I. Mongolische Elemente im Neupersischen (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission, Bd. XVI). – XLVIII, 557 S.
- Doerfer 1965 – *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1965. – Bd. II. Türkische Elemente im Neupersischen (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission, Bd. XIX). – V, 671 S.
- Ecsedy 1972 – *Ecsedy H.* Tribe and Tribal Society in the 6th Century Turk Empire // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1972, t. XXV. – P. 245–262.
- Ecsedy 1977 – *Ecsedy I.* Tribe and Empire, Tribe and Society in the Turk Age // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1977, t. XXXI, fasc. 1. – P. 3–15.
- EDAL I – *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. – Leiden; Boston: Brill, 2003. – Pt. I. A – K (Handbook of Oriental Studies. Section eight, Central Asia, vol. 8/1). – P. 1–858.
- EDAL II – *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. – Pt. II. L – Z (Handbook of Oriental Studies. Section eight, Central Asia, Vol. 8/2). – P. 859–1556.
- Erdal 1991 – *Erdal M.* Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1991 (Turcologica, Bd. 9). – Vol. I. – XIV, 413 p.
- Gabain 1944 – *Gabain A. (von)* Köktürklerin Tarihine Kısa Bir Bakış I: Stepte Yaşayan Köktürkler (682–742) // *Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi*, 1944, cilt II, sayı 5. – S. 685–695.
- Gabain 1949 – *Gabain A. (von)* Steppe und Stadt im Leben der ältesten Türken // *Der Islam*, 1949, Bd. XXIX, Heft 1. – S. 30–62.
- Gabain 1950 – *Gabain A. (von)* Alttürkische Grammatik. Mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch. Mit vier Schrifttafeln und sieben Schriftproben. – 2. verbesserte Auflage. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950 (Porta Linguarum Orientalium, Sammlung von Lehrbüchern für das Studium der orientalischen Sprachen, herausgegeben von Richard Hartmann, XXIII). – XVIII, 357, [18] S.
- Gabain 1953 – *Gabain A. (von)* Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // *Anthropos*, 1953, Bd. 48, H. 3/4. – S. 537–556.
- Gülensoy 2007 – *Gülensoy T.* Türkiye Türkçesindeki Türkçe Sözcüklerin Köken Bilgisi Sözlüğü: tarihi – yaşayan Türk lehçeleri (şiveleri/dilleri). Anadolu ağızları ve Altay dilleri ile karşılaştırmalı: (etimolojik sözlük denemesi). – Ankara, 2007 (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Türk Dil Kurumu Yayınları, 911). – Cilt I (A – N). – 608 s.
- Hirth 1899 – *Hirth F.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen // *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. – Zweite Folge. – St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1899. – S. 1–140.
- Julien 1864 – *Julien S.* Documents historiques sur les Tou-kiue (Turcs). Extraits du Pien-tien et traduits du chinois // *Journal Asiatique*, 1864, ser. 6, vol. III. – P. 325–367, 491–549.
- Katona-Kiss 2007 – *Katona-Kiss A.* Eszrevételek a „tokuz-oguz problémá”-hoz // *A Wosinsky Mór Megyei Múzeum Évkönyve*, 2007, XXIX. kötet. – 237–241. o.

- Khazanov 1994 – *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World / transl. by J. Crookenden; with a foreword by E. Gellner. – 2-nd ed. – Madison: University of Wisconsin Press, 1994. – xlix, 382 p.
- László 1942 – *László F.* Die Tokuz-Oguz und die Köktürken // *Analecta orientalia memoriae Alexandri Csoma de Kőrös dicata* / Ed. L. Ligeti. – Budapestini: Simptibus Academiae Litterarum Hungaricae et Societatis A Csoma de Kőrös Nominatae, 1942. – Vol. I. – S. 103–109.
- László 1967 – *László F.* A kagán és családja // *Kőrösi Csoma Archivum*. – Leiden: E.J. Brill, 1967. – Vol. III. 1941–1943. – S. 1–39.
- Liu Mau-tsai 1958 – *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. – I. Buch. Texte (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens, Bd. 10). – 484 S.
- Mert 2008 – *Mert O.* Öngöt Mezar Külliyesi ve Külliyyede Bulunan Damgalar // *Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi*, 2008, sayı 36. – S. 281–305.
- MK I – *Divanü Lûgat-it-Türk ve Tercümesi* / Çev. B. Atalay. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1985. – Cilt I. – 530 s.
- MK III – *Divanü Lûgat-it-Türk ve Tercümesi* / Çev. B. Atalay. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1985. – Cilt III. – 329 s.
- Németh 1991 – *Németh Gy.* A honfoglaló Magyarság kialakulása / közzéteszi B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. – 397. o.
- Orkun 1994 – *Orkun H.N.* Eski Türk yazıtları. – 3. baskı. – Ankara, 1994 (Türk Dil Kurumu Yayınları, 529). – 963 s.
- Osawa 1999 – *Osawa T.* Qara-Balgasun Inscription II // *Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998* (モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告) / Ed. by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir. – Toyonaka: The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999. – P. 143–145.
- Osawa 2010 – *Osawa T.* On Functional Changes of Tamga and Nishan-signs in the Old Turkic Period // *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey* / Ed. J.E. Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin. – London; Dover: Dunkling Books, 2010. – P. 339–369.
- Ögel 1971 – *Ögel B.* Türk Kültürünün Gelişme Çağları. – 2. baskı. – İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1971 (1000 Temel Eser, 49). – Cilt 1. – xviii, 161 s.
- Parker 1899 – *Parker E.H.* The Early Turks (From the CHOU SHU) // *The China Review*, 1899, vol. 24, № 3. – P. 120–130.
- Parker 1900 – *Parker E.H.* The Early Turks (From the PEI SHI and the SUI SHU) // *The China Review*, 1900, Vol. 24, № 4. – P. 163–173.
- Sertkaya, Harcavbay 2000 – *Sertkaya O.F., Harcavbay S.* Hoyto-Tamir (Moğolistan)'dan Yeni Yazıtlar (Ön Neşir) // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten* 2000. – Ankara, 2001. – S. 313–346.
- Pulleyblank 1990 – *Pulleyblank E.G.* The «High Carts»: a Turkish Speaking People before the Türks // *Asia Major* (Third Series), 1990, vol. III, pt. 1. – P. 21–26.
- Radloff 1895 – *Radloff W.* Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. – St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1895. – III. Lief. – viii, 460 S.
- Ramstedt 1913 – *Ramstedt G.J.* Zwei uigurische Huneninschriften in der Nord-Mongolei // *Journal de la Société Finno-Ougrienne* (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja), 1913, t. XXX, № 3. – S. 1–63.
- Rybatzki 1997 – *Rybatzki V.* Die Toñuquq-Inschrift. – Szeged, 1997 (Studia uralo-altaica, 40). – 132 S.
- Samashev, Bazylkhan 2010 – *Samashev Z.S., Bazylkhan N.* Ancient Turkic Tamga-Signs // *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey* / ed. J.E. Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin. – London; Dover: Dunkling Books, 2010. – P. 309–327.
- Şirin User 2009 – *Şirin User H.* Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. – Konya, 2009 (Kömen Yayınları 32; Türk Dili Dizisi 1). – 548 s.

Taşagül 2003 – *Taşagül A.* Gök-Türkler I. – 2. bk. – Ankara, 2003 (Türk Tarih Kurumu Yayınları, VII. Dizi – Sayı 160¹). – ix, 197, [23] s.

Tekin 2003 – *Tekin T.* Orhon Türkçesi Grameri. – 2. bk. – İstanbul, 2003 (Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi, 9). – 272 s.

Vasilyev 1991 – *Vasilyev D.D.* New Find of Old Turkic Inscriptions in Southern Siberia // Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery / Ed by G. Seaman. – Los Angeles: Ethnographics Press, The University of Southern California, 1991 (Proceedings of the Soviet-American Academic Symposia in Conjunction with the Museum Exhibitions «Nomads: Masters of the Eurasian Steppe», vol. 2). – P. 116–125.

Vladimir V. Tishin. The Old Turkic social organization in the VI–VIII centuries according to a research on the tamga signs

Summary. The article considers several unsolved issues in connection with *tamğas* of the Old Türkic period in the context of the Turkic social history. Taking into consideration how nomads of the Eurasian steppes used *tamğas* signs, the author shows that many previous statements on this issue do not hold. The author argues that *tamğas* signs, first of all, are related with family based primary kin groups as primary socio-political units of the Early Turkic societies. *Tamğas* of tribes, as unions of such groups, tend to coincide with the *tamğas* of the politically dominant group.

Key words: Early Turks, Turkic peoples, social history, Eurasian Nomads, *tamğas* signs

Памяти Сергея Григорьевича Кляшторного

**«БИЛИГ ТЕНЮЗ» ОГУЗА АТАЯ: МЕЖДУ МИСТИФИКАЦИЕЙ
И ПАРОДИЕЙ**

А.В. Образцов, А.С. Сулейманова, г. Санкт-Петербург

Резюме. Статья посвящена рассмотрению особенностей повествовательной стратегии Огуза Атая. Совмещая модернистские и постмодернистские подходы, автор балансирует между мистификацией и пародией. Объектом деконструкции становятся базовые концепты истории древних тюрков и их культуры.

Ключевые слова: Огуз Атай, Билиг Тенюз, мистификация, пародия, постмодернизм

Древнетюркская проблематика в дореспубликанский период истории Турции не была актуальна для интеллектуального дискурса. Более того, книга Сулеймана Хюсюн-паши¹ (1838-1892) «История мира» (*Tarih-i Âlem*, 1876), где, видимо, впервые затрагивались эти вопросы, хоть и была издана, но тираж ее был конфискован [Байоглу 2011: 125]. Повторно книга увидела свет лишь в 1911 г. Скорее всего, полуофициальный запрет на обсуждение доисламской истории тюрков был связан с доминированием доктрины «османизма» в идеологии империи. В раннереспубликанский период ситуация меняется на противоположную, что также имело идеологическое обоснование в новой, национально ориентированной доктрине «(пан)тюркизма». К 70-м гг. XX в. в Турции уже были созданы институты, научные общества, кафедры в университетах, специализированные издания, занимавшиеся древнетюркской проблематикой. Добавим к этому и значительный корпус переводной и оригинальной, научной и научно популярной литературы по данной проблеме [Байоглу 2011]. Древнетюркская тематика становится частью фонового знания любого образованного турка и, хотя бы отчасти, одной из основ его идентичности². Идентичность, безусловно, сопряжена со структурами памяти, коллективной в том числе, и представляет собой систему устойчивых референций, узуальных связей и казуальных отношений. Естественно, что круг

¹ Это тот самый Сулейман Хюсюн-паша, который нанес поражение русским войскам на Шипке, но он же и был впоследствии обвинен в общем поражении османской армии [Efe 2004].

² Отметим, что уже первые археологические экспедиции Турецкой Республики призваны были обосновать теорию, что турки/тюрки были первым народом, населявшим Малую Азию [Байоглу 2011: 127].

древнетюркской тематики был отрефлексирован и критикой, и собственно турецкой литературой.

Несколько необычный и, во всяком случае, не банальный поворот дискурса мы находим у Огуза Атая. Его творчество лишь на рубеже XX–XXI вв. стало предметом серьезного интереса исследователей. Причем, становится совершенно очевидным, что этот неординарный литератор, на несколько десятилетий опередивший не только «мейнстрим», но и художественный «авангард» турецкой литературы, своим творчеством маркирует переход от модернизма к постмодернизму в литературе Турции.

Огуз Атай (12.10.1934, Инеболу, провинция Кастамону – 1977, Стамбул) в 1951 г. закончил престижный колледж в Анкаре (*Ankara Maarif Koleji*, сегодня – *Ankara Koleji*), в 1957 г. окончил строительный факультет Стамбульского Технического университета. Пробовал себя в качестве строительного подрядчика, но без особого успеха. С 1960 г. начал преподавать на строительном отделении Стамбульской государственной инженерно-строительной академии, сегодня ставшей Техническим университетом Йылдыз (*Yıldız Teknik Üniversitesi*). Параллельно принимал участие в составлении турецкого двенадцатитомного энциклопедического словаря «Meydan Larousse», печатался в газетах и журналах. Начал работу над крупным проектом «Духовный мир Турции» (*Türkiye'nin Ruhu*), который так и остался в проектах. Скончался, после безуспешного лечения в Лондоне, 13 декабря 1977 г. от опухоли головного мозга.

В 2005 г. известный турецкий филолог Йылдыз Эджевит опубликовала фундаментальное исследование жизни и творчества Огуза Атая «Я здесь... Реальная и вымышленная биография Огуза Атая» [Ecevit 2005].

Перу Огуза Атая принадлежит три романа «*Tutunamayanlar*» («Неприкаянные», 1970–1971), «*Tehlekeki oyunlar*» («Опасные игры», 1973), «*Bir Bilim Adamının Romanı*» («Роман одного ученого», 1975) – роман-биография ректора Стамбульского Технического университета, профессора Мустафы Инана (1911–1967), сборник рассказов «*Korkuyu beklerken*» («В ожидании страха», 1975). Пьеса «*Oyunlarla Yaşayanlar*» («Живущие играми», 1973) была поставлена на сцене Государственного театра (*Devlet Tiyatrosu*) в 1985 г. После скоропостижной смерти писателя были опубликованы «*Günlük*» («Дневники», 1987) и неоконченный полуфантастический роман «*Eylembilim*» («Наука действовать», 1998).

Роман Атая «Неприкаянные» был отмечен премией Турецкой государственной телерадиовещательной компании (TRT) за 1970 г. Однако не только «Неприкаянные», но и «Опасные игры» остались непонятыми ни критиками, ни читателями. В интервью газете «Йени Ортам» Атай заявил, что критика не смогла найти для романа ни один знакомый им шаблон [Patuk 1999a: 190].

Только в 1984, после переиздания романа «Неприкаянные», к автору пришло признание. Критика обнаруживает влияние стилистики Атая на многих турецких романистов: Адалет Агаоглу (род 1929), Орхана Памука (род. 1952) и Латифе Текин (род. 1957), прежде всего. По опросу ЮНЕСКО роман «Неприкаянные» был назван «вероятно, самым выдающимся романом XX века турецкой литературы» [Oğuz_Atay/en].

Представляется, что причина и долгого забвения, и взрывного интереса к творчеству Атая кроется и в неблагоприятном историко-литературном

контексте, и в использовании автором непривычных для турецкой литературы того времени художественных и повествовательных стратегий³.

Первое издание «Неприкаянных» вышло в год переворота, а переиздан роман был через несколько лет после нового прихода военных к власти. Переворот 12 марта 1971 г. привел к резкой политизации литературного процесса. Распространение получили сочинения, либо посвященные переломным моментам истории Турции, либо т.н. «политический» роман. Политизация и поляризация общества в значительной степени сняли актуальность и «крестьянской», и экзистенциальной, и бытописательной прозы. 12 сентября 1980 г. в Турции был совершен новый переворот. Жесткие репрессии и тотальный контроль над средствами массовой информации⁴ привели к тому, что: «идеализм, самопожертвование, равенство, борьба против несправедливости – все это раньше было верой и нормой поведения, считавшимися главными в среде студентов-демократов и интеллигенции. То, что раньше считалось добродетелью, сейчас обернулось самой большой глупостью. ... была принята философия «личной выгоды», обеспечивающая успех в делах и быстрое обогащение отдельной личности, но не общества» [Moran 2012: 49-50]. Очевидно, что роман Атая не вписывался ни в один из трендов турецкой литературы того периода [Образцов, Сулейманова 2014].

Что же касается повествовательных стратегий, то Орхан Памук, который, по его собственному признанию, оценил роман Атая сразу после его первой публикации, пишет: «У Огуза Атая я научился тому, как извлекать пользу из западных техник современного романа» [Pamuk 1999a: 110]; он высоко оценивает способность автора превращать творческий процесс в некую игру с текстами, за которой наблюдать интереснее, чем собственно за сюжетом [Pamuk 1999a: 190]. Атай весьма изобретательно варьирует наборы приемов (субстратегий), «создаваемых разноуровневыми доминантными средствами, при помощи которых автор программирует процесс восприятия текста читателем» [Мельничук 2008: 29]. Каждая новая стратегия маркируется новым нарратором или новой маской нарратора⁵.

Разумеется, в рамках статьи невозможно детально рассмотреть композиционно, тематически и стилистически многоуровневый роман, где чередуется проза со стихотворными включениями, поток сознания с последовательным изложением, внутренний монолог превращается в диалог с самим собой, через реализацию мотива двойничества и т.д. Тем более, что все это изрядно приправлено тонким юмором и острой сатирой. Представляется, что все это призвано было адекватно презентировать кризис идентичности турецкой интеллигенции второй половины XX в. «В этот период появляется роман, в котором нарушена хронологическая целостность повествования, стерта граница между внешним и внутренними мирами, а на первом плане оказалась формальная сторона» [Ecevit 2001: 21].

³ Под художественной и/или повествовательной стратегией мы понимаем комплекс как локальных компонентов, т.е. набора приемов, определяющих отношение читателя к миру художественного произведения, так и глобальных компонентов, способствующие пониманию/осмыслению текста через координацию различных точек зрения.

⁴ Репрессивные меры привели к реорганизации университетов, бывших центрами научных исследований, что затронуло и древнетюркские исследования, которые на протяжении следующих 10 лет пребывали в стагнации [Байоглу 2011: 133].

⁵ Для авторов термин «нарратор» является сугубо техническим, функциональным.

Памятуя о посвящении статьи, авторы избрали для анализа небольшой отрывок, в котором излагается довольно забавная, если не сказать анекдотичная, мистификация – история обнаружения около местечка Орту Алга (*Ortu Alga*) уникального древнетюркского памятника–энциклопедии «Билиг Тенюз» (*Bilig Tenüz*). Данный отрывок включен в «Энциклопедию неприкаянных» (*Tutunamayanlar Ansiklopedisi*), которую составлял покончивший с собой герой романа Селим Ышик и которую читает его друг Тургут Озбен. Соответственно, читатель не знает, что перед ним текст, написанный Селимом или пересказ Тургутом текста Селима. Поскольку сам рассказ в значительной степени представляет собой псевдо-компиляцию из различных источников (пресса, английский перевод памятника, некие персидские рукописи и т.п.), которые, в свою очередь, сами являются вторичными, определение нарратора оказывается делом весьма нелегким.

Совершенно очевидно, что в рассказ вплетаются отголоски реальной истории открытия и дешифровки тюркского рунического письма. Нет нужды подробно останавливаться на этом хорошо изученном, в том числе благодаря трудам С.Г. Кляшторного, вопросе. Отметим лишь, что, хотя в исследовании тюркской руники участвовали ученые разных стран и национальностей, носили они, по преимуществу, германские (Витсен, Мессершмидт, Табберт (Страленберг), Аспелин, Апельгрэн-Кивало, Доннер, Томсен и т.д.) или славянские/славянизированные имена и фамилии (Спасский, Ядринцев, Мелиоранский, Малов, Кононов и т.д.). Поэтому у Атая заслуга научного открытия и расшифровки надписей Орту Алга (*Ortu Alga yazıtları*; ср.: *Orhon yazıtları*), приписывается русским и немецким ученым. Видимо, в память о датчанине Томсене, нашедшему ключ к тюркской рунике, шифр памятника Орту Алга «взломали» именно немцы. К стати отметим, что автор небрежно путает «русских» и «советских», Германскую Демократическую Республику называет Советской Демократической Немецкой Республикой (*Sovyet Demokratik Alman Cumhuriyeti*), Узбекскую Советскую Социалистическую Республику – Узбекской Социалистической Республикой (*Özbekistan Sosyalist Cumhuriyeti*) [Атай 2000: 146, 148]. Количество таких «небрежностей» достаточно велико:

1. Автор пишет, что надписи были лишь похожи на гёктюркские, но тут же ссылается на авторитетный английский перевод, где письма четко атрибутированы именно как принадлежащие этому периоду – «Океан Мудрости. Перевод с гёктюркского Александра Уильяма Барнетта» (*The Ocean of Wisdom. Translated from Gok-Turkish by Alexander William Barnett. Oxford University Press*) [Атай 2000: 149]. Здесь, вероятно, слышны отголоски споров об атрибуции языка енисейских памятников, которые считали то скандинавскими, то кельтскими (Байер), то индо-готскими (Абель-Ремюза).

2. Сообщается, что памятник «охватывает круг знаний 2014 летней давности» [Атай 2000: 149], т.е. они относятся к рубежу нашей эры. Однако Гёктюркский (тюркютский) каганат существовал в VI–VIII вв. н.э. Причем, первые письменные тюркские тексты, найденные на берегах Енисея, датируются этим же временем.

3. Среди найденных текстов, которые составляют некую грандиозную энциклопедию, есть и статья, посвященная «монголам» (*moğollar*) [Атай 2000: 151]. Опять очевидный анахронизм, ведь этноним монгол (*мэн-гу, мэн-гу-ли, мэн-ва*) впервые встречается в исторических хрониках эпохи Тан (VII–X вв.). Разумеется, вариант этнонима «могол» еще более поздний.

4. Автор сообщает, что статьи найденной энциклопедии упорядочены в алфавитном порядке: «Салман Каргу является автором около 20 статей в частях на буквы Д, К, М, Т и З» [Atay 2000: 151], что весьма сомнительно. Алфавитный порядок организации материала стал применяться сначала, видимо, в различных типах азбуковников, глоссариев, тезаурусов, словников и словарей, т.е. не раньше III–IV вв. В энциклопедиях такой способ организации появился еще позже, в Европе лишь в начале XVIII в., «Лексикон Техникум» Джона Харриса (*Lexicon Technicum: Or, An Universal English Dictionary of Arts and Sciences. By John Harris. 1704*), например.

5. «Салман, после того как внес такой значительный вклад в Билиг-Тенюз – согласно некоторым персидским источникам, которые достойны доверия, – по приглашению шаха Ирана обосновался в Тебризе» [Atay 2000:151]. Вряд ли такое приглашение исходило от правителей Атропатены (IV в. до н.э.), скорее всего это могло случиться не ранее правления Атабеков (XII–XIII вв.), и уж, во всяком случае, не до правления Сасанидов (III–VII вв.).

Можно допустить, что такое количество анахронизмов, нестыковок и нелепостей в сравнительно небольшом фрагменте текста, посвященном этой мистификации, объясняется опорой автора не на научные исследования, а на некое размытое фоновое знание дилетанта, хотя один из возможных нарраторов – Селим – характеризуется как «книжный червь». Строгую «научность», видимо, должны подтвердить и пространные рассуждения о вкладе Салмана в развитие алгебры и геометрии. Но держа в памяти, что Атай был по образованию архитектором и некоторое время работал в строительном бизнесе, с удивлением находим такой пассаж: «Сначала они приняли это место за холм, но в ходе раскопок обнаружили уложенными друг на друга большие каменные стелы с надписями, которые составляли груду высотой около 50 метров» [Atay 2000: 146]. И это вдали от гор, в пустынной местности! Как туда попали каменные блоки, надписи на которых «не считая утраченных, составляют 12 тысяч листов в сегодняшних книжных страницах» [Atay 2000: 149]? Для сравнения, 15-е издание 1994 г. «Британской энциклопедии» (*Encyclopaedia Britannica*) содержит в своих 32 томах порядка 32 тысяч страниц, т.е. всего лишь в 2.5 раза больше каменной предшественницы.

Представляется, что в данном случае мы имеем дело с повествовательной стратегией деконструкции/дискредитации научного (пародийно околонульного?) дискурса. На эту стратегию работают и окказионализмы: *tümaçtarsız* ('категорический, непреложный'), *özbilgenlik* ('философия') вместо *felsefe*, *zorbilim* ('алгебра') вместо *cebiri*, *ölçümsel* ('геометрический') вместо *geometrik*, *doğaçötel* ('метафизика, метафизический') вместо *metafizik*, *yumurtasal* ('эллиптический') вместо *eliptik*. Словотворчество как прием, характерный для модернистских техник, обычно является средством художественной выразительности для повышения экспрессивности. Как правило, окказионализмы не могут существовать вне определенного контекста. В данном случае экспрессивная функция снижена, поскольку автор сразу же приводит общепринятый синоним или пояснение, не давая тем самым читателю поучаствовать в языковой игре. Пародийная ирония контекста, наоборот усилена, т.к. словотворчество Атая с опорой на сугубо тюркские основы вместо заимствованных, причем преимущественно из европейских языков, отчасти пародирует пуристские языковые реформы, инициированные в республиканский период Турецким лингвистическим обществом, которое наоборот боролось в основном с арабизмами и фарсизмами. Ироничная деконструкция усилена и

таким комментарием к банальным стихам: «Сильные удары себе в грудь (или покрасить грудь черным), вероятно, являются знаком, помогавшим взаимному узнаванию ученых тех дней. Или, так же, как белый цвет означает невежество, а черный – знание, чернота внутри может демонстрировать любовь к знаниям, идущую изнутри, из сердца» [Atay 2000: 149].

Наукообразные нелепицы, очевидные анахронизмы и фантастические «научные» доказательства через уже почти постмодернистскую деконструкцию, снижают повествование до уровня фольклорного. Данное предположение находит свое подтверждение в тех фрагментах повествования, где отчетливо видны сказочные мотивы:

1. Сами события разворачиваются в некоем «тридесятном царстве», куда МИД Турции даже не рекомендует ехать турецким ученым [Atay 2000: 146]. Название деревни, где обнаружили артефакт – Орту Алга (*Ortu Alga*), можно перевести как «средоточие водорослей», что весьма странно для пустыни. Лишь имя артефакта – «Билиг Тенюз» (*Bilig Tenüz*), т.е. «Море Знания», отчасти проясняет смысл топонима.

2. Артефакт – древняя энциклопедия – не сразу дается в руки. Недостойные и/или непосвященные не могут оценить находку: купец распродает ее по частям, крестьяне интуитивно скрывают камни от советской администрации в годы революции, ученые первоначально не могут разобрать ее шифр. В этом же ключе можно рассматривать и нелепую невозможность для турецких ученых, которым этот памятник особо ценен, участвовать в раскопках. Здесь, очевидно, ироничное обыгрывание мотива противостояния «удачника и неудачника». Кроме того, в соответствии с фольклорной традицией, артефакт был трижды сокрыт: зашифрован, закопан, распродан по частям как стройматериалы. Лишь помощь старца 106 лет, который рассказывает историю первого открытия памятника, позволяет собрать все части каменной энциклопедии.

3. Старец обладает чертами сказочного помощника, т.н. «загробного дарителя», а конкретно, благодарного мертвеца. У Атая есть значимое уточнение: старик стремится помочь ученым, поскольку желает избавиться от всякой собственности [Atay 2000: 147]. Избавление от собственности можно рассматривать как разновидность услуги мертвецу [Пропп 1986: 150-151], как метафору избавления от связей с этим миром, т.е. смерти. Недаром холм, в недрах которого первоначально был сокрыт артефакт, считали могильником, и лишь случайно он таковым не стал [Atay 2000: 148]. Отметим, что наиболее значительные памятники тюркской руники также были могильными камнями. И, наконец, стоит упомянуть, что старец из Орту Алга имеет определенное сходство с дервишем, который в турецких сказках часто выступает в функции дарителя [Стеблева 2002: 18-21].

4. Весьма мифологизирована и фигура Салмана Каргы – сквозного второстепенного персонажа, не раз появляющегося на страницах романа, подобно мифологическим героям от Али до Насреддина, он имеет несколько могил: « Вместе с тем, помимо 3 могил в Орту Алга, Тебризе и Исфакане, есть еще и могила в Чоруме, а это заставляет верить в возможность того, что Каргы из Средней Азии направился в Анатолию» [Atay 2000: 151].

5. Найденные артефакты – предметы, дарующие духовное изобилие и дающие ответы на «вечные» вопросы. Здесь не обойтись без обширной цитаты: «Неоспоримый ответ на вопросы, которые вот уже многие века задаются в книгах и статьях: “Почему мы не европеизируемся?”, “Почему мы все

подстраиваем под себя?», «Почему мы не можем приспособить к нашим делам навыки проверенные столетиями?» – содержит в себе Билиг Тенюз. Начавшие изучать эти надписи тотчас найдут ответы на подобные вопросы, причем, как гласит Билиг-Тенюз – *timaçtarsız*, т.е. в явном, не оставляющим места для споров виде» [Atay 2000: 149]. Ответ древнего артефакта вполне модернистский, что отвечает общим установкам творчества Атая [Образцов, Сулейманова 2014]: «Во-первых, почему приняв западную культуру, мы считаем, что она нас лишает корней? Почему же Запад, когда заимствует нашу культуру, не должен утратить свои основы? Разве «западнические» течения, начавшиеся с Танзимата, означали лишь плохое копирование некоей иной культуры? Или мы возвращаемся к той цивилизации, которая в основе своей досталась нам в наследство от предков? Изучающие Билиг Тенюз увидят, что мы, когда облекали в новую форму все мысли, движения и институты, которые составляют основы нашей новой цивилизации, не впали в неопределенность и невежество. Мы продолжали развивать научное знание, основы которого опираются на достижения двухтысячелетней давности и считавшееся таковым, что каждое положение его может дать умиротворение умам. Разве иначе могли бы мы выжить?» [Atay 2000: 149-150]. Это действительно вечные вопросы современной турецкой литературы, начиная с сер. XIX в. К ним обращались практически все крупные турецкие литераторы до 50-60-х гг. XX в.: Ахмет Митхат, Реджаизаде Махмуд Экрем, Набизаде Назым, О. Сейфеддин, Р.Н. Гюнтекина, Я. Кадри, П. Сафа и др. Эти вопросы будут возникать всякий раз, когда будет подниматься тема взаимоотношений Востока и Запада. Кстати говоря, с конца XX в. эта тема была вновь, несколько иронично, актуализована уже турецким постмодернизмом. И опять мы видим у Атая, помимо намека на мотив «святого БЕЗумия», снижение пафоса в таком комментарии к разделу Билиг Тенюз «Ум-разум»: «Аллах забрал разум из наших голов, он сделал это, чтобы думать за нас. Не знаю, есть ли необходимость говорить, сколько истин оказалось сокрыто в этих словах?» [Atay 2000: 149].

Элементы фольклоризации как часть повествовательной стратегии весьма симптоматичны. Литература обращается к фольклору как источнику общепризнанных, незыблемых ценностей, как правило, в моменты кризисов, а о историко-литературном контексте, в котором появился роман Атая, мы уже упомянули.

Наконец, нельзя проигнорировать сатиро-юмористические элементы повествования. Временами создается впечатление, что к созданию текста приложили руку Азиз Несин или Рифат Ылгаз. Большинство исследователей вообще считают всепроникающие сатиру и иронию отличительной чертой авторского стиля Атая [Араудин 2007]. «В его творчестве ирония стала лекарством от сознания «потерянности» или «нерешительности», присущей индивиду с ясным умом и приличным багажом знаний» [Soruşturma 1992: 15].

Вся история открытия памятника подана в ироничном ключе, но в рассказе о знакомстве турок с историческим артефактом ирония соседствует с сатирой. Турецкие информагенства игнорируют новость о находке памятника, поскольку «не было репортера – специалиста в истории и археологии, на место раскопок никого не отправили» [Atay 2000: 146]. МИД, перестраховываясь, не дает турецким ученым визы, чтобы участвовать в исследованиях, что, в свою очередь, вызывает насмешки европейской прессы. Общественность Турции вообще осталась бы в неведении, если бы депутат от оппозиции не зашел к

министру промышленности, чтобы уладить дела своего друга-бизнесмена⁶. Зная языки, депутат перелистывает иностранный журнал и узнает о находке. Даже не прочтя толком статью, ограничившись лишь резюме, депутат начинает интригу, подав запрос в правительство. В ходе слушаний делается вывод: «наш международный авторитет возрос бы, если бы мы присоединились к раскопкам; с точки зрения репутации, мы упустили удобный случай, который не купишь и за миллионы» [Atay 2000: 147]. Но демарш оппозиции кончился ничем: сущность вопроса не рассматривали, а формальных нарушений не нашли. Здесь мы видим уже иной вариант ответа на пресловутые «вечные» вопросы турецкого общества. И этот ответ уже скорее постмодернистский. Не случайно Хильми Явуз, современный писатель и литературовед, считает отправной точкой постмодернизма в турецкой литературе именно творчество Огуза Атая [Soruşturma 1992: 15].

Идентичность линейна, т.к. дает высокую степень убежденности в истинности событий прошлого и высокую вероятность осуществления догадок о будущем.

Литература

Байоглу 2011 – *Байоглу А.* Древние тюрки Центральной Азии и Южной Сибири: турецкая историография XIX-XX вв. // Известия УрГУ. Сер.2. №4 (96). – Екатеринбург, 2011. С. 124-140.

Кляшторный 2003 – *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.

Кононов 1972 – *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. – Л.: Наука, 1972.

Мельничук 2008 – *Мельничук О.А., Нифанова Т.С., Халина Н.В. и др.* Язык в исследовательском поле гуманитарных наук. – Архангельск: Поморский университет, 2008.

Образцов, Сулейманова 2014 – *Образцов А.В., Сулейманова А.С.* Постмодернистский ответ Орхана Памука на модернистский вызов Огуза Атая // Актуальные вопросы тюркологических исследований. Сб. статей к 75-летию В.Г. Гузева. – СПб.: РХГА, 2014. С. 165-183.

Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Издательство ЛГУ, 1986.

Стеблева 2002 – *Стеблева И.В.* Очерки турецкой мифологии: По материалам волшебной сказки. – М.: Вост. лит., 2002.

Apaydın 2007 – *Apaydın M.* Oğuz Atay'ın Tutunamayanlar Adlı Romanında Mizah ve Hiciv Öğeleri // Ç.Ü. Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, Cilt 16, Sayı 1, 2007, s.45-68

Atay 2000 – *Atay O.* Tutunamayanlar. – İst.: İletişim, 2000.

Aytaç 1999 – *Aytaç G.* Çağdaş Türk Romanları Üzerine İncelemeler. – İst.: Gündoğan Yayınları, 1999.

⁶ В период написания романа Турция была парламентской республикой, и правительство формировала победившая партия. Соответственно, некоторая ирония состоит в том, что оппозиционер устраивает коммерческие «делишки» со своим политическим оппонентом.

Ecevit 2005 – *Ecevit Y.* “Ben Buradayım...” – Oğuz Atay'ın Biyografik ve Kurmaca Dünyası. – İst.: İletişim, 2005.

Ecevit 2001 – *Ecevit Y.* Türk Romanında Postmodernist Açılımlar. – İst.: İletişim, 2001.

Efe 2004 – *Efe A.* Süleyman Hüsnü Paşa'nın Tarih Anlayışı // Kâzı Karabekir Fakültesi Dergisi. Sayı 9, 2004, s. 207-215.

Moran 2012 – *Moran B.* Türk romanına eleştirel bir bakış 2. Sabahattin Ali'den Yusuf Atılgan'a. – İst.: İletişim, 2012.

Pamuk 1999a – *Pamuk O.* Öteki Renkler. – İst.: İletişim, 1999.

Soruşturma 1992 – *Soruşturma.* Edebiyatımızda bir 'Postmodern Durum'dan söz edebilir mi? // Varlık. Edebiyat ve sanat dergisi. – İstanbul: Varlık Yayınları, Aralık, 1992. Sayı 1023.

Oğuz_Atay/en. – Oğuz_Atay/en.wikipedia.org/wiki/

In memoriam of Sergey Grigorievich Klyashtorny

***Aleksey V. Obraztsov, Aliya S. Suleymanova. "Bilig Tenüz" by Oguz Atay:
Between Mystification and Parody***

Summary. The paper is dedicated to the characteristic features of Oguz Atay' s narrative strategies. Combining modern and postmodern approaches, the writer skillfully balances between mystification and parody. The basic concepts in history and culture of the ancient Turks make the subject of deconstruction.

Key Words: Oguz Atay, Bilig Tenüz, mystification, parody, postmodernism

О РОМАНЕ МУСЫ ТАШМУХАМЕДОВА «НАВОИ»

Синан Читчи, г. Стамбул (Турция)

Резюме. В статье проводится анализ романа «Навои» узбекского романиста Мусы Ташмухамедова (Айбека). Определяется место романа в исторической романистике, исследуется его содержательная структура, система персонажей, временная и пространственная организация, выявляются элементы традиционной тюркской культуры и искусства, отображенные в романе.

Ключевые слова: Навои, роман, культура, поэт, государственный деятель

Роман «Навои»¹, который был опубликован в 1944 г., занимает важное место в творчестве Айбека (наст. имя Муса Ташмухамедов; 1905–1970, одного из выдающихся представителей узбекской литературы XX в.. Роман принес своему автору заслуженную славу, был переведен на хинди, китайский, а также на многие славянские языки, в том числе на русский. Из данного произведения мы узнаем, с одной стороны, о жизни Алишера Навои, с другой, о чагатайском культурном и литературном наследии. Так как роман был написан в соответствии с традиционным пониманием жанра исторического романа, то каждый исследователь, рассматривающий это произведения с того или иного ракурса, с удивлением для себя обнаружит, что данный художественный текст содержит огромное количество ценных исторических сведений: роман предоставляет богатый материал для изучения состояния науки, общества², политики, культуры и искусства той эпохи.

Для узбекской исторической романистики произведение является новаторским; в то же время в нем достоверно изображены исторические реалии соответствующей эпохи. Большинство героев романа являются реально существовавшими историческими личностями. Следует особо отметить, что писатель придерживается исторической достоверности даже в изображении деталей³. Наряду с этим в романе также встречаются вымышленные герои, например, Дильдор и Арсланкул. Возможно, что подобные герои взяты писателем из узбекского фольклора, однако в романе все они становятся частью художественного вымысла⁴. Наличие в про-

¹ Aybek, M. T. *Nevâî* / Aktaran D. Ahsen Batur. İstanbul: Ötüken Yayınları, 1995, 447 s. – В тексте указания страниц на это издание.

² Baydemir, Hüseyin. M.T.Aybek'in 'Nevâî' Adlı Romanına Sosyolojik Açıdan Bir Yaklaşım // *A.Ü.Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi* sayı:18, Erzurum 2001.

³ Например, в романе обращается внимание на дошедший со времен Навои до наших дней обычай ставить в официальной переписке печать под именем. (s. 127–128) См.: Ali Şir Nevâî, *TDV İslam Ansiklopedisi*, c.2, s. 450.

⁴ “Bir romandaki A karakteri, tarihî veya gerçek hayattaki bir kişiden farklıdır. Bu karakter yalnızca onu niteleyen veya yazarın onun ağzına koyduğu cümlelerden yapılmıştır; o ne bir

изведении вымысла, в то же время, не означает, что в классическом историческом романе⁵ могут допускаться такие очевидные ошибки, как нарушение хронологической точности (анахронизм). Традиционный исторический роман, «вне зависимости от своей основной цели должен заключать в себе подробные сведения об укладе общества в определенный исторический период: господствующих в нем морали, обычаев, чувств и возможностями, предоставляемыми человеку этим обществом»⁶. Но сколько бы данное произведение ни относили к жанру исторического романа, читатель, встречая при прочтении допущенные автором грубые ошибки, разубеждается в том, что описываемые события могли происходить в конкретный период истории на самом деле; он явно видит, что текст противоречит данным исторической науки. Это объясняет то, почему при прочтении текста читателя не покидает чувство нереальности. Наличие подобных черт приближает произведение «Навои» к жанру сказки. Так, в романе говорится о том, что великий ученый Султанмурад и некоторые блестящие учащиеся медресе в своей жизни руководствуются примером таких людей, как Ибн Сина и Имам Газали (с. 299). Однако же, несмотря на это, в романе описывается, как Султанмурад и учащиеся часто пьют вино в медресе и отправляются в мечеть для того, чтобы совершить намаз; иногда же по возвращении с намаза они устраивают пирушки, на которых вино течет рекой (с. 69, 91).

Произведение не является биографическим романом: мы не находим в нем последовательного повествования обо всех этапах жизни Навои. Уже в самом начале романа Навои – взрослый тридцатилетний мужчина. В романе отсутствует описание детства, юности и молодости Навои. Вниманию читателя представлены лишь отдельные воспоминания героя об этих периодах его жизни. Произведение можно отнести к жанру полубиографического романа, поскольку в нем изображается жизнь Навои после 30 лет, т.е. после того, как его имя начинает приобретать вес в сфере государственного управления.

Роман состоит из двух частей. Первая часть начинается с того, что Алишер Навои становится хранителем печати (мюхюрдаром) правителя в Герате, и заканчивается тем, что он получает новое назначение: герой отправляется в Астрабад для того, чтобы заменить Эмира Могола на посту наместника. Что же касается второй части, то здесь мы можем выделить три ключевых эпизода: пребывание Навои в должности правителя Астрабада, возвращение в Герат и смерть поэта. События в романе разворачиваются вокруг двух групп героев: Навои и его окружения, с одной стороны, и его соперников, с другой. Помимо этого, фоном романа является описание жизни народа. Изображение жизни обычного человека приводится писателем, в первую очередь, для того, чтобы подчеркнуть величие Навои (с. 193–193).

Такое представление содержательной структуры романа может создать у читателя впечатление, что данное произведение написано в жанре политического

geçmişe, ne bir geleceğe, bazen ne de bir hayat sürekliliğine sahiptir.” Réne Wellek – Austin Varren, (Çeviren: Ömer Faruk Huyugüzel), *Edebiyat Teorisi*, Akademi Kitabevi, İzmir 1993, s. 12.

⁵ То же самое нельзя утверждать в отношении постмодернистского исторического романа. Подробнее об этом см. Çelik, S. Dilek Yalçın. *Yeni Tarihselcilik Kuramı ve Türk Edebiyatında Postmodern Tarih Romanları*, Ankara: Akçağ Yayınları, 2005; Oppermann, Serpil. *Postmodern Tarih Kuramı (Tarihyazını, Yeni Tarihselcilik ve Roman)*, Ankara: Phoenix Yayınevi, 2006.

⁶ *Yeni Türk Edebiyatı Antolojisi II* / Haz: M. Kaplan, İ. Enginün, B. Emil). İstanbul: Marmara Üniversitesi Yayınları, 1993, s. 347.

романа, однако в нем не менее важное место занимают проблемы науки, культуры и искусства

Подобное богатство имеющегося в романе материала обусловлено тем, что произведение является и романом, изображающим династию, нацию, и романом, отражающим целую культуру.

Роман отличает большое количество действующих лиц. Среди них есть представители таких профессий, как историки, каллиграфы, мастера по фрескам, художники, ученые, поэты, государственные деятели, военные, шахзаде, беки, повара, лекари, музыканты, борцы и слуги, ведь целью произведения является изображение цивилизации во всей её полноте, цивилизации, а не отдельных локальных событий, исторических личностей и чувств. Для того, чтобы у читателя сформировалось представление о системе персонажей, достаточно остановиться на главных действующих лицах романа. Естественно, самым ярким героем романа является Алишер Навои.

Тюркскую литературу, развивающуюся под влиянием исламской культуры, можно разделить на две группы: литературу, написанную на восточном тюркском (хаканидском тюркском) и на западном тюркском (огузском) языке. «Мы считаем западными территориями территории осман и азербайджанцев, а тюркский язык Центральной Азии – восточным тюркским языком»⁷. Навои был поэтом, который вырос и творил там, где был распространен восточный тюркский язык.

До Навои крупные успехи тюркской литературы были связаны с именами таких диванных поэтов, как Саккаки и Лутфи⁸. Одним из основоположников поэтической традиции, слава о котором достигла самого Ирака, является Лутфи. К тому же именно Лутфи обучает поэтическому мастерству Навои⁹. В романе мы становимся свидетелями сцен, в которых Навои, ещё будучи ребёнком, приходит к Лутфи и показывает ему свои стихотворения, а тот, в свою очередь, делится с Навои советами. Благодаря производящим неизгладимое впечатление произведениям Аттара, Саади, Салмана, Хосрова и Хафиза персидский язык становится господствующим в восточной поэтической традиции: влияние персидского языка было настолько сильным, что арабские и тюркские поэты предпочитали писать не на своих родных языках, а на персидском¹⁰. Обучение в этот период также велось на персидском языке, поэтому все поэты создавали свои стихотворения на персидском языке и очень этим гордились. «Девять из десяти ученых мужей, присутствующих на собраниях в Хорасане и Мавераннахре, боготворят персидский язык. Они полагают, что турецкий язык является чуждым для каляма. В их кровь вошла вера в то, что именно персидский язык обладает красотой, богатством и изяществом» (с. 143). Однако же Навои не разделяет их мнения. Именно поэтому он сначала направляет свои усилия на развитие национального сознания, а позже и на развитие национального языка и национальной поэтической традиции.

Кроме дивана на персидском языке, состоящем из 30 произведений, все остальные стихотворения Навои созданы на тюркском языке¹¹. Поэт не отрицал, что персидский язык приобрел свой особый статус благодаря тому, что над ним много работали поэты, но полагал, что если уделить такое же внимание тюркскому язы-

⁷ Mengi, Mine. *Eski Türk Edebiyatı Tarihi*. Ankara: Akçağ Yayınları: 1994, s. 15.

⁸ Çetindağ, Yusuf. *Ali Şir Nevâî*. İzmir: Kaynak Yayınları, 2011, s. 11.

⁹ *Türk Dünyası El Kitabı*. 2. Baskı, S.: A-23, Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları, 1992, s. 84.

¹⁰ Çetindağ, Yusuf. *Ali Şir Nevâî*. İzmir: Kaynak Yayınları, 2011, s. 10.

¹¹ Köktekin, Kâzım. *Ali Şir Nevâî'nin Türkçeciliği // A.Ü.Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi*, sayı:19 Erzurum 2002.

ку, то он может стать основой для создания более совершенных стихотворений, чем стихотворения на персидском языке. Он верил в то, что с точки зрения отражения тюркским языком состояния человеческой души и сердца, он богаче персидского. Со временем эта вера поэта в силу тюркского языка превращается для него в сакральную идею, полностью им завладевает (с. 121).

В то время как бессмертное литературное наследие иранского народа, представленное такими произведениями, как «Шахнаме» и «Хамса», с гордостью передавалось из уст в уста, Навои еще в детские годы с грустью размышлял: «Почему мой народ должен быть лишен таких произведений? Мой народ все тонко чувствует. У него есть гордость и традиции... У него есть прекрасный язык, нашедший свое отражение в дастанах и песнях-мани...» (с. 261).

В романе определяются две группы – приверженцы тюркской поэзии и персидской. Такие деятели, как Навои, Байкара, Хасан Эрдешир¹², Султанмурад и Сахиб Дара защищают тюркскую поэзию. А Шехабеддин, Бинаи, Зейнеддин и другие заявляют, что тюркская поэзия звучит для человека, как будто кузнец забивает в железо гвозди (с. 142). Они считают тюркский язык неприятным, грубым и восхищаются персидской поэзией. Представители каждой из этих двух групп в романе критикуют друг друга. Ни одна сторона не может убедить другую, но автор романа считает аргументы защитников тюркского языка более весомыми.

Сам Навои не считает тюркскими поэтами тех, кто не сочиняет стихотворений на тюркском языке. В одном из эпизодов романа Навои присутствует на поэтическом поединке (меджлисе) с участием более ста поэтов; увидев, что эти поэты сочиняют свои стихотворения на персидском языке, он рассуждает: «Если бы один из этих поэтов смог нацарапать хотя бы одну строку на родном языке, которая могла бы составить конкуренцию персидским стихам! Наши талантливые господа выбрали самый простой путь. Если бы они приложили хоть немного усилий, они смогли бы создать на своем родном языке бесподобные драгоценности, поистине жемчужины» (с. 198).

Мы можем утверждать, что Навои, ярый сторонник упрощения языка, делает для узбекского языка то, что сделали в Анатолии для развития простого и понятного турецкого языка Юнус Эмре, Шейяд Хамза, Ахмеди, Ахмед-и Даи и Ашык Паша¹³.

В поэзии Навои прежде всего ищет сочетание глубокого смысла, силы воображения и богатства художественных средств. По его мнению, современные ему поэты не могут найти новизны и чистоты стиха потому, что не обращаются к возможностям тюркских языков. Другим их недостатком является то, что они не используют музыкальность тюркских языков. Навои считает, что любой, кто занимается поэзией, должен разбираться в музыке. Поэтому он советует молодым поэтам заниматься этим искусством (с. 199).

Мы можем даже сказать, что анализируемый роман является романом о поэтах. От его начала и до конца тема поэзии и поэтов является центральной линией, вокруг которой разворачивается сюжет. Этому способствует также тот факт, что местом разворачивания событий в романе является Герат, известный как город поэтов.

Писатель хорошо осведомлен о том, где и в какой последовательности Навои создавал свои произведения, и удачно использует эту информацию в содержа-

¹² Есть указания на то, что Навои любил своего покровителя Сейида Хасана Эрдешира как родного отца. Çetindağ, Yusuf. *Ali Şir Nevâî*. İzmir: Kaynak Yayınları, 2011, s. 106.

¹³ Köktekin, Kâzım. Указ. соч.

тельной структуре романа. В романе мы встречаем отсылки на такие произведения Навои, как «Возлюбленная сердец», «Пятерица» и «Фархад и Ширин». Также в систему персонажей романа вводится один из ближайших друзей Навои – Абдуррахман Джами, представленный как умный и своевольный человек. Навои часто посещает своего друга и советуется с ним по различным вопросам. «В 1476 году Навои, по настоянию своего большого друга Джами вступает в братство Накшбенди. Это духовная близость еще больше укрепляет их дружбу и оказывает большое влияние на произведения Навои. Литературная деятельность Навои по сути началась с этого периода»¹⁴. В указанный год Навои находится в Астрабаде и располагает свободным временем, поэтому этот период его жизни был крайне плодотворным с точки зрения его занятия поэзией.

Навои использует каждую возможность для развития тюркской поэтической традиции. В частности, он просит, чтобы на его стихотворения писали ответы-назире. Он утверждает, что если каждый будет писать назире, появится большое количество стихотворений, а это будет способствовать развитию тюркской поэтической традиции. В своих произведениях Навои показывает силу выражения, красоту и богатство тюркского языка. «Он вырос в эпоху, когда тюркский дух и тюркский язык совершал прямо-таки революционное шествие против персидского духа и персидского языка, он осознал эту языковую и культурную двойственность и смело утверждал, что “тюркский язык преобладает над персидским”; это он попытался доказать в небольшом трактате “О сравнении двух языков”, который он создал за год до смерти»¹⁵. Поскольку он сам великолепно писал и на персидском, и на тюркском языке, его называли «зю-лисайен» (обладающий двумя языками). В своих стихах, написанных по-тюркски, он использовал поэтический псевдоним «Навои» (мелодичный), в персидских стихах – «Фани» (преходящий, бранный).

Теперь обратимся к государственным делам Навои. Государственная деятельность Навои тесно связана с тем фактом, что он происходит из семьи, служащей тимуридам и приобретшей большой опыт государственной службы. Навои с детских лет рос вместе с внуком мирзы Байкары Хюсейном Байкарой¹⁶. Когда Байкара взошел на трон, к словам Навои в качестве государственного служащего стали прислушиваться. Обращают на себя внимание следующие особенности деятельности Навои на государственном поприще: он являлся таким государственным служащим, который искал исцеление от всех горестей народа, пытался найти выход из различных сложных ситуаций, пресекал несправедливость, в противостоянии народа с другими государственными деятелями всегда вставал на сторону закона и справедливости. Навои считал, что законы и правила государства едины как для султана, так и для нищего. Он утверждал: «Закон превыше всего. Ни на какие уступки нельзя идти».

В романе мы встречаем многочисленные примеры, иллюстрирующие эти мышления Навои. Например, в одном из эпизодов романа Навои, совершая ночной обход со стражником, находит тело молодой девушки. Он отдает распоряжение провести расследование этого дела. В ходе расследования он узнает, что убитая девушка – дочь ткача Мир Халима и что ее убил охранник Шахзаде Музаффар, который является родственником Маджд ад-Дина. В ходе расследования этого дела Навои встречается с Маджд ад-Дином и говорит ему: «Слава Аллаху, у нас в стране есть власть... Есть властитель, есть законы и права. Если кто-то со-

¹⁴ Levend, Âgah Sırrı. *Ali Şir Nevâî*. Ankara: TDK Yayınları, 1965, c.1, s. 36.

¹⁵ Köprülü, M. Fuad, *Ali Şir Nevâî*. İstanbul: Maârif Matbaası, 1941, s. 8.

¹⁶ Âgah Sırrı Levend, *Ali Şir Nevâî*, TDK Yayınları, Ankara 1965, c.1, s. 29.

вершил преступление, то мы должны расследовать это дело, найти виновного и соответствующим образом его наказать. В противном случае управлять страной станет невозможно. В таких грязных делах ни для кого не может быть особого закона и особого права» (с. 214–215).

Другой отличительной чертой Навои являлось то, что он, будучи государственным деятелем, уделял большое внимание науке и искусству. Так, однажды Навои советует Хюсейну Байкаре: «Нужно повышать уровень жизни поэтов, деятелей литературы и ученых, необходимо все время следить за этим» (с. 122). Также он поощряет художников Кемалледина Бехзада и Мирека Наккаша создавать новые великие произведения. Когда он понял, что Султанмурад является великим ученым, он написал письмо шейх-уль-исламу, в котором указывал, что «просит назначить молодого ученого мюдеррисом в медресе Шахрух, и если возникнут проблемы с выплатой жалованья, готов возместить расходы из собственного кармана» (с. 149).

Также увидев, что визири не справляются с государственными делами, Навои предлагает привлечь к государственному управлению разбирающегося в государственных делах Ходжу Афдала. Навои считает, что общества, где нет справедливости, не могут долго существовать. По его мнению, кадии, назначаемые на службу в города, должны подвергаться тщательному отбору. Он утверждает, что в глазах народа эта должность является крайне важной и требует, чтобы на нее назначались только те люди, которые хорошо знают законы, люди, которых любит и уважает народ: Навои полагает, что самой главной чертой людей, находящихся у государственной власти, должно быть их умение поставить национальные интересы выше личных. Любое иное поведение, по его мнению, является преступлением против страны (с. 356).

Весь роман, собственно, построен на конфликте личных и государственных интересов. Навои символически изображает одну группу людей, для которых важны государственные интересы, и другую группу, формирующуюся вокруг Маджд ад-Дина, – это люди, для которых важны личные интересы. Будучи наделенными государственными полномочиями, желая обеспечить собственное процветание и благосостояние, такие люди будут пытаться прибрать к рукам имущество народа, используя свои возможности.

Еще одно качество, которого Навои ожидает от государственных служащих, – преодоление ими границ своих узкопрофессиональных взглядов. С точки зрения поэта, важно, чтобы государственные деятели решали общественные и государственные вопросы быстро и по справедливости. Конечно, все это требует от них самопожертвования. Например, когда крестьянин, приехавший из Исфизара, жалуется Навои на то, что у него украли лошадь, тот советует обратиться к Кылыч Бёю, чтобы он начал масштабное расследование. Навои говорит: «Пусть он не знает покоя, пока не решит проблему этого человека» (с. 195).

Другое качество, которое, по мнению Навои, необходимо властью имущим, их умение не разбазаривать государственное имущество, следить за тем, зачем и куда уходят деньги из казны, и контролировать, чтобы казенные деньги находились в руках надежных людей. По этому поводу он говорит Байкаре следующее: «Как телу нужна кровь, так и государству нужна казна. Но нельзя с одной стороны собирать деньги в казну, с другой – разбазаривать ее, так казну не наполнить. Щедрым тоже нужно быть осмотрительно» (с. 268).

По вопросу сбора налогов Навои выступает против угнетения народа. Навои считает, что если представители верхушки власти, идущие по легкому пути, повышают налоги или устанавливают новые налоги с тем, чтобы пополнить государственную казну, то это принесет государству не благосостояние, а несчастье.

Поэтому он резко выступает против предложения Байкары использовать силу (*досл. меч – прим. пер.*) против народа, поднявшего восстания в Герате (с. 80). Навои также подчеркивает, что для развития страны и повышения благосостояния народа, нужно развивать сельское хозяйство и промышленность, а также увеличивать производство и расширять торговые отношения с другими странами (с. 122). Вот что он говорит Байкаре: «Нужно развивать сельское хозяйство, искусство и практические навыки, нужно развивать торговлю с другими странами. И когда амбар крестьянина, работающего в поте лица, наполнится зерном, тогда и ваша казна наполнится золотом» (с. 268).

Также Навои указывает на то, что государственная система должна быть крепкой, государственные служащие должны постоянно получать повышение по службе, нельзя допускать, чтобы творились ошибочные и незаконные деяния, центральная власть должна быть осведомлена не только о том, что происходит в столице, но и знать состояние дел во всей стране. Наряду с этим, Навои считает, что возникающие в стране склоки, восстания и борьба наследных принцев за престол пагубно влияют на страну. В романе с большой художественной силой показывается, что Навои был сторонником мира. Так как он был человеком, которому доверяли, то часто споры наследных принцев решались при посредничестве Навои. Все это было возможно благодаря его превосходству над другими членами общества, а также того большого влияния, которое он имел в своей стране.

Другими важными действующими лицами в романе Ойбека выступают такие знаковые фигуры как правитель Хюсейн Байкара, внук внука Тимура. За время его 37-летнего правления, которое называют «Ренессансом Тимуридов», Герат превратился в крупный центр тюркской цивилизации.

Одним из близких друзей Навои является Султанмурад, вначале ученик, а потом мюдеррис¹⁷. Сын одного из известных мастеров по гравировке камня. После смерти отца воспитывался матерью, высококультурной, мужественной женщиной, позже продолжил свое образование в Герате. Он не только выдающийся ученый, но и высоконравственный человек.

В романе самым крупным соперником Навои выступает Маджд ад-Дин. Когда денег, которые он собирает с народа в качестве налога, не хватает на увеселительные мероприятия во дворце, вводит новые налоги, но значительную часть собираемых налогов присваивает. Кончает свою деятельность в тюрьме, его имущество конфискуют.

Образы простых людей представлены Арсланкул и Дильдор. Жители деревни, ожидающие, когда их материальное положение поправится, чтобы они смогли пожениться. Арсланкул – молодой человек, не имеющий образования и работающий на стойке. Дильдор – типичная для романов идеальная возлюбленная. В нее влюблены Доган Бей, Султанмурад и Арсланкул. Поскольку для Доган Бея главное – это материальное благополучие, он настроен на то, чтобы жениться на дочери знатного бея, поэтому Дильдор он считает недостойной его любви. Султанмурад также влюбляется в Дильдор, но узнав о том, что Дильдор любит Арсланкула, считает более порядочным спрятать свою любовь в глубине сердца. Дильдор является единственным достоверно выписанным женским персонажем романа.

Говоря о временной организации романа, отметим следующее. Время здесь можно представить в виде четырех групп: 1) время, в рамках которого происходят романские события; 2) времена года; 3) дни недели; 4) время суток.

¹⁷ *Мюдеррис* – преподаватель в медресе.

В романе изображаются политические и культурные события за примерно 30-летний период. Этот период начинается приблизительно с 1481 г., когда Хюсейн Байкара и Навои приходят к управлению Хорасанским султанатом, являвшим собой одну из двух частей империи Тимура, и продолжается до смерти Навои в 1501 г.

Временная организация романа подчинена четкой хронологии, время движется от более ранних событий к более поздним, но течение романного времени также определяется важностью происходящих событий и экономичным использованием художественных средств автором. Иногда в романе встречаются отсылки к прошлому (с. 276): в одном из эпизодов Навои, держа в руках газели, погружается в размышления о прошлом. В романе повествуется о детских годах Алишера, представленных в виде его диалогов с Лютфи (с. 278).

Время в романе движется очень динамично: здесь мы не находим формулировок, характерных для других романов: «через столько-то лет, столько-то лет прошло».

Описание сезонных пейзажей в романе более живое, что описание прожитых лет. Особенно часто писатель сосредотачивается на описаниях весенних, зимних и осенних пейзажей. Собственно, сам роман начинается с очень живого, звенящего описания весны (с. 5), а заканчивается смертью Навои в осенний день (с. 440). Тот факт, что роман начинается с описания весеннего пейзажа, а заканчивается картинами осени, свидетельствует о символическом значении этих элементов. Автор как будто хочет подчеркнуть, что подобно тому, как государственный муж Навои несет своей стране весну и лето, его смерть для страны является предвестником зимы. В этом свете особое значение имеет то, что назначение на государственный пост Маджд ад-Дина – соперника Навои, порицаемого и осуждаемого народом, происходит зимой (с. 117–128).

От взгляда исследователя не ускользает тот факт, что определенные события в романе происходят в определенные дни. Это отчетливо проявляется, например, в том, что четверг – последний рабочий день, пятница – выходной и день посещения друзей и родных, в воскресенье ходят за покупками. «Так как было воскресенье, улицы кишели народом. Крестьяне на лошадях и ишаках, величественно шествующие звенящие колокольчиками верблюды, женщины, согнувшиеся от тяжести наполненных корзин, которые они несли на головах, ткачи, свернувшие свои ткани в рулоны и тащащие их подмышкой, еще какие-то люди – все они группами продвигались в сторону рынка» (с. 39).

Пространственная организация романа определяется такими городами, как Герат, Астрабад, Балх и их окрестностями. Однако преимущественно события происходят в столице государства Герате, центре науки, искусства и торговли. В романе упоминаются и другие города, такие, как Абыверд и Мерв – в них занимают пост вали шахзаде Абульмасум Мирза, инициировавший восстание против Хюсейна Байкары, и Абдулмухсин Мирза. Однако на протяжении всего романа мы не встречаем ни детального описания этих городов, ни становимся свидетелями событий, происходивших там. Эти топонимы лишь упоминаются в тексте (с. 420)

Город Герат же в романе получает детальное описание. Так, указывается, что в Герате находится крепость под названием «Ихтияруддин», которая является самым высоким и величественным зданием города. Другая особенность Герата – за день здесь сменяют друг друга все четыре сезона. Такое описание Герата проистекает из того, что этот город полон виноградников, садов, он просто утопает в зелени, даря своим жителям разнообразные фрукты и овощи. Например, город славится своими фисташками сорта «бадгыш» (с. 91).

Город древний, поэтому в нем узкие извивающиеся улочки. Дома двухэтажные, окруженные садами. В романе яркими красками изображены дворцы Герата.

Они представляют собой архитектурные шедевры с огромными, просторными бассейнами и садами, украшенными самыми разнообразными цветами и деревьями. Дворец Тараббане – один из примеров такой роскоши.

В Герате есть множество небольших рынков, расположенных вблизи главной площади (с. 447). Самый же большой рынок Герата – Базар-ы Мюльк (*рынок товаров – прим. пер.*).

Другой топоним романа – Астрабад. Он известен нам тем, что туда сослан Навои. Еще раньше в этом городе эмир Могол установил свою власть, однако он не сделал ничего для того, чтобы город стал краше. «Астрабад – оживленный торговый город, но находится в полуразрушенном состоянии» (с. 284). Если обратить внимание на тот факт, что Навои был отправлен сюда в ссылку, становится понятно, что этот город не является процветающим и комфортным для проживания местом.

Один из важных топографических центров в романе является город Балх. Балх предстает перед нами как город, где проживал дервиш Али, и где позже он организовал восстание. Этот город глазами Навои описан так: «Город Балх, окруженный высокими укреплениями, когда-то был важным центром торговли и искусства, процветающим, величественным городом. Но этот город оказался лицом к лицу перед полчищем монголов под предводительством Чингиз-хана, которые окружили его, как саранча; город в одиночку сопротивлялся, но под безжалостным натиском врага сдался». Все города, которые упоминаются в романе, управлялись сыновьями или внуками Байкары.

Роман от начала до конца отражает особенности тюркской культуры. В повествовательную ткань романа изящно вплетены тюркская культура и обычаи. Некоторые обычаи и традиции имеют религиозную окраску, другие же отражают повседневную жизнь тюрок той эпохи.

В романе мы становимся свидетелями того, как проводились праздники. В определенные дни герои романа собираются на совместную трапезу. Пиршества султана и высокопоставленных лиц всегда проходят в самых больших залах дворца. Церемония принятия трапезы, место падишаха за столом – все строго регламентировано.

На протяжении романа неоднократно встречаются эпизоды, когда народ собирается для того, чтобы насладиться алкогольным напитком, называемым «чагыр». Традиция пить «чагыр» не каждодневная; обычно «чагыр» употребляют на пирах, даваемых в честь уважаемых гостей.

Еще один традиционный для тюркской жизни элемент мы видим в том, что поэты встречаются друг с другом и читают стихи. На такого рода собраниях большинство поэтов соревновались друг с другом, читая собственные произведения, новые касыды или рубаи. Также в романе мы наблюдаем, что Навои и другие ученые из его окружения играют в шахматы.

Другое традиционное времяпровождения, описанное в романе, – встречи в зимние вечера, на которые собирается простой народ, они напоминают «беседы, сопровождаемые угощением халвой». С приходом весны по всей стране начинаются весенние развлечения. Такого рода мероприятия устраиваются правителем или богачами, на них обычно приглашаются все желающие (с. 258).

В этом историческом романе автор, помимо поэзии и литературы, уделяет внимание таким традиционным тюркским искусствам, как живопись, миниатюра, музыка, архитектура и каллиграфия.

В романе есть эпизод, когда Навои знакомится с учеником Мирека Наккаша художником Кемаледдином Бехзадом, устанавливает с ним дружеские отноше-

ния, следит за его творческими успехами и всячески поощряет его на создание новых работ. Кемаледдин Бехзад уроженец Герата, сирота. Благодаря своему таланту и сообразительности ему удается много добиться в сфере живописи и искусства миниатюры. Художнику покровительствует Мирек Наккаш, и в скором времени Кемаледдин Бехзад становится одним из самых именитых художников Хорасана. Он особо прославился своими миниатюрами в книгах. В романе отражены все этапы создания книги и они даются глазами Навои.

Мирек Наккаш представлен в романе также как главная фигура в искусстве украшения зданий и миниатюр. Он самый прославленный в Герате художник-миниатюрист, также его рукой украшены многие здания Герата. Он являет собой пытливого художника, который никогда не останавливается на достигнутом, все время находится в стилистическом поиске. Помимо этого, он участвует в создании имаретов¹⁸ на берегу реки Инд. Он расписывает стены домов, расположенных близ реки Инд, касыдами и рубаи. Также в романе содержится упоминание, что Мирек Наккаш по распоряжению Навои смастерил часы.

Автор романа показывает, что в области музыкального искусства Герату нет равных (с. 131). Как явствует из романа, об этом также знает весь мир. Музыка является неотъемлемой частью развлекательных мероприятий. Навои и сам увлекается музыкой. В тот период его жизни, когда он был сослан в Астрабад, он значительную часть времени посвящает слушанию музыки. Иногда он берет барабан и начинает что-то наигрывать (с. 286). Навои поощряет развитие музыки. Он даже выдвигает идею написать книгу о музыке. Султанмурад говорит ему, что создать такую книгу сможет лишь Зейнеддин, потому что он самая влиятельная фигура в сфере музыки (с. 345).

Навои имеет влияние и в области архитектуры. Например, он всячески поощряет строительство на берегу реки Инд больших имаретов. Эти имареты представляли собой многофункциональный социальный комплекс кюллийе¹⁹, сооруженный с учетом потребностей как обучающихся, так и мюдеррисов. Навои придавал такое большое значение этому кюллийе, что лично чертил эскизы входящих в его состав медресе, странноприимного дома, больницы, хамама, а также продумывал, как украсить разбитые в окрестностях кюллийе розовые сады и цветники. После того как архитектурный ансамбль был завершен, Навои назвал три его комплекса в соответствии с функциями, которые эти здания должны были выполнять: здания медресе и странноприимного дома получили название «Ихлясийе»²⁰, больница и хамам – «Шифаййе»²¹, библиотека и примыкающий к ней участок с садом – «Унсийе» (с. 260).

Благодаря тому, что в эпоху Навои уделялось большое внимание наукам, создавались тысячи книг. Это, в свою очередь, придало большой импульс развитию искусства каллиграфии. В Герате жили сотни каллиграфов. Однако самой значимой фигурой того времени был единственный ученик знаменитого каллиграфа Эхера Герати – Султан Али по прозвищу «Острое перо». Все в Герате только и говорили о нем и о его непревзойденном таланте в области каллиграфии. Когда Навои увидел выдающиеся каллиграфические способности Султана Али, он его взял под свое покровительство.

¹⁸ *Имарет* – пристанище для мусульманских странников.

¹⁹ *Кюллийе* – комплекс различных общественных учреждений (медресе, библиотека и пр.), сооруженных вокруг мечети.

²⁰ От *ihlas* – душевная сила, чистота

²¹ От *şifa* – исцеление, выздоровление

Еще одна значимая личность в области каллиграфии, упоминаемая в романе, Зейнеддин, деятельность которого раскрывает традиционное тюркское искусство. Зейнеддин создает целый ряд книг, но он занимается каллиграфией не профессионально, а как любитель. Благодаря тому, что Зейнеддин увлекается музыкой, шахматами и искусством каллиграфии, автору романа удается сосредоточиться на этих элементах традиционной тюркской культуры и искусства.

Литература

- Yeni Türk Edebiyatı Antolojisi II / Haz: M. Kaplan, İ. Enginün, B. Emil – İstanbul: Marmara Üniversitesi Yayınları. – 1993.
- Levend, Ağah Sırrı.* Ali Şir Nevâî. – Ankara: TDK Yayınları. – 1965. – с.1.
- Baydemir, Hüseyin.* M.T.Aybek'in 'Nevâî' Adlı Romanına Sosyolojik Açıdan Bir Yaklaşım // A.Ü. Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi, sayı:18. – Erzurum 2001.
- Köktekin, Kâzım.* Ali Şir Nevâî'nin Türkçeciliği // A.Ü.Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi, sayı:19. – Erzurum 2002.
- Köprülü, M. Fuad.* Ali Şir Nevâî. – İstanbul: Maârif Matbaası. – 1941.
- Aybek, M. T.* Nevâî / Aktaran D. Ahsen Batur. – İstanbul: Ötüken Yayınları. – 1995.
- Mengi, Mine.* Eski Türk Edebiyatı Tarihi. – Ankara: Akçağ Yayınları. – 1994.
- Wellek, Réne; Varren, Austin.* Edebiyat Teorisi. / Çev. Ömer Faruk Huyugüzel. – İzmir: Akademi Kitabevi. – 1993.
- Çelik, S. Dilek Yalçın.* Yeni Tarihselcilik Kuramı ve Türk Edebiyatında Postmodern Tarih Romanları. – Ankara: Akçağ Yayınları. – 2005.
- Oppermann, Serpil.* Postmodern Tarih Kuramı (Tarihyazımı, Yeni Tarihselcilik ve Roman). – Ankara: Phoenix Yayınevi. – 2006.
- TDV İslam Ansiklopedisi, c.2
- Türk Dünyası El Kitabı. 2. Baskı, sayı: A-23. – Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları. – 1992.
- Çetindağ, Yusuf.* Ali Şir Nevâî. – İzmir: Kaynak Yayınları. – 2011.
- http://www.ozturkler.com/data/0003/0003_11_05.htm

Sinan Çitçi. Musa Tashmuxeamedov's novel "Navoi"

Summary. The article analyses the novel "Navoi" written by the Uzbek writer Musa Tashmuxeamedov (Aybek). The article defines the place of the novel among historical novels, analyzes its content, its temporal and spatial organization, reveals elements of the traditional Turkic culture and art reflected in the novel.

Key words: Navoi, novel, culture, poet, statesman

**АЛИШЕР НАВОИ – ВЫДАЮЩИЙСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ДЕЯТЕЛЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОСТОКА:
ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ВРЕМЕН**

А.А. Адиллов, г. Ташкент(Узбекистан), Ж.С. Сыздыкова, г. Москва

Резюме. Статья посвящена государственной деятельности Алишера Навои в Хорасане эпоху правления династии Тимуридов. Выделяются три этапа деятельности Навои на государственной службе при султанах Хусейне Байкаре. Уделяется внимание взаимоотношениям правителя и поэта.

Ключевые слова: Навои, Тимуриды, Герат, Хорасан, государственный деятель, султан, визирь, наука, искусство, литература.

*«Если преданность народу выражает Навои,
Преданность свою поэту про себя таит народ».*

Более пяти веков гениальные творения Алишера Навои, воспевая идеи гуманизма, мира, высокие человеческие чувства, прочно занимают достойное место в сокровищнице мировой литературы. Неповторимый поэтический мир гениального поэта и мыслителя — это синтез общечеловеческих идей, думы и чаяния о счастье, поэтому не удивительно, что его произведения до сих пор волнуют умы и сердца наших современников. Оригинальные произведения Алишера Навои хранятся в крупнейших библиотеках таких стран, как Россия, Англия, Турция, Иран. Его поэтические произведения переведены на многие языки мира. Специалистами был проявлен большой интерес к творчеству поэта и государственного деятеля Востока, что ученые выделили отдельную область научных исследований под названием навоиведение.

Важными источниками в изучении жизни и деятельности Навои являются исторические труды, относящиеся ко второй половине XV–началу XVI в., среди них особую значимость представляют такие источники как «Матлаи са'дайн ва маджимаи бахрайн» («Счастливые появление двух звезд и соединение двух морей») Абдураззак Самарканди, «Раузат ус-сафа фи сияр ал-анбийа ва-л мулук ва-л хулафа» («Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов») Мирхонда (Мухаммад ибн Хавандшах), «Хабиб ус-сияр», «Макорим ул-ахлак» Хондемира (Гиясиддин Хумомиддин Хондемир), «Бада-и ул-вакое» («Собрание рассказов») Зайниддина Махмуда Васифи, «Бабурнаме» Захириддина Мухаммада Бабура, «Тарихи Рашиди» («История Рашида») Мирзо Хайдара Дуглата, «Тухфайи Сами» («Подарок Сами») Сам мирзы Сафави.

В XX в. творчество Алишера Навои изучали крупные ученые востоковеды и филологи, среди них: В.В. Бартольд, Е.Э. Бертельс, А.Н. Кононов,

А.К. Боровков, А. Семенов, А.Ю. Якубовский, О. Шарафуддинов, Айбек, М. Шайхзаде, В. Абдуллаев, А. Хайитметов и другие. В XXI в. эту традицию продолжили известные узбекские ученые А. Рустамов, С. Ганиева, Б. Валиходжаев, П. Шамсиев, Х. Балтабаев, Ш. Сирожиддинов и другие.

Деятельность Алишера Навои носила многогранный характер, хотя в большинстве обращении к творчеству и биографии великого поэта и мыслителя, акцент, как правило, делается на его литературное наследие. Роль и место Алишера Навои как величайшего государственного деятеля средневекового Востока оставалась в тени. Данная статья – попытка в определенной мере заполнить эту лакуну.

На пути к трону. Жизнь и творчество Алишера Навои относится ко второй половине XV в., ко времени правления Тимуридов – одному из наиболее сложных периодов в истории Центральной Азии. Тимур (1336–1405) создал могучую империю, простиравшуюся от Средиземного моря до границ Китая. После смерти его владения распались, многие страны отделились от этой империи. Наследникам Тимура достались из всех владений Хорасан и Мавераннахр. Развернулась ожесточенная борьба наследников за престол. После продолжительных кровавых распрей престолом овладел Шахрух, который оставил себе Хорасан, а Мавераннахр пожаловал своему сыну Улугбеку. После вероломного убийства великого учёного Востока Мирзо Улугбека (октябрь 1449) внутренняя политическая обстановка в государстве Тимуридов стала ухудшаться из-за начавшейся междоусобной борьбы за власть. Впоследствии в Мавераннахре свою власть установил султан Абусаид (1451–1469), а в Хорасане – Абулкасым Бабур (1451–1457). После смерти Бабура султан Абусаид на некоторое время смог объединить обе части Тимуридских владений – Мавераннахр и Хорасан. В одном из неудачных походов, организованных на запад (1469) султан Абусаид погибает. В Мавераннахре начали править наследники султана Абусаида. В это же время в Хорасане установил свою власть султан Хусейн Байкара (1469–1506).

Именно во время правления султана Хусейна Байкары большое внимание уделяется развитию науки, литературы и искусства. Султан сам под псевдонимом «Хусейни» сочинял стихи. Бабур о нем пишет: «Стихи он тоже сочинял хорошо, пользуясь тахаллусом. Это был справедливый, мягкий, веселый и достойный царевич» [2].

Султан Хусейн покровительствовал представителям науки и литературы, построил немало архитектурных сооружений в разных уголках государства»[3]. В том числе медресе «Бадия» в Балхе, мечеть в Мешхеде, крепость в Герате, медресе «Даштаки» в Ширазе и т.д. Культурный подъём, расцвет науки, литературы и искусства в этот исторический период невозможно представить без имени Навои.

Алишер Навои (Низаматдин Мир Алишер) происходил из благородной, знатной семьи. Отец его Гиясаддин Мухаммад-чиновник тимуридского двора, в чьем доме бывали видные деятели философской мысли и искусства того времени. Отец, видя своего талантливого и способного сына, по словам Давлатшаха Самарканди, он «истратил всё своё богатство на образованию сына и это не прошло даром, его сын сел на престол целомудрия и высоты».

По материнской линии дед Алишера – Шейх Абусаид был известным тимуридским эмиром и обладал поэтическим даром, а дяди – Мир Саид Кабули и Мухаммад Али Гариби были талантливыми поэтами. Гариби был известен также как музыкант и каллиграф. Отец Алишера впоследствии стал правителем города

Себзавар. Четырехлетний Алишер пошел в школу, где учились дети знатных семей, в том числе будущий султан Хорасана – Хусейн. Стоит заметить, что его дед со стороны отца, Байкара, был сыном Омар-шейха, второго сына Тимура. «Алишер с малолетства был дружен с мирзой султан Хусейном», – отмечает Мирза Хайдар Дулати [4].

Дружба, возникшая в этой школе между Алишером и Хусейном, продолжалась до конца их жизни. Все эти факторы естественно имели положительное влияние на детское мировоззрение Алишера, который получал соответствующие навыки по государственным делам, еще не достигнув юношеского возраста.

После ухода из жизни отца двенадцатилетний юноша Алишер пошел служить во дворец Абулкасыма Бабура, который ценил литературу, искусство и сам был талантливым поэтом. Бабур по доброму относился к юноше. Зная о его происхождении, большое внимание уделял его образованию. Там же во дворце служил и друг Алишера – принц Хусейн. После смерти Абулкасыма Бабура Алишер остался в Мешхеде, где учился в медресе. В Герат он вернулся только лишь в 1464 г. В то время наследство дома Навои, оставшееся ему от родителей, полностью перешло в руки государства. Приезд Алишера в родной город Герат хладнокровно принял султан Абусаид. Этому способствовало несколько причин:

- во-первых, Алишер был близким другом султана Хусейна, который уже несколько лет вёл борьбу за трон;

- во-вторых, дяди Алишера Кабули и Гариби были самыми близкими людьми дома Байкары, к которым относился и султан Хусейн. Султан Абусаид впоследствии казнил обоих дядей Навои.

- в-третьих, Алишеру не нравилось жестокое правление султана Абусаида, который уничтожил дом правителей Бадахшана, в том числе убил поэта Ла'ли и его сына, с которыми Навои был в тесных дружеских отношениях;

- в-четвертых, Навои не мог примириться с преследованием деятелей культуры и учёных. Несмотря на всё это Алишер некоторое время служил во дворце. В своих воспоминаниях Алишер пишет «состоять на службе у такого государя – равно тому, что стоять у огня, вытекающего изо рта дракона».

В 1466 г. Алишер всё-таки был вынужден оставить Герат и уехать в Самарканд, где обучался в знаменитом медресе того времени – медресе Ходжи Файзуллаха Абулайса. В своём произведении «Маджolisун-нафоис» Навои пишет, что он лично был знаком с некоторыми представителями ремесленников, интересовался жизнью трудового народа. В Самарканде Навои начал активно участвовать в общественно-политической жизни города. Его государственную деятельность поддерживала определенная часть чиновников. Историк Хондемир подчеркивает, что Навои в это время смог освободить некоторых военнопленных, которые служили султану Хусейну. Также он даёт важные сведения о служении Алишера Навои во дворце Султана Ахмада (1469–1494), правителя Мавераннахра [5].

Из указанных данных можно сделать вывод о том, что Навои до прихода в Герат на службу к султану Хусейну, уже имел определенный опыт в государственных делах, так как служил во дворцах султана Абулкасыма Бабура, султана Абусаида и султана Ахмада. Впоследствии именно этот приобретенный опыт пригодился ему на государственной службе в дальнейшем. В 1469 г. после нескольких лет борьбы султан Хусейн установил свою власть в Хорасане. В этом же году он написал письмо в Самарканд, к султану Ахмаду, чтобы он не препятствовал уходу Алишера из Самарканда в Герат. Именно с этого года начинается

активная государственная деятельность Навои, его участие в управлении страной.

Официально Алишер Навои трижды занимал различные государственные посты: 1) должность мухрдара (хранителя печати) – 1469–1472 гг.; 2) должность главного визиря – 1472–1476 гг.; 3) должность правителя Астрабада – 1487–1489 гг.

Деятельность Алишера Навои в должности мухрдара. Став султаном Хорасана, Хусейн Байкара назначил Алишера Навои на должность мухрдара. Султан понимал, что в тылу у него должен быть авторитетный, надежный человек, который всегда поддерживал бы правителя в различных ситуациях. Этот тыл султан видел в личности Навои. В конце 1469 г., когда в Герате вспыхнуло восстание народа против бесчинства чиновников, Алишер подсказал султану верный выход из сложившейся ситуации. Алишер лично пришёл к бунтующему народу и с высокой трибуны мечети Масджида Джами прочитал указ султана Хусейна. Султан стал вести борьбу с бесчинством и злоупотреблениями должностных лиц. Были арестованы виновные чиновники и облегчена налоговая участь народа. Навои остался в рядах тех немногочисленных людей, которые поддержали нового правителя.

В 1470 г. один из принцев тимуридской династии, Ядгар Мухаммад, смог захватить Герат. Навои лично участвовал в борьбе против Ядгара и посоветовал султану объективно оценить возникшую ситуацию. Как отмечает Хондемир, «Алишеру удалось разъяснить султану, что нельзя назначать день битвы по звездам, опираясь на звездочетов и определять тем самым будущее государства» [6]. Султан прислушивается к советам Навои. Алишер организывает арест Ядгара Мухаммада в Герате, и султан Хусейн овладевает столицей. Конечно, в этом была и заслуга Алишера Навои. Таким образом, в столице воцарился мир и спокойствия.

После этих событий авторитет Навои возрос. Навои в своих произведениях, воспевал централизованную, крепкую, и самое главное, справедливую власть. Процветание и благоустройство страны для него были главной целью жизни. Именно в должности мухрдара Навои начал содействовать процветанию Герата как культурной столицы Востока. Как в общественно-политических, так и в делах, относящихся к культурному развитию, султан советовался с Навои и полностью поддерживал его благие намерения.

Деятельность Алишера Навои в должности главного визиря. Алишер Навои был творческой личностью, и, хотя служение во дворце в должности мухрдара была высокой честью, но Навои несколько раз просил султана освободить его от этой должности. Наконец-то султан дал согласие, и Навои был освобожден от должности мухрдара. Но не прошло и месяца, как в феврале 1472 г. несмотря на протест со стороны Навои, султан Хусейн назначает его своим визирем. Навои было присуждено звание «Амири кабир» («Великий эмир»), которое он сохранил до конца своей жизни.

Хондемир в своём произведении, посвященном великому поэту «Макорим ул-ахлак» («Книга благородных качеств», 1501), отмечает такой удивительный факт: «вся дворцовая знать с интересом ждала, каким образом Навои поставит свою первую печать в подтверждении указа султана Хусейна. И, к удивлению всех, Навои ставил печать на самом краю указа, а дальше было некуда» [7]. Это говорило о том, что Навои был очень скромным человеком.

Навои наизусть знал Коран, великолепно разбирался в толкованиях ислама, относил себя к суфийскому течению «накшбандия».

Будучи визирем, Навои проявил как политические, так и организаторские способности. Назначение Алишера Навои на такую высокую должность получило всенародное одобрение.

Полномочия визиря охватывали широкие аспекты общественно-политической жизни страны. Он зорким глазом анализировал различные вопросы, касающиеся внутренней и внешней политики страны. Навои отодвинул личную жизнь и творчество на второй план. Он не только днем, но и ночью не покладая рук занимался государственными делами. В «Хайрат-ул аброр^е» («Смятение праведных») Навои пишет, что «не было времени даже почесать голову, так как поступало очень большое количество жалоб и просьб от населения» [8]. Он вел активную борьбу с грабежами и разбоем, был непримиримым врагом зла и насилия. В своем произведении «Вакфия» Навои отмечает, что из всех сил боролся против насилия, что сам самостоятельно, даже не сообщая султану, проводил нужные мероприятия. Здесь же он сообщает о девяти направлениях дел, возлагавшихся на плечи главного визиря. Среди них важное значение имели международные дела, официальные приёмы, чрезвычайные происшествия, бунты, амнистии, проверка заявлений и жалоб, борьба против разбоя и т.д.

Еще одной отличительной чертой деятельности Навои является его участие в строительстве многих зданий. Под его личным руководством было построено медресе «Ихлосия» в Герате, куда в качестве мударрисов были приглашены ведущие ученые той эпохи. В южной части медресе была построена хонака (приют для суфиев) «Халосия», в западной части от медресе – медицинский центр «Шифоия», где были собраны ведущие лекари Хорасана. В различных уголках Хорасана было сооружено более 20 мечетей, более 10 хонака, более 20 водоёмов, 16 мостов, несколько дамб, мавзолеев, большой оросительный канал в Мешхеде. Источники сообщают о том, что из собственных сбережений Навои построил более 300 различных сооружений.

Кроме того, Навои занимался и благотворительностью. Каждый год он раздавал беднякам по две тысячи комплектов одежды, по его приказу часто накрывали стол для нуждающихся. Велика заслуга Навои в развитии городской торговли и ремесленничества, в селах – орошаемого земледелия, обеспечении водой городов. Все старания визиря с благодарностью встречал простой народ. Авторитет Навои вырос неизмеримо. Характерной чертой культурной жизни столицы Хорасана было то, что в ней участвовали наряду с привилегированными сословиями также и представители средних слоев городского населения – ремесленники, писцы, торговцы, чиновники, мелкое духовенство. Итак, во второй половине XV в. культурная жизнь Герата была теснейшим образом связана с деятельностью Навои.

В 1476 г. Алишер Навои подал в отставку с поста главного визиря. Несмотря на это он оставался самым влиятельным политическим деятелем во дворце султана Хусейна Байкары. Творчество Навои в эти годы было на пике расцвета. В его библиотеке, располагавшейся в Герате, 70 каллиграфов занимались книжными делами. Не жалея сбережений, Навои помогал представителям науки и искусства как материально, так и поддерживал их морально. В Герате выросла целая плеяда поэтов и литераторов, возникла историческая школа, которую возглавил Мирхонд, потом его внук Хондемир. Именно по совету Алишера историк Мирхонд написал семитомный исторический труд «Равзат ассафа» («Сад чистоты»). Каллиграфы во главе с Султаном Али Мешхеде переписывали и оформляли большое число книг, возродилась художественная миниатюра во главе с Камалиддином Бехзодом («Рафаэль Востока»), развивалось му-

зыкальное искусство и т.д. Султан Хусейн всячески поддерживал деяния Навои в культурной сфере, особенно в вопросах поднятия престижа родного тюркского языка.

Алишер Навои – правитель Астрабада. Астрабад являлся пограничной провинцией, расположенной в западной части государства. Эта провинция стояла на стыке торгово-экономических связей и имела стратегическую значимость, так как именно здесь правили наследники трона и самая приближенная знать султана.

В первую очередь, исходя из таких стратегических соображений, султан назначил Навои правителем Астрабада, хотя эту весть Навои принял не с воодушевлением. Султан хорошо понимал, что высокий авторитет, умелая дипломатия, присущие Навои, разрешили бы многие проблемы. Тем более политическая обстановка в это время в западном Иране и Азербайджане немного обострилась. Назначение Алишера Навои правителем Астрабада местный народ принял одобрительно. Султан туркменов Ак-куюнлу Якуб-бек послал свои подарки и приветствовал Навои, а с правителями Азербайджана и Ирака были установлены дружеские отношения.

Будучи правителем Астрабада, Навои установил порядок и мир, поставил точку в произволе бесчинствующих чиновников, занимался благоустройством в этой провинции. В Астрабаде по его приказу были построены бани, водоёмы, мечети, мосты и т.д.

Хондемир пишет, что Навои, объезжая местность, всегда брал с собой определенную сумму для пожертвований [9]. Естественно, что во дворце были определенные силы, которые не разделяли политическую позицию Алишера Навои. Во главе этой группы сначала стоял визирь Маджиддин, потом визирь Низам аль-Мулк.

После возвращения из Астрабада, Навои категорически отказывался занимать какую-нибудь официальную должность. Тогда султан Хусейн перед всей дворцовой знатью, отдавая дань уважения к Алишеру Навои, дал ему почетное звание «Мукарраби хазрати султан», что означает «самый приближенный человек султана». Это звание было самым высокочтимым и требовало от всей дворцовой знати высочайшего уважения к Навои. С этого времени начинается новая эпоха в жизни поэта, он больше занимается творчеством. Основная часть его произведений создана именно в этот период, в последние годы правления Тимуридов (1370–1506). Поэтому в его произведениях силен общественный дух, насущные проблемы эпохи. В 1490–1501 гг. Навои создал обширные лирические, а также общественно-философские и научные произведения. Зайниддин Васифи отмечает интересный факт в отношениях между султаном и Навои. Когда Алишер Навои закончил «Хамсу» («Пятирица»), которая в отличие от Гянджави, Дехлеви и Джамии написана на тюркском (староузбекском) языке, и предоставил ее на суд султану, то султан Байкара спросил у поэта: «Кто же теперь является учителем, а кто учеником»? Навои ответил, что «желание учителя является желанием ученика». Султан Хусейн попросил поэта сесть на белого коня, и всем на удивление, держа за уздечку коня, обвел его вокруг сада. Это еще раз подтверждает факт огромного уважения государя к поэту. Султан Хусейн Байкара в своем трактате «Рисола» тепло отзывается о Навои. К тому же он не просто поддерживал Навои в его начинаниях, а также жаловал ему большие земли и владения.

Алишер Навои, как правоверный мусульманин, дважды хотел совершить хадж в Мекку. Первый раз он попросил у султана разрешение совершить обряд в

1481 г. В этом году все свои земли и имущество он перевел под вакуфное управление и решил посвятить себя творчеству и богослужению. Султан из соображений безопасности не разрешил Навои совершить хадж. Как пишет Хондемир в своём труде «Хабиб ус-сияр» («Друг жизнеописаний», завершён в 1529 г. в Индии.), султан в своём ответном письме утверждал, что отъезд Навои из страны может повлечь за собой негативные последствия [10]. Вторично Навои повторил свою просьбу спустя 17 лет. В это время султан вёл борьбу за Мерв, в котором после неудачного бунта скрывался один из сыновей султана, Абулмухсин Мирзо. Абулмухсина поддерживали и другие царевичи, например, Кепак Мирзо и Бадиуззамон. Историк Мирхонд отмечает, что султан в ответном письме, опять же беспокоясь о безопасности Навои, теперь не столь настойчиво требовал отложить поездку, но с грустью добавил, что «поездка будет долгой и они могут впредь не увидеться».

В такой сложной внутренней политической обстановке Навои не мог оставить страну и близкого друга. Часть сбережений, отведенных на поездку, он пожертвовал на мавзолей шейха Ансари, а другую часть разделил между рядовыми солдатами. Как посланник доброй воли и личный посол султана он примирил правителя с его сыновьями.

Брат Алишера Дарвеш Али был недоволен некоторыми действиями визиря Маджиддина, который стоял в оппозиции великому мыслителю. Навои даже в такой ситуации призывал своего брата к взвешенности и крепко стоял на позициях централизованного государства. Смерть близких (Абдурахмана Джамии, Хасана Ардашера, Пахлавана Мухаммада) и казнь десятилетнего принца Мумина Мирзо оставили глубокие раны в душе великого мыслителя.

В 1490 г. Навои поддержал инициативу султана Хусейна об отправке послов в Москву для установления дипломатических отношений. Прогрессивные силы во главе с Навои всегда поддерживали дружественные и дипломатические отношения между различными народами и государствами. Навои, несомненно, имел большое влияние на дела государства, так как во все ответственные моменты жизни государства и династии, а также и в личной своей жизни, Султан Хусейн искал совета прежде всего у Алишера Навои [11].

«Из средств своих, писал Навои, я брал себе на жизнь лишь то, что необходимо простому человеку, довольствовался халатом, который защищал меня в жару и в холод, и непритязательной пищей. Остальное же я тратил на общение с народом, на питание служителей и домочадцев. А то, что оставалось сверх расходов на еду и на исполнение различных обязанностей, я представлял на благотворительные дела» [12]. В 1498–1499 гг. при поддержке Навои была реконструирована главная соборная мечеть в центре города Герата, которая была построена ещё до нашествия монголов. В местности Газургах, которую султан пожаловал Навои, продолжались строительные работы по благоустройству территории.

Будучи государственным и общественным Навои деятелем боролся за целостность государства, против раздробленности, интриг, насилия и зла. Покровительствовал представителям науки, литературы и искусства. Благодаря поэту во второй половине XV в. Герат становится культурным центром Востока. При его поддержке выросла целая плеяда одаренной интеллигенции.

3 января 1501 г. перестало биться сердце Алишера Навои. «Когда смерть похитила великого поэта и мецената, то султан Хусейн провел трое суток в

трауре в доме своего друга, с которым он, по его собственным словам, был связан узами тесной дружбы от колыбели до могилы»[13].

Литература

1. *Навои А.* Красотой твоей, как солнцем, свято дорожит народ / Пер. Ю.Нейман // *Навои Алишер.* Избр. произведения. Кн. 1. – Ташкент, 1983. – С.137.
2. Бабур-наме (Записки Бабура) // Сост. С. Азимджанова; отв. ред. М. Хайруллаев; пер.М. Салье. –Ташкент.1982.С.59-60.
3. В это время Хорасан включал территории Хорезма, нынешней Туркмении, часть восточного Ирана, современный Афганистан.
4. *Мирза Мухаммад Хайдар Дулати.* Тарих-и Рашиди. Кн. 2, гл.9. 1996. // http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Tarich_Rashidi/frameset22.htm
5. *Хондемир.* Макорим ул-ахлак. – Ташкент: Г. Гулям, 1967. – С.4, 15-20.
6. Там же. С.40,45.
7. Там же. С.55,57.
8. *Навои А.* Смятение праведных // Пер. со ст.-узб. В. Державина. <http://www.libros.am/book/read/id/332089/slug/smyatenie-pravednykh>
9. *Хондемир.* Макорим ул-ахлак. – Ташкент: Г. Гулям, 1967. – С.4, 15-20, 40, 45, 55, 57, 67, 71 и др.
10. *Хондемир.* Хабиб ус-сияр. – Ташкент, 2013. – С.705, 707, 717.
11. *Тревер К.В., Якубовский А.Ю., Воронец М.Э.* История народов Узбекистана. Т.1. – Ташкент, 1939. – С. 396–397.
12. *Сыздыкбаев Н.А.* Жизненный и творческий путь Алишера Навои. Ч. 1. // <http://ravshir.livejournal.com/76536.html>
13. *Семенов А.А.* Взаимоотношения Алишера Навои и султана Хусейн-Мирзы. Ч. II. // <http://ravshir.livejournal.com/54093.html>

Abror Adilov, Zhibek Syzdykova. Alisher Navoi as an outstanding statesman of the medieval East: a portrait against the background of his times

Summary. The article is devoted to the state activity of Ali-Shir Nava'i (Alisher Navoi) in Khorasan in the reign of the Timurid dynasty. There are three stages of his activities in the public service under Sultan Hussein Baykar. Attention is paid to the relationship of the ruler and the poet.

Keywords: Ali-Shir Nava'i, the Timurids, Herat, Khorasan, statesman, Sultan, vizier, science, art, literature

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

ПРАДЕД НАЗЫМА ХИКМЕТА И ЕГО ТРУД ПО ТЮРКОЛОГИИ: К ТУРЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ КНИГИ М.ДЖЕЛАЛЕДДИНА-ПАШИ)¹

Альфина Сибгатуллина, г. Москва

Как известно, выдающийся турецкий поэт Назым Хикмет Ран (1902–1963) по материнской линии имеет польские корни. Его прадедом является Константин Божецкий (Konstanty Borzęcki, 1826–1876), уроженец польского города Клешов (Kleszow). Судьба распредилась так, что Константин прославился как османский паша по имени Мустафа Джалаледдин благодаря своему капитальному труду *Les Turcs Anciens et Modernes* (Древние и современные турки, 1869), который вышел на французском языке в Стамбуле и Париже. К сожалению, простому турецкому обывателю труд Мустафы Джалаледдина-паши до настоящего времени оставался недоступным, видимо, из-за идеологических причин, он так долго не переводился на турецкий язык. Наконец, стамбульское издательство «Кайнак» выказало заинтересованность в переводе и публикации книги, доктор и отставной офицер Гювен Бекер осуществил турецкий перевод, снабдив его многочисленными необходимыми примечаниями. Вводную статью к книге написал доцент Арда Одабашы, и в итоге получилось весьма достойное османскому паше издание.

Во введении А. Одабашы попытался восстановить малоизвестную биографию Мустафы Джалаледдина-паши. Сын польского офицера К. Божецкий после окончания лицея Петроков (Piotrków) учился в Академии изящных искусств в Варшаве (Akademia Sztuk Pięknych w Warszawie), затем поступил в высшую духовную семинарию в городе Влоцлавеке (Wyższe Seminarium Duchowne Diecezji Włocławskiej), где готовили католических священников. Однако не успел ее закончить, началась европейская революция 1848 г., и после ее подавления, как многие революционеры, Константин Божецкий был вынужден оставить родину и эмигрировать в Османскую империю. Тогда ему было всего 23 года, в 1849 г. он принял ислам и мусульманское имя Мустафа Джалаледдин. Никогда не обучавшийся военному делу новоиспеченный османский подданный изъявил желание служить в османской армии, успешно прошел испытание, устроенное французскими военными инструкторами, и в итоге благодаря блестящему образованию и знанию картографии, был принят картографом в чине штабного капитана. Между 1850–1876 гг. Мустафа Джалаледдин-паша участвовал во многих

¹ *Celalettin Paşa Mustafa. Eski ve Modern Türkler* / пер. с фр. Гювен Беккер. – İstanbul, Kaynak yay, 2014. – 311 s.

боевых действиях, где показал себя истинным патриотом Османской империи, не раз был ранен и погиб в войне в Черногории в 1876 г. в звании генерал-лейтенанта.

Кроме военного искусства Мустафа Джалаледдин-паша интересовался наукой, знал латинский, древнегреческий, французский, немецкий и русский языки. В свободное от службы время занимался живописью, историей, филологией, политикой. Им было написано несколько книг и статей. Один из исследователей его наследия Й. Акчюра сообщил о двух опубликованных его книгах: *La Guerre Moderne* (Война современности) и *Les Turcs Anciens et Modernes* (Древние и современные турки). Однако А. Одабашы указывает на наличие еще двух важных сочинений Мустафы Джалаледдина: *La Tactique* и *Les influences Russes et Occidentales en Orien* (Влияние Запада и России на Восток). Исследователь также утверждает, что посол России в Стамбуле того периода Н.П. Игнатъев (1832–1908) пристально следил за действиями пашы, которого за его политические взгляды считал неудобным лицом для российско-османских отношений.

Свой основной труд «Древние и современные турки» Мустафа Джалаледдин-паша написал 20 лет спустя после того, как стал османским подданным, посвятил и лично подарил султану Абдулазизу. Книга содержит размышления человека, который глубоко задумался о состоянии и проблемах населения и ищет пути выхода из застойного состояния империи. Однако султан Абдулазиз оставил без внимания работу Мустафы

Джалаледдина, на то, видно, были причиной критические замечания в адрес правительства, содержащиеся в книге.

На следующий год книга была издана во Франции. Именно парижское издание 1870 г. попало в руки Мустафы Кемалья Ататюрка, который увлеченно изучал его, постранично делая свои комментарии на арабской графике и кириллице. Хотя Ататюрк был заинтересован в переводе на турецкий язык данного труда, однако как при жизни, так и после его смерти перевод так и не был осуществлен.

Идеи тюркизма, которые в османском обществе в середине XIX в. начали распространяться благодаря филологическим изысканиям таких интеллигентов, как Ибрахим Шинаси, Зийа-паша, Ахмет Вефик-паша, Мустафой Джалаледдин-пашой были перемещены в сферу истории, этнологии и международной политики. Исследователи по праву считают труд «Древние и современные турки» одним из первых сочинений, заложивших основу идеологии тюркизма в Османской империи. По мнению Й. Акчюры, в данном сочинении впервые среди османских турков история, этнография, язык и культура тюркских народов изучается на базе иностранных источников.

Мустафа Джалаледдин-паша, ссылаясь на древнегреческие и латинские источники, обосновал идею о древности тюркских племен и их родстве с европейскими народностями. Отдавая дань популярной то время в этнологии арийской теории, он называл древних турков «туро-арийской расой» и считал их одним из основателей европейской цивилизации. Многие древние племена, происхождение которых оставалось для науки загадкой (например, этруски), по мнению Мустафы Джалаледдина, имеют тюркские корни. Для подтверждения своей идеи он обращался к трудам Геродота, Страбона, Фукидида, а также находил аргументы в русских, польских и европейских текстах. Проведя своеобразное филологическое расследование, он пытался доказать, что даже в именах некоторых античных мифологических образов заметно влияние тюркского языка. Османские турки, по мнению автора, лишь после принятия ислама увлеклись семитской культурой и постепенно забыли свои арийские корни.

Многие гипотезы и идеи Мустафы Джалаледдина, разумеется, сегодня не выдерживают научной критики, однако необходимо указать, что наряду с интересными лингвистическими наблюдениями автора, книга имела и идеологическую подоплеку, а именно, стремясь показать важную роль тюрков в мировой цивилизации, Мустафа Джалаледдин-паша отрицал европоцентризм и устоявшиеся в то время в Европе взгляды по отношению к тюркам как к варварам или как к представителям низших цивилизаций. Он ставил целью укрепить тюркскую идентичность и национальную гордость прежде всего в сознании самих тюрков, возможно, наиболее ущемленного этноса в Османской империи в условиях первой половины XIX в. Другая цель книги в том, что в период восстаний балканских народов против Османского государства указать на их единство с тюрками, тем самым уменьшить чувства вражды к ним и укрепить идею единого османского народа (*миллят-и османийа*). В многоязычной, многонациональной, многоконфессиональной Османской империи акцентирование идей тюркизма для того времени было прогрессивным и смелым шагом. Бывший польский революционер Мустафа Джалаледдин призывал турок к поиску идентичности и отказу от собственных комплексов, к приобретению уверенности в самих себя. Автор предисловия А. Одабашы, по справедливости, называет Мустафу Джалаледдина первым тюркистом.

Мустафа Джалаледдин-паша явственно осознавал необходимость политических реформ в Османской Турции. Поэтому он критиковал бюрократизацию и коррупцию в султанском дворце, слабость и безволие правительства перед многими животрепещущими проблемами своего времени. Коренные изменения в Османской Турции, по его мнению, не имеют ничего общего как с неоправданным увлечением всем европейским, так и бездумным преклонением перед арабской культурой.

Ататюрку, прочитавшему книгу *Les Turcs Anciens et Modernes*² еще до создания Республики Турция, были особо привлекательны следующие идеи Мустафы Джалаледдина-паши: 1) племена, заселявшие древнюю территорию Турции, в основном имели арийское происхождение, часть которых была тюркоязычной; 2) ошибочность мысли о тюрках как о варварских племенах, далеких от цивилизации; 3) тюркское происхождение этрусков; 4) негативное влияние халифата на османскую историю; 5) чрезмерное влияние арабского языка, неполное соответствие арабской графики характеристикам турецкого языка и др. Биографы Ататюрка утверждают, что труд Мустафы Джалаледдина-паши, который хранится и сейчас в библиотеке Ататюрка с комментариями последнего, сыграл заметную роль в формировании концепции турецкого лидера относительно турецкой истории и языка (*Türk Tarih ve Dil Tezi*).

Назым Хикмет с гордостью отзывался о своем прадеде, переселенце из Польши и патриоте Турции:

Göğsümü kabartmıyor değil
dedelerimden birinin Lehli oluşu

‘Грудь моя переполняется гордостью от того, что один из моих дедов является поляком’.

² Оригинал книги в электронном варианте можно найти на сайте библиотеки Гарвардского университета по адресу:
<http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/44825871?n=1&imagesize=1200&jp2Res=.25&printThumbnailails=no>

Поэт находил много внутреннего сходства между собой и славным прадедом:

Uykusuz geceleri Borjenski'nin
benimkilerine benzer olmalı.

‘Бессонные ночи Божецкого, наверняка, походили на мои’.

Вынужденный жить вдали от родины Назым Хикмет это сходство видел прежде всего в общей для них обоих тоске по отечеству:

Onu da benim gibi deli etmiştir, deli,
Her solukta alıp da memleket kokusunu
Memleketi bir daha görmemek ihtimali.

‘Его также, наверное, сводила с ума мысль о том, что вдыхая каждый раз запах родины, боязнь не увидеть ее больше никогда’.

В этих догадках Назым был прав: оба они похоронены вдали от родины: Мустафа Джалаледдин-паша в Черногории, а Назым Хикмет – в России.

Мустафа Джалаледдин-паша, как и другие его соратники по революции, нашедшие приют в Османской империи, стали яркими представителями передовой части турецкой интеллигенции периода Танзимата. Эти начитанные, эрудированные, прогрессивно мыслящие люди, считавшие себя европейцами, навсегда связали свою жизнь с Османской Турцией, верно служа и оставаясь до последнего ей преданными.

***Alfina Sibgatullina. Nâzım Hikmet's great grandfather
and his book on Turcology
(about a publication of Mustafa Celalettin Pasha's book in Turkey)***

Summary. The Istanbul Printing House “Kaynak” has published a book written by Mustafa Celalettin Pasha. Its Turkish translation was done by Dr. Güven Beker, a retired officer, who also wrote numerous comments to the text. The introductory chapter was written by Dr. Doc. Arda Odabaşı. This solid edition presents the most important contribution of this Ottoman statesman to Turkish Studies.

Mustafa Celalettin Pasha, alongside other Revolutionaries who found shelter in the Ottoman empire, became one of the most important representatives of the avant-garde of the Turkish intelligentsija in the Tanzimat period

**ВОЗВРАЩАЯСЬ К АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ:
ДОЛГИЕ И РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ**

Д.М. Насилов, г. Москва

В 2014 г. в Элисте вышла из печати монография П.Ц. Биткеева¹, известного калмыцкого лингвиста, в которой подведены итоги его многолетних занятий проблемами исторической фонетики монгольских, и в частности, калмыцкого языков. Исследование П.Ц. Биткеева посвящено актуальным и остро дискуссионным вопросам монголистики и алтаистики – теории долготности и теории редукции гласных фонем. Проблемы, связанные с возникновением и развитием долгих и редуцированных гласных в монгольских языках, имеют, как известно, принципиальное значение для сравнительно-исторической монголистики и алтаистики.

Основные положения теории долготности и теории редукции, отражающие важнейшие направления исторического развития монгольских языков, установленные основоположниками сравнительно-исторической монголистики, особенно полно акад. Б.Я. Владимирцовым, считались классическими моделями образования долгих гласных. Однако со временем обнаружилось в них противоречивые моменты, которые были частично отмечены и их авторами. Значительно позже эти положения подверглись критическому анализу, в результате чего появились новые версии, соответственно и новые интерпретации.

В книге изложена новая оригинальная теория долготности и редукции, которая принципиально отличаются от бытующих в отечественной и зарубежной монголистике.

В монографии П.Ц. Биткеева представлен анализ имеющихся в отечественной и зарубежной монголистике точек зрения на явления долготности и редукции, которые классифицированы в книге как версии и варианты. Основными причинами образования долгих гласных в монгольских языках считаются следующие подходы. По традиционным представлениям, это редукция интервокального согласного в долготном комплексе; удлинение кратких или полудолгих гласных, монофтонгизация дифтонгов; по другой версии, причиной образования долгих гласных послужило влияние словесного ударения, которое якобы падало на второй гласный долготного комплекса; а по иной версии, которая названа как «протомонгольская долгота», долгие гласные были свойственны древнейшему монгольскому языку. В книге приведены итоги анализа и других версий и вариантов.

¹ *Биткеев П.Ц.* Фономорфологические мутации в монгольских языках. Теории долготности и редукции. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2014. – 160 с.

Проведенные автором исследования позволили прийти к следующим обобщениям.

Рассмотренные традиционные версии не лишены противоречивых моментов. Даже ставшие классическими комплексы типа VCV оказались далеко не универсальными, что не позволяет считать их общей причиной образования долгих гласных. Подтверждением могут служить факты сохранения долготного комплекса, нередко с частичной деформацией, но обязательно с присутствием интервокального согласного. Эти случаи были охарактеризованы Б.Я. Владимирцовым как «исключения», обусловленные социально-культурными условиями жизни носителей языка. Однако таких случаев выявляется слишком много, и все они не укладываются в общую концепцию образования долгих гласных.

Другое противоречие – это образование долгих гласных путем удлинения кратких гласных, которые в ряде случаев неоправданно называются еще полудолгими гласными, под влиянием второстепенного словесного ударения. Однако подтвердить это положение, по мнению автора книги, не удастся.

Однако позже идея о словесном ударении как причине возникновения долгих гласных в монгольских языках обрела универсальный характер в другой версии второй половины XX в., согласно которой словесное ударение падало на второй гласный долготного комплекса, благодаря чему гласный удлинился и как бы «поглотил» предшествовавшие ему элементы VC- долготного комплекса. По этой версии, краткий гласный (второй гласный в долготном комплексе) был важнейшим звеном в образовании долгих гласных, а предшествующие ему краткий гласный и интервокальный согласный не имели в этом процессе никакого значения. Именно удлинение этого второго гласного под влиянием некоего словесного ударения, неизменно падавшего на него, и послужило причиной образования долгих гласных в монгольских языках. Таким образом, теория долготности обрела как бы универсальный характер. Однако предположение о существовании в прошлом такого словесного ударения в монгольских языках не доказано.

Доводы автора книги наглядно показывают, что такого ударения в монгольских языках не могло быть, поскольку не бывает словесного ударения, которое, во-первых, встречается только в некоторых избранных словах, содержащих долготные комплексы, и то только в позиции второго гласного комплекса. Если же допустить, что такое ударение было свойственно монгольским языкам в прошлом, то оно не могло выполнить функцию удлинения гласного по приписываемым ему функциональным качествам. В книге критически рассмотрены и другие версии и варианты образования долгих гласных.

Автор книги выдвинул и аргументировал новое положение о причинах образования долгих гласных в монгольских языках, а именно: причиной возникновения долгих гласных, как и других явлений, например, возникновения редуцированных (неясных) гласных, явилось противоречие, возникшее в связи с удлинением слова и устоявшимися стандартными нормами структуры лексических единиц. Таким образом, в основе образования долгих и неясных (редуцированных) гласных в монгольских языках первоначально лежали причины некоего социально-лингвистического характера или типологически обусловленного, породившие процессы, вызвавшие фонеморфологические мутации, в результате которых произошло, в частности, и образование долгих и неясных (редуцированных) гласных.

Во вводной части монографии изложены актуальность проблематики, цели и задачи исследования.

В 1-ой главе представлен обзор основных положений теории долготности и редукции, имеющих в отечественной и зарубежной литературе по монголистике и алтаистике, изложена история возникновения теорий долготности и редукции и дан анализ важнейших алтаистических трудов..

Во 2-й главе осуществлены классификация и анализ имеющихся теорий долготности, которые подразделены на версии, а в некоторых из них выделены еще и варианты.

Автор книги пришел к выводу, что чисто лингвистический аспект причин возникновения долгих гласных в монгольских языках был обусловлен «противоречием, возникшим между двумя противоположно направленными тенденциями в функционировании языковой системы в рамках слова» (с. 127). Конкретно это выразилось в том, что слова в монгольских языках стали удлиняться за счет увеличения общего числа аффиксов прежде всего из-за перехода многих слов, в основном служебных слов, в аффиксальные морфемы. Слова удлинялись в результате различных видов сращения многих частиц (утвердительных, отрицательных, вопросительных, расширительных, ограничительных), личных местоимений, служебных, а также и знаменательных слов и др. В результате присоединяющихся к слову новых аффиксов увеличивалась протяженность слова, угрожая выйти из «берегов» нормативного для монгольских языков рамок общей длительности слова. Это могло привести к нарушению сингармонической структуры слова; и стали ослабевать связи в сигнальной системе начала и конца слова.

Таким образом возникла реальная угроза нарушения установившихся норм звуковой оболочки лексической единицы, поскольку в агглютинативных языках аффиксальные морфемы могут присоединяться к корневой морфеме теоретически до бесконечности. Однако лексические единицы в каждом языке имеют свои устоявшиеся нормативы, выход за рамки которых вызывает нарушение слоговой структуры слова. Замечено, когда число слогов в слове становится больше трех, то это негативно сказывается на сингармонической структуре слова. Следовательно, ослабевает естественная связь между началом и концом слова, точнее ослабевает сигнализация между крайними точками слова – начальной и конечной. Поэтому слова стали редуцироваться. И это происходило путем редукции фонологических единиц в структуре слова двояким путем – путем неполной редукции фонемы (гласных и согласных) и полной редукции.

Первый процесс – неполная редукция это явление характерное для всех языков, он не вызывает резких изменений структуры слога и слова, в состав которых эти фонемы входят. Сокращение длительности слова происходит благодаря редукции каждой фонемы в структуре слова. К этой группе относится неполная редукция кратких гласных непервого слога слова в монгольских языках.

Второй процесс – полная редукция фонем, слово сокращается на один слог, например, *baɣatur* > *ba tʰɪr* «богатырь», *urida* > *urdʌ* «прежде».

Однако все эти процессы проходят не сами по себе, а «под контролем» лексической и морфологической систем языка. Любые отклонения произносительных норм слова допустимы, но только в рамках альтернативных возможностей, допустимых системой языка и его уровнями. Этим же обстоятельством объясняются и случаи образования долгих гласных из кратких, а также и так называемых полудолгих и ударенных гласных.

Следовательно, процессы удлинения и редукции, произошедшие в монгольских языках, были обусловлены фономорфологическими мутациями в рамках лексической единицы.

Таким образом, новое исследование П.Ц. Биткеева демонстрирует оригинальные подходы и методы решения рассматриваемых вопросов исторической грамматики монгольских языков. Совершенно очевидно, что данная книга представляет интерес не только для монголистики и алтаистики, но и для сравнительно-исторического языкознания. Она призывает исследователей к следующему этапу обсуждения многолетней проблемы монгольских долгот.

Dmitriy Nasilov. Once again on the essential problems: long and reduced vowels in the Mongolian languages

Summary. The monograph of P.C. Bitkeev is devoted to unsolved problems of Mongolic and Altaic studies - the theory of vowel length, and the theory of vowel reduction. Emergence and development of long and reduced vowels in Mongolic languages are principal issues for comparative-historical Mongolic and Altaic Studies. The reviewed book presents a new theory of long and reduced vowels that differs greatly from the existing theories.

О СБОРНИКЕ СТАТЕЙ К 80-ЛЕТИЮ Д.М. НАСИЛОВА¹

Ф.А. Ганиев, г. Казань

Сборник, посвященный научной и педагогической деятельности Д.М. Насилова, получился капитальным и респектабельным, как по участию авторов, так и по содержанию. Действительно, крупный ученый-тюрколог и великодушный наставник студентов профессор Д.М. Насилов достоин такой замечательной книги. В сборнике представлены интересные статьи свыше 60 ученых-тюркологов, работающих весьма напряженно на ниве науки, что показывает широкие связи и тесные контакты ученого и уважение к нему не только специалистов столичных научных учреждений, но и региональных центров. Среди них имеются такие видные зарубежные тюркологи: Ш. Акалын, Х. Зильфикяр, П. Циме, М. Эрдал и др. Вместе с тем в сборнике широко и полностью раскрыта научная и научно-педагогическая деятельность Д.М. Насилова.

Из библиографии, из статей участников книги видно, что самое деятельное участие юбиляра в составлении и издание фундаментальных словарей по тюркологии. Он соавтор и редактор широко известного в тюркологическом мире «Древнетюркского словаря» (1969), который представляет собой настольную книгу многих тюркологов. Здесь же нельзя не упомянуть многотомный «Этимологический словарь тюркских языков», одним из авторов которого является ученый.

Разносторонность учёного проявляется в его многих научных, научно-педагогических трудах, словарях, статьях (их свыше 250 названий).

Совершенно новым подходом написана ученым монография «Проблема тюркской аспектологии: акциональность» (1989). Принципы, изложенные в этой книге, используются многими специалистами-языковедами.

Весьма благородным делом является подготовленный с участием юбиляра сборник о репрессированных тюркологах.

Ученый несмотря на напряженную научную и преподавательскую деятельность находил время выступить оппонентом при защите 23 докторских и 27 кандидатских диссертаций по многим тюркским языкам. Интересно отметить, что ученый является одним из звеньев в четырех научных поколениях Насиловых, что не часто встречается в науке. Члены династии Д.М. Насилова хорошо показаны на фотографиях, данных в сборнике. Структура сборника хорошо продумана. Статьи распределены по тематике, что позволяет легко их найти, чтобы познакомиться.

Fuat Ganiyev. A collection of articles devoted to the 80th birthday of D.M. Nasilov

Summary. The monograph of P. C. Bitkeev is devoted to unsolved problems of Mongolic and Altaic studies - the theory of vowel length, and the theory of vowel reduction. Emergence and development of long and reduced vowels in Mongolic languages are principal issues for comparative-historical Mongolic and Altaic Studies. The reviewed book presents a new theory of long and reduced vowels that differs greatly from the existing theories.

¹ Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov. Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова / Отв. ред. Е.А. Оганова – М.: ООО «Издательство МБА», 2015. – 487 с

PERSONALIA

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ НАСИЛОВ

(К 80-летию ученого)

В марте 2015 г. Д.М. Насилову исполнилось 80 лет. В связи с этой датой Российский комитет тюркологов направил юбиляру следующее приветствие.

Глубокоуважаемый Дмитрий Михайлович!

От имени Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук Российской академии наук горячо и сердечно приветствуем Вас, одного из выдающихся современных ученых-тюркологов с днем Вашего восьмидесятилетнего юбилея. За пять с половиной десятилетий творческого пути Вы создали большое число первоклассных трудов по самым различным направлениям тюркской филологии и лингвистики: то – древние и средневековые памятники тюркских языков, теоретическая и сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, алтаистика, тюркская этимология, социолингвистика, история тюркологии и востоковедения. Одно лишь перечисление научных дисциплин и направлений Ваших исследований свидетельствует не только о Ваших значительных личных способностях и талантах, но и об огромном трудолюбии: все-таки в востоковедных дисциплинах на одних способностях, даже таких блестящих, как в Вашем случае, далеко не уедешь, – нужен повседневный, систематический труд.

Нет возможности в приветственном адресе хотя бы кратко охарактеризовать Ваши основные труды. Здесь коснемся двух доминантных зон Вашего обширного вклада в науку. Первое. Ваша большая роль в качестве одного из руководителей-редакторов в создании «Древнетюркского словаря» (Л., 1969), в коллектив которого Вы пришли молодым кандидатом наук. Этот фундаментальный труд теперь по праву занял место в первом ряду мировых достижений российской тюркологии.

Второе. Цикл Ваших новаторских в 70–80-х гг. работ по изучению на широком материале алтайских языков семантико-грамматических значений глагольных основ, реализующихся в виде группы смежных категорий аспектуальности, вида и способа действия. Цикл завершился монографией «Проблемы тюркской аспектологии» (Л., 1989), защищенной в качестве докторской диссертации, а положения ее стали фундаментом довольно активной разработки этой проблематики в тюркологии.

Чисто научные изыскания с самого начала Вашего пути шли бок о бок с преподаванием самых разных дисциплин тюркологического цикла студентам, впоследствии и аспирантам, начиная с Вашей работы в 1958–60 гг., после окончания МГУ, в Самаркандском университете, затем в течение 30 лет, с 1963 по 1993 гг., в Ленинградском – Петербургском университете, и вот теперь уже более 20 лет в альма матер – ИСАА МГУ. Это – сотни студентов и свыше 30 защищенных при Вашем участии кандидатов наук.

И в педагогическом цикле Дмитрия Михайловича выделим два важных и трудоемких звена: его многолетний подвижнический труд на ниве национальных проблем образования малых народов Крайнего Севера и его труд по созданию новых современных учебников для студентов ИСАА по азербайджанскому и узбекскому языкам, а также неocenимую, по выражению Э.А. Груниной, учительницы Д.М. в студенческие годы, тяжело больной в последние годы ее жизни, по подготовке ее учебника по туркменскому языку к печати.

Дмитрий Михайлович – прирожденный редактор, и мы все много лет пользуемся его безотказной щедростью, ибо он уже более 20 лет редактирует «Дмитриевский сборник» – периодическое издание Кафедры тюркской филологии ИСАА, а с 2009 г. – является главным редактором возобновленного журнала «Российская тюркология». Не сильно преувеличивая, можно сказать, что оба эти издания держатся на плаву во многом бескорыстным трудом Д.М. Насилова.

Имя Д.М. Насилова широко известно в тюркологических кругах нашей страны и за границей, его постоянно приглашают для чтения лекций, для участия в конференциях и симпозиумах. В Турции Д.М. Насилов избран членом-корреспондентом Турецкого лингвистического общества, а недавно, в июне 2014 г., Президентом Турецкой Республики Д.М. Насилов «за выдающийся вклад в тюркологию» был награжден орденом «Лиякат» («За заслуги»).

Дорогой Дмитрий Михайлович! От себя лично, от имени многочисленных наших коллег – тюркологов страны поздравляем Вас со славным юбилеем и желаем Вам от всей души крепкого здоровья на долгие годы, радости и счастья.

Ваши
А.В. Дыбо,
И.В. Кормушин

ТУРСУН ИКРАМОВИЧ СУЛТАНОВ
(К 75-летию ученого)

Восточный факультет Санкт-Петербургского университета по праву гордится славной плеядой ученых, трудами которых в немалой степени были созданы и российская востоковедная наука и российское востоковедное образование. Почетное место в послевоенном поколении этой плеяды принадлежит доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета Турсуну Икрамовичу Султанову.

Т.И. Султанов родился 7 мая 1940 г. в селе Чемолган, под Алма-Атой и рос в районе, где проживало много переселенцев из Северного Кавказа, и он с детства владеет кроме родного казахского азербайджанским, балкарским языками. В 1962 г. после службы в армии поступил учиться на кафедру истории стран Ближнего и Среднего Востока Восточного факультета ЛГУ, где изучал кроме исторических и специальных дисциплин также турецкий, персидский, чагатайский, английский языки. Его учителями были профессора И.П.Петрушевский, А.Д.Новичев, А.Д.Желтяков, В.С.Гарбузова, С.Н.Иванов, В.Г.Кондратьев, А.Т.Тагирджанов.

После окончания Восточного факультета ЛГУ в 1967 г. Т.И.Султанов по рекомендации кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока поступил в аспирантуру при ЛО ИВ АН СССР и в 1967-1970 гг. под руководством крупнейшего знатока истории Афганистана и Средней Азии В.А.Ромодина занимался изучением средневековой истории Казахстана и сопредельных регионов Центральной Азии. В 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Основные вопросы истории казахского народа в XV–XVII вв. по персидско-таджикским и тюркским источникам», частично изданную в виде монографии в 1982 г. под названием «Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. Вопросы этнической и социальной истории».

В 1971–1974 гг. Т.И.Султанов – сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч.Валиханова АН КазССР (г. Алма-Ата); с 1974 по 1996 г. Т.И.Султанов – научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР, а с 1996 г. он целиком отдает себя работе на кафедре.

Вся научная деятельность Т.И.Султанова связана с одним из направлений академического востоковедения – восточным источниковедением, историей Центральной Азии, публикацией и интерпретацией средневековых тюркских и персидских источников по истории и истории культуры Центральной Азии.

Т.И.Султановым опубликована (на русском, казахском, французском, английском языках) серия источниковедческих работ, посвященных средневековой историографии Центральной Азии, научная новизна которых определяется новым подходом к изучению мусульманской историографии в средние века и разработкой соответствующих приемов ее изучения. Вот названия лишь нескольких его работ по указанной теме: «Взгляды позднесредневековых мусульманских авторов на историческую науку», «Рукописная историческая книга и ее читатели в странах средневекового мусульманского Востока», «Структура мусульманской исторической книги. Методика анализа», «Историческая критика в трудах средневековых историков», «Средневековая историческая литература Восточного Туркестана: проблемы преемственности» и т.п. (см. ниже: Список основных научных работ).

На основе изучения большого количества средневековых исторических книг Т.И.Султанову удалось убедительно доказать, что календарная эра ислама не едина, хотя и всегда связана с веками биографии пророка Мухаммада: в одних сочинениях мусульманских авторов она начинается от «года Слона» – 570 г. н.э., предполагаемого года рождения Мухаммада, в других – от года смерти Мухаммада, т.е. от 632 г. н.э., в большинстве – от года хиджры (622 г. н.э.).

Т.И.Султанов внес существенный вклад в российскую историографию средневековой истории Великой Степи благодаря обнаруженной и исправленной им «роковой» ошибки, искажавшей существующие представления о политической истории многочисленных государств Чингизидов XIII–XV вв. Об этой работе под названием «Му'изз ал-ансаб» и Чингизиды «Кижэ» следует сказать подробнее.

Опорным трудом для изучения указанной выше эпохи является знаменитое собрание переводов из арабских и персидских сочинений, осуществленное еще в прошлом веке крупнейшим русским востоковедом В.Г.Тизенгаузеном (1825–1902). Как раз во втором томе «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» изданном в Ленинграде в 1941 г., помещен текст ключевого персидского источника (нач. XV в.) для генеалогической истории Чингизидов и Тимуридов «Му'изз ал-ансаб» («Книга, прославляющая генеалогии»), все известные рукописи которой хранятся за пределами СНГ. Сам автор этого сочинения, перечисляя из поколения в поколение всех членов обеих династий, учитывая, что мужские и женские имена семантически не различаются, сделал обводку мужских имен одной графической фигурой (кругом), а женских имен – другой графической фигурой (прямоугольником-квадратом), что и оговорил в своем предисловии к основному тексту. В ходе подготовки перевода В.Г.Тизенгаузена эта важная особенность текста источника была опущена или забыта. В дальнейшем многочисленные российские, среднеазиатские и другие исследователи, с полным доверием основывающиеся на тексте переводов В.Г.Тизенгаузена, рассматривали все имена членов династии как мужские и таким образом попадали в ловушку, породив весьма искаженную картину внутрдинастийных и внутривнутриполитических отношений в чингизидских улусах.

Т.И.Султанов впервые обратившийся к ставшей доступной ему фотокопии парижской рукописи «Му'изз ал-ансаб» установил ошибку предшественника и проанализировал ее последствия. Значение этой работы Т.И.Султанова трудно переоценить.

Отметим еще один конкретный результат исследовательской работы Т.И. Султанова. Анализируя тюркские версии персоязычного «Тарих-и Рашиди» и их место в средневековой восточнотуркестанской историографии, он выявил в рукописном фонде ИВР РАН новый независимый перевод «Тарих-и Рашиди» на тюрки. Т.И.Султановым опубликовано около 200 научных и научно-популярных работ на

русском, западноевропейских и восточных языках, в их числе более 14 книг, написанных им в соавторстве и индивидуально. Ряд его книг переведен на иностранные языки: казахский, турецкий, японский, испанский, немецкий.

Первой из монографий стала «Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв.» где им рассмотрены два круга вопросов: 1) проблемы этнической истории; 2) проблемы социально-экономической и общественно-политической истории. В первом разделе выяснены роль и степень участия племен Узбекского улуса в сложении казахской народности и изменение состава населения Приаральских степей XVI–XVII вв. На основе всех доступных ираноязычных и тюркоязычных источников впервые составлен сводный список названий родов и племен Узбекского улуса XIV–XV вв. и приведены этнический и количественный состав родов и племен, ушедших из Восточного Дешт-и Кипчак (Узбекского улуса) вместе с Шибанидами в Мавераннахр в начале XVI века. Здесь же анализируются извлеченные автором из письменных источников списки так называемых 92-х племён «ильтийя» (кочевников), которые до этого не были предметом специального исследования. Выведенные Т.И.Султановым три принципа, влиявшие на расположение родоплеменных названий в списках 92-х племён «илатийя», приняты в науке, и эти выводы часто цитируются специалистами.

В Приложении опубликованы «Материалы к хронологии и генеалогии казахских ханов XV–XVII вв.», где впервые в отечественной историографии сведены воедино сведения о генеалогии казахских ханов, приведен список правителей, хронологические рамки правления государей и рассмотрен вопрос о степени родства членов казахской ветви чингизидской династии.

В другом монографическом труде «Поднятые на белой кошме. Потомки Чингизхана» Т.И.Султанов впервые осуществил систематическое исследование принципов функционирования и исторической судьбы одной из властных элитарных групп постимперской эпохи – Чингизидов (XIII–XIX вв.). На основе полного и глубокого изучения тюркских и персидских источников, длившегося более двадцати лет, он воссоздал «во плоти и крови» историю той части тюркского этноса Туркестана и Великой Степи, которую мы называем политической элитой и которая в течение нескольких столетий своими действиями во многом определяла не только свою личную судьбу, но и судьбу всех подвластных им народов.

В монографии «Казахстан. Летопись трех тысячелетий», написанной совместно с С.Г.Кляшторным и опубликованной тиражом 100 000 экземпляров, изложена история всех древних и средневековых государственных образований на территории современного Казахстана и смежных регионов Центральной Азии. Впервые выделена как важнейшая тема и всесторонне обоснована дата возникновения Казахского ханства – первого государства казахов. Политическая и общественная значимость возникшего в 1470–71 гг. Казахского государства, как справедливо отмечает Т.И.Султанов, заключается в том, что это первое по времени в Средней Азии национальное государство, созданное ныне существующим народом, а не его предшественниками или историческими предками. Разделы о хозяйстве и быте, общественном и государственном устройстве кочевников Дешт-и Капчака XIII–XVIII вв., написанные Т.И. Султановым, признаются многими исследователями одними из лучших в специальной литературе, как по богатству содержания, так и по форме изложения. Монография получила в Казахстане заслуженную популярность и превратилась там в базовое учебное пособие по отечественной истории.

В монографии «Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв.» рассказывается о мусульманской историографии, которая формировалась не только на родине ислама, в Передней Азии, но также в дру-

гих странах мусульманского Востока, и прежде всего в Средней Азии. Это монография Т.И. Султанова является первым обобщающим трудом в отечественном востоковедении, столь ясно и столь аргументировано представившим читателю проблемы генезиса исторической книги и её функционирования в мусульманской среде в течение столетий. Автором впервые выявлены критерии, с которыми подходил к историческому сочинению при его оценке средневековый читатель и подробно охарактеризован круг источников для изучения системы ценностных ориентаций средневекового мусульманского читателя.

И, наконец, в монографии «Государства и народы Евразийских степей. От древности к Новому времени», написанной совместно с С.Г. Кляшторным и выдержавшей три издания (последнее в 2009 г.), в широком хронологическом диапазоне (от эпохи бронзы до начала Нового времени) структурирована и представлена на современном научном уровне история кочевых народов Великой Евразийской Степи в тесной связи с историей империй и государств, созданных ими преимущественно в Центральной Азии и в Поволжье.

Работы Т.И. Султанова отличаются глубокое проникновение в суть исследуемой проблемы, тщательный учет источников и их критическое осмысление, скрупулезность и надёжность разработок, что принесло ему заслуженную известность в международном востоковедении; его исследования активно используются и дискутируются во всех среднеазиатоведческих работах, изданных в европейских странах, США, Японии.

Естественным продолжением научных исследований Т.И. Султанова стали читаемые им университетские курсы: «Монгольские и тюркские государства Центральной Азии и Ирана в XIII–XVI вв.», «Исторические деятели центральноазиатских государств XIII–XIX вв. в персидской и тюркской историографии», «Правовые воззрения и практика престолонаследия в средневековых центральноазиатских государствах», «Книжная культура средневекового Туркестана: творцы и труды», а также общие курсы по средневековой истории, этнографии и географии тюркских стран Центральной Азии.

Т.И. Султанов – крупнейший знаток трудов и последовательный продолжатель дел и идей В.В. Бартольда (1869–1930) – основателя петербургской школы центральноазиатских исследований. И вполне понятно поэтому, что востоковедное образование и востоковедные исследования на новой кафедре, созданной и возглавляемой Т.И. Султановым, базируются на принципах научной школы академика В.В. Бартольда, главным из которых является – комплексное и систематическое изучение всего репертуара восточных источников средневекового периода, а на их основе – и само изучение истории Востока.

Т.И. Султанов – лауреат Университетской премии «За лучшие научные труды» 2001 и 2005 гг.

За большие заслуги в изучении истории и истории культуры тюркских народов Центральной Азии и подготовку квалифицированных специалистов указом Президента Республики Казахстан от 7 декабря 2007 г. Т.И. Султанов награжден орденом «Курмет» («Орден Почета»).

Многогранная научная и преподавательская деятельность Т.И. Султанова возродила в Санкт-Петербургском университете столь необходимую нашей стране и столь славную прошлыми традициями школу «среднеазиатоведения», школу углубленного изучения многотысячелетней истории тюркских и иранских народов, неразрывно связанную и с историей стран Дальнего Востока и Передней Азии, и с историей Руси – России. Новый расцвет этой школы был бы невозможен без того вклада, которым эта отрасль востоковедной науки обязана Т.И. Султанову.

МАРАТ ВАЛИЕВИЧ ЗАЙНУЛЛИН
(К 80- летию ученого)

Марат Валиевич Зайнуллин, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан (1992), отличник народного образования Республики Башкортостан (1995), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (1998), академик Академии Наук Республики Башкортостан (2009), доктор филологических наук (1988), профессор (1991).

М.В. Зайнуллин родился в 1935 г. в деревне Верхнее Сазово Кугарчинского района Башкирской АССР. После окончания Мраковского педагогического училища поступил на филологический факультет Башкирского государственного педагогического института им. К.А. Тимирязева (ныне Башгосуниверситет), который окончил в 1959 г. с отличием по специальности «Филолог. Преподаватель башкирского языка и литературы, русского языка и литературы». После завершения обучения в аспирантуре под руководством ученого-тюрколога Дж.Г. Кикбаева с 1 октября 1962 г. работал на кафедре башкирского и общего языкознания. В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Категория времени глагола изъявительного наклонения в современном башкирском языке». В 1988 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Функционально-семантическая категория модальности (на материале башкирского языка)».

Научные исследования М.В. Зайнуллина посвящены изучению грамматики, лексикологии, лингвокультурологии, также академик внес большой вклад в развитие сопоставительного изучения башкирского и русского языков.

Им опубликовано более 400 работ, среди которых монографические исследования: «Категория модальности в современном башкирском языке» (1975), «Модальность как функционально-семантическая категория» (1986), «Современный башкирский литературный язык. Морфология» (2013), «Лингвокультурология и межкультурная коммуникация» в соавторстве с Л.М. Зайнуллиной (2014); учебники и учебные пособия: «Лексико-грамматические и грамматические средства выражения модальности в современном башкирском языке» (1981), «Современный башкирский язык (глагол и его грамматические категории)» (1979), «О сущности и границах категории модальности» (Уфа, 2000), «Современный башкирский литературный язык. Морфология» (Уфа, 2000, 2002, 2005), «Современный башкирский литературный язык. Личные и неличные формы глагола» (2009); «Избранные статьи» (Уфа, 2000), «Башкирское, тюркское и сопоставительное языкознание: Избранные статьи» (2012); курс лекций «Общие проблемы лингвокультурологии» в соавторстве с Л.М. Зайнуллиной (Уфа, 2008) и др.

М.В. Зайнуллин внес значительный вклад в подготовку педагогических кадров для республики. С 1966 по 2010 г. был деканом филологического факультета, факультета башкирской филологии и журналистики, заведующим кафедрой

башкирского и общего языкознания Башгосуниверситета. За годы работы в университете читает лекции по курсам «Общее языкознание», «Введение в языкознание», «Современный башкирский язык», руководит дипломными работами. Под его научным руководством выполнено более 50 кандидатских и докторских диссертаций, создана школа по лингвокультурологии. В настоящее время он является председателем диссертационного совета Д 212.013.06 по защите диссертаций по филологическим наукам при ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет».

М.В. Зайнуллин активно занимается организацией научно-практических конференций, семинаров и симпозиумов, систематически выступает с докладами на международных, всероссийских и республиканских конференциях. Он был участником всех тюркологических конгрессов по тюркологии, которые проходили в Ташкенте, Алма-Ате, Бишкеке, Москве, Ашхабаде, Казани, Анкаре, Уфе.

Акад. М.В. Зайнуллин ведет большую общественную и научно-организаторскую работу. Он является членом редколлегии ряда научных журналов Башкортостана, членом редколлегии многотомной энциклопедии «Башкортостан», председателем Комиссии по родному языку Исполкома Всемирного Курултая башкир, председателем землячества «Большой Ик» Кугарчинского района и т.д. Он избирался в качестве делегата на все три (1995, 2002, 2010) Всемирных курултая башкир.

За активную научную и общественную работу акад. М.В.Зайнуллина в 1988 г. присуждена 2-я премия Комитета Госкомобразования СССР. Он Отличник высшей школы СССР, заслуженный деятель науки РБ, отличник народного образования РБ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, награжден почетными грамотами Министерства Образования РБ, медалями, лауреат премии им. Дж.Г. Киекбаева. За плодотворную научно-педагогическую деятельность ему присвоено звание «Заслуженный профессор Башкирского государственного университета».

В заключение хотелось бы остановиться на человеческих качествах Марата Валиевича: это присущие ему интеллигентность, отзывчивость, трудолюбие, порядочность, внимательное и чуткое отношение к коллегам, доброжелательность и тактичность в отношениях с учениками.

*Л.Х. Самситова,
канд. филол. наук, профессор,
декан факультета башкирской
филологии БГПУ им. М. Акмуллы.*

ГАУХАР ДИНМУХАМЕТОВНА ЗАЙНУЛЛИНА

(К 80-летию ученого)

В 2015 г. исполнилось 80 лет известному башкирскому лексикографу Гаухар Динмухаметовне Зайнуллиной. Ее богатый жизненный путь от научного сотрудника до кандидата филологических наук являет пример подлинного служения науке и к своему народу. Г.Д. Зайнуллина, начав работать в Уфимском научном центре, в Институте истории, языка и литературы РАН, на долгие годы связывает свою научную деятельность с башкирским языком, башкирским языкознанием, терминологией, отдавая все силы и знания для сохранения и развития родного языка.

Г.Д. Зайнуллина родилась 16 августа 1935 г. в д. Метели Аргаяшского района Челябинской области в семье сельского учителя. В 1950–1954 гг. учится в педагогическом училище г. Троицка, в 1954–1959 гг. получает высшее филологическое образование в Башкирском государственном университете, в 1960–1964 гг. работает учительницей в школе-интернате №1 г. Уфы.

Свою научную деятельность Гаухар Динмухаметовна начинает в 1964 г. в Уфимском научном центре Института истории, языка и литературы РАН старшим научным сотрудником и начинает исследования в области лингвистики, терминологии. В 1988 г. защищает диссертацию на тему «Из истории формирования терминологии башкирской лингвистики». Вся сорокалетняя научная деятельность ученого-лингвиста Г.Д. Зайнуллиной посвящена башкирской лексикографии и терминологии.

Г.Д. Зайнуллина совместно с другими известными башкирскими учеными-лексикографами – А. Бишевым, И. Агишевым, Э. Ишбирдиным, З. Ишмухаметовым, Т. Күсимовой, С. Миржановой, З. Уразбаевой, З. Ураксиным, У. Яруллиной и др. – с большим энтузиазмом и творческим вдохновением работала над составлением больших академических словарей: двухтомного «Словаря башкирского языка» (1993), «Башкирско-русского словаря» (1996), «Толкового словаря современного башкирского языка» (2004), двухтомного «Русско-башкирского словаря» (2005).

Г.Д. Зайнуллина внесла большой вклад в развитие национальной терминологии башкирского языка. Она является автором более 100 научных работ. Знаменательным явлением в башкирском языкознании стала ее книга «Формирование и развитие башкирской лингвистической терминологии» (2002 г.), где ученый исследует историю формирования, развития, совершенствования терминологической системы башкирского языка, ее методологические основы и принципы.

Относящиеся к различным сферам жизни научные труды Г.Д. Зайнуллиной, такие как «Турецко-башкирский словарь» (1997), «Русско-башкирский, башкирско-русский словарь по пчеловодству» (2001), «Русско-башкирский

терминологический словарь по языкознанию» (2002), «Башкирско-русский, русско-башкирский терминологический словарь по животноводству» (2006), «Русско-башкирский, башкирско-русский терминологический словарь по физической культуре и спорту» (2009), внесли большой вклад в развитие башкирской лексикографии и национальной терминологии, и, безусловно, стали значительным событием не только в научном мире, но и в общественной жизни республики.

Вклад Гаухар Динмухаметовны Зайнуллиной в развитие науки, башкирского языкознания и культуры получил высокую оценку со стороны общественности и руководства республики: указом Правительства Республики Башкортостан ей присвоено звание «Заслуженный работник культуры Республики Башкортостан».

Гаухар Динмухаметовна Зайнуллина своим отношением к работе, душевными качествами, скромностью всегда пользовалась уважением со стороны коллег и являлась примером для молодых ученых. Она продолжает служить своему народу, оставаясь верной выбранному пути, много сил, знаний, времени отдает делу сохранения, развития, обогащения башкирского языка.

*Г.Р. Каримова,
к. филол. н.*

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ПОКРОВСКАЯ
(К 90-летию со дня рождения)

Людмила Александровна Покровская, известный российский ученый-тюрколог, специалист по проблемам диалектологии и грамматики гагаузского языка, устного народного поэтического творчества гагаузов, доктор филологических наук, профессор гагаузской филологии, член-корреспондент Финно-угорского лингвистического общества, почетный гражданин Гагаузии и города Чадыр-Лунга родилась 18 марта 1925 г. в Ленинграде в семье потомственных интеллигентов – ученого-историка А. М. Покровского и учительницы начальной школы Л.Ю. Покровской. В 1937 г. Л.А. Покровская вместе с матерью попадает в административную ссылку в Башкирию как член семьи А.М. Покровского, репрессированного сталинским режимом в 1936 г. В Башкирии Л.А. Покровская не только оканчивает поселковую среднюю школу, но и усваивает азы сразу двух тюркских языков – башкирского и татарского.

В 1944 г. по совету отца Л.А. поступила в Ленинградский государственный университет, эвакуированный в годы Великой Отечественной войны в г. Саратов. Еще будучи студенткой, она приступает под руководством выдающегося российского тюрколога Н. К. Дмитриева к изучению языка и фольклора гагаузов, проживающих на юге Молдавии и в Одесской области Украины. По окончании в 1949 г. восточного факультета ЛГУ и его аспирантуры (1952) она защитила кандидатскую диссертацию «Песенное творчество гагаузов» (1953). Результаты ее работы были опубликованы позже в седьмом томе трудов Первого международного конгресса балканских исследований под названием «Народные песни гагаузов Молдавии и Украины» (София, 1971), а небольшая часть собранных ею гагаузских народных песен (с нотами и с приложенной грампластинкой) составила сборник «Народные песни гагаузов» (М., 1989).

С 1954 по 1977 г. Л.А. работала научным сотрудником в Отделе восточных рукописей Института востоковедения Академии наук СССР в Ленинграде, а затем по приглашению Н.К. Дмитриева переехала в Москву в Сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР, где продолжила начатую ее учителем разработку актуальных проблем гагаузского языкознания. Полевые исследования, проведенные Л.А. Покровской во время восьми экспедиций (в 1948, 1950, 1951, 1956, 1957, 1959, 1960, 1961 годах) в гагаузские села Молдавии и Украины, позволили ей сформулировать положения о диалектном членении, лексическом составе, периодизации развития гагаузского языка, его фонетических, морфологических и синтаксических особенностях.

В 1977 г. Л.А. перевелась из Москвы в Ленинград для работы в группе балканского языкознания Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН).

В 1987–1988 гг. Л.А. Покровская консультировала на научных семинарах ученых и исследователей АН МССР по вопросам тюркологии и разрабатывала планы работ для сотрудников вновь созданного Отдела гагаузоведения.

В 1992–2000 гг. Л.А. работала в должности профессора на кафедре гагаузской филологии Комратского гос. университета, не только читала курс лекций по современному гагаузскому языку, спецкурс по гагаузскому песенному фольклору, но и вела цикл дисциплин по тюркологии, а также оказывала помощь докторантам и преподавателям в разрешении проблемных моментов при написании диссертаций, дипломных и курсовых работ, при составлении лекционных курсов, спецкурсов и спецсеминаров.

С 1957 г. Л.А. Покровская принимала активное участие в создании письменности для гагаузского языка, в разработке правил орфографии и пунктуации, терминологии, в создании и редактировании первых школьных учебников, в подготовке специалистов по гагаузскому языку. В 1992 г. ею (совместно с Г.А. Гайдаржи) был разработан новый гагаузский алфавит на базе латинской графики, утвержденный с небольшими поправками Народным собранием Гагаузии и Парламентом Республики Молдова в 1996 г.

В монографическом исследовании «Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология» (М., 1964) автору удалось впервые в мире систематизировать обширный языковой материал, ввести в научное обращение новые факты, дать лингвистическое объяснение особенностям лексической, фонологической, словообразовательной и грамматической системы современного гагаузского языка.

За другое научное исследование «Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении» Л.А. Покровской в 1976 г. была присуждена ученая степень доктора филологических наук. Монография является завершением исследования грамматического строя гагаузского языка, в ней анализируются специфические черты гагаузской синтаксической системы, появившиеся под болгарским и общевосточным влиянием, приводятся обобщающие выводы на богатом языковом материале. Данная работа, так же, как и предыдущая, стала ценным вкладом в тюркологию.

Л.А. приняла деятельное участие в создании «Гагаузско-русско-молдавского словаря» (М., 1973). Вместе с видным тюркологом Н.А. Баскаковым она возглавила авторский коллектив, разработала инструкцию и принципы составления трехязычного словаря, выход в свет которого стал заметной вехой в становлении и развитии письменных норм гагаузского литературного языка.

Общеобразовательным целям служат следующие труды Л. А. Покровской: краткий очерк «Грамматики гагаузского языка» (Кишинев, 1990), курсы лекций «Современный гагаузский язык» (Комрат, 1997) и «Синтаксис современного гагаузского языка (предложение)» (СПб.; Комрат, 1999), а также подготовленный под ее руководством «Орфографический словарь гагаузского языка» (Комрат, 1997).

К числу актуальных проблем гагаузоведения, впервые поднятых на страницах научных публикаций Л.А. Покровской, относятся: этимология этнонима «гагауз», гагаузские термины родства, гагаузские фамилии с историческим компонентом *-огло*, паремиология и фразеология гагаузского языка, классификация гагаузских народных песен *türkii*, самобытность и самостоятельность гагаузского языка, правила употребления букв гагаузского алфавита и в связи с этим новые правила орфографии и пунктуации гагаузского языка.

Значительные заслуги принадлежат Л.А. Покровской в области редактирования и рецензирования научных изданий по вопросам гагаузского языкознания. Она проявила себя при этом глубоко эрудированным, объективным, принципиальным и доброжелательным специалистом и человеком.

Смерть прервала работу ученого над подготовкой к переизданию в виде монографии под эгидой Института лингвистических исследований РАН двух ее учебных книг по современному гагаузскому языку. Л.А. Покровская также подготовила к изданию сборник гагаузских народных песен и обрядов, собранных ею в 1948–1961 гг. Особенно интересно подробное описание гагаузской свадьбы со всеми обрядами и с учетом особенностей местного говора, сделанное ею в 1956 г. в Чадыр-Лунге.

7 октября 2009 г. в Санкт-Петербурге сердце Л.А. Покровской перестало биться, а 24 октября 2009 г. прах ее по завещанию был погребен на кладбище близ села Бешалма Комратского района (Гагаузия).

Научные труды Л.А. Покровской составляют золотой фонд не только российской, но и мировой тюркологии. Тончайший исследователь, она сумела в своих работах описать целостную систему современного гагаузского языка, занимаясь им на протяжении чуть более 60 лет, передав тем самым еще и дух изучаемой ею эпохи. Многие поколения ученых, исследователей и просто читателей долгие годы будут с благодарностью обращаться к ее работам, чтобы образовывать себя и продолжать развитие гагаузоведения по пути, заданным ею и оставленным нам в наследство.

Светлый образ Людмилы Александровны, милой обаятельной женщины, подлинной подвижницы науки, образования и культуры навсегда сохраняется в сердцах и памяти ее коллег, друзей и учеников, всех, кто знал ее и имел счастье с ней общаться.

Перу Л.А. Покровской принадлежат также следующие работы:

Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 11 - 81.

О подготовке общетюркского лингвистического атласа (совместно с Н.А. Баскаковым) // Пятое региональное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков (тезисы докладов). Баку, 1965, с. 5 - 11.

Гагаузский язык // Языки народов СССР. Том 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 112-138ю (и член редколлегии).

Гагаузский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки. М., 1969. С. 211-235.

Вопросник «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (проект). Колл. работа сектора тюркских языков. М., 1969. (Раздел «Фонетика»). С. 11-27.

Принципы составления трехязычных словарей (совм. с Н. А.Баскаковым и Б.П. Туканом) // Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971. С. 172-186.

Об одном «балканизме» в гагаузском языке и балкано-турецких диалектах // «Вопросы языкознания». № 3, 1972. С. 67-75.

Лингвистические критерии периодизации истории гагаузского языка // Лингвогеография, диалектология, история языка. Кишинев, «Штиинца», 1973ю С. 181-192.

Тарих-и Кашгар (пер. с уйг. языка Л. А. Покровской фрагментов рукописи XVVIII в. в араб. графике) // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. С. 215-223.

Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов // «Советская этнография», № 1, 1974. С. 139-144.

Проницаемость порядка слов в тюркских языках // «Советская тюркология», № 2, 1976. С. 22-28.

Развитие внутривидовых изменений в балкано-турецких диалектах под влиянием славянских языков (доклад на 19-й конференции алтаистов – PIAC) // *Altaica/ Helsinki/ 1977/ C/ 213-219.*

Общетюркские начальные гласные // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984. С. 83-106.

Имя прилагательное в тюркских языках // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988. С. 148-161.

Народные песни гагаузов. Совм. с М.Б. Чернышевой // Серия «Из коллекции фольклориста», с пластинкой. М., «Советский композитор», 1989. 80 с.

Гагаузские термины родства // Алгебра родства. Вып. 1. СПб., 1995. С. 260-267.

Балканских тюрков языки // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997. С. 194-199.

Гагаузский язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997. С. 224-235.

Два средневековых этнонима гагаузов // *Studia linguistica et balcanica.* Памяти А. В. Десницкой. СПб., 2001. С. 250-256.

Виктор Максимович Жирмунский как тюрколог // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского. СПб., 2001. С. 105-109.

В. М. Жирмунский и актуальные проблемы тюркологии // Известия РАН. Серия литературы и языка. Том 61, № 3. М., 2002. С. 64-69.

Гагаузский – один из региональных языков Юго-Восточной Европы // Доклады российских ученых IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08 - 03.09 2004) СПб., 2004. С. 229-244.

Гагаузские пословицы, поговорки и фразеологизмы // Труды Института лингвистических исследований РАН. Том 1, часть 3. СПб., 2003. С. 269-288.

Черты прежнего быта гагаузов в пословицах, поговорках и устойчивых словосочетаниях // Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы пятого рабочего совещания. СПб., 20 декабря 2001. СПб., 2003. С. 71-79.

Еще одна этимология этнонима «огуз» // Материалы конференции, посвященной различным вопросам тюркологии, в рамках программы «Год Казахстана в России». СПб., 2003. С. 23-26.

Научное редактирование:

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л., 1987. 150 с.

Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., Л., 1994. 192 с.

Банкова И.Д. Субстантивные определительные словосочетания в современном гагаузском языке (монография). Кишинев, 2004. 200 с.

Гайдаржи Г.А. Гагаузский синтаксис. Придаточные предложения союзного подчинения. Кишинев, 1981. 133 с.

В.И. Сырф,
д. филос. наук, научн. сотрудник
Института межэтнических отношений
АН Молдовы

ВАЛИ ШАГАЛИЕВИЧ ПСЯНЧИН
(К 85-летию со дня рождения)

Научная общественность Республики Башкортостан отметила 85-летие со дня рождения известного башкирского языковеда, востоковеда-тюрколога и педагога-методиста Вали (Ахматвали) Шагалиевича Псянчина (1930–2013). Всю свою жизнь он посвятил изучению грамматики, стилистики и поэтики башкирского языка, методики преподавания родного языка в школах и вузах.

В.Ш. Псянчин родился 22 апреля 1930 г. в деревне 1-е Давлеткулово Зилаирского кантона Башкирской АССР, ныне Кугарчинского района Республики Башкортостан, в семье сельского учителя. Его детство и юность пришлось на тяжелые годы Великой Отечественной войны.

В 1944 г. оканчивает Кугарчинскую семилетнюю школу и продолжает свое образование в Мраковской средней школе, затем становится учащимся Мраковского педагогического училища. После окончания училища в 1948 г. трудится в школах родного района. В 1950-1953 г. служит в рядах Советской Армии и снова возвращается к учительскому труду в родном Кугарчинском районе.

В 1954 г. Вали Шагалиевич поступает на филологический факультет Башкирского государственного педагогического института им. К.А.Тимирязева (ныне - ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»), который в 1957 г. преобразуется в Башкирский государственный университет им. 40-летия Октября. После успешного окончания учебы в университете в 1959 г. Вали Псянчин начинает трудовую деятельность в качестве начальника отдела учебников Министерства просвещения Башкирской АССР.

В 1961 г. Вали Шагалиевич поступает в очную аспирантуру при кафедре башкирского языка Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября. В 1965 г. успешно защищает диссертацию на тему «История формирования башкирского литературного письменного языка» [Псянчин 1965] под руководством первого доктора филологических наук из числа башкир, профессора Джагиля Гиниятовича Киекбаева (1911–1968). В.Ш. Псянчину удалось доказать, что в основе литературного языка башкир лежит не старотюркский письменный язык, а общенародный устный литературный язык, «... на котором создавалось богатое башкирское устное народное творчество – героические эпосы, сказы (кубаиры), классические народные песни, сэнляу,

пословицы ... » [Псянчин 1965, с.23]. Старотюркский же язык выполнял роль официального литературного языка как для башкир, так и для татар, т.е. он функционировал в Урало-Поволжье Российской империи до начала XX века.

В 1964-1984 гг. Вали Шагалиевич преподает на кафедре башкирского языка Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября ассистентом, затем старшим преподавателем и доцентом. Читает лекции по лексике, башкирской диалектологии, сравнительной грамматике тюркских языков, истории башкирского литературного языка. Ведет семинары по проблемам языка произведений башкирских писателей, читает спецкурс «Художественные средства языка». В результате этого увидели свет его монография «Мустай Карим — мастер слова» [Псянчин 1972], учебное пособие для учителей «Художественные средства языка» [Псянчин 1984].

Параллельно он серьезно занимается проблемами исторической грамматики башкирского языка, где основное внимание было уделено использованию и дальнейшему развитию методики изучения категории определенности/неопределенности на примере эволюции аффиксов именных частей речи тюркских языков кыпчакской группы. Позднее исследования В.Ш. Псянчина в этой области были представлены в его монографии на башкирском языке «Историческая морфология башкирского языка» (соавтор А.М. Азнабаев; Уфа, 1976) [Азнабаев, Псянчин 1976] и в вузовском учебнике на русском языке «Историческая грамматика башкирского языка» (соавтор А.М. Азнабаев; Уфа, 1983) [Азнабаев, Псянчин 1983].

В 1984-1993 гг. Вали Шагалиевич является заведующим Башкирским филиалом НИИ национальных школ Министерства просвещения РСФСР (с 1991 г. – Башкирский филиал Института национальных проблем образования Министерства образования РФ). За эти годы ученый оказывает большую учебно-методическую помощь башкирским школам, находящимся в сопредельных с Башкортостаном регионах, способствует открытию новых башкирских школ в Оренбургской, Курганской, Челябинской и других областях. В.Ш. Псянчин принимает активное участие в создании учебников нового поколения по башкирскому языку и литературе, русскому языку и литературе для башкирских школ. С 1993 по 2003 г. трудится здесь же главным научным сотрудником.

Вали Шагалиевич является автором около 400 научных трудов, монографий, учебников, учебных пособий и программ для общеобразовательных школ, средних специальных и высших учебных заведений, статей и материалов конференций. В.Ш. Псянчин ровно 54 года высокопрофессионально занимался созданием учебников по башкирскому языку в качестве родного. Им за это время в соавторстве и самостоятельно были изданы учебники для 5, 9, 10-11 классов. Он – автор программ, учебно-методических пособий для средних школ, педагогических колледжей и вузов. Неоднократно ученый становился победителем республиканских конкурсов на лучший учебник.

Вали Шагалиевич является соавтором академического труда «Грамматика современного башкирского литературного языка» [Грамматика современного ... 1981, с.153-167] (им написаны разделы «Имя числительное», «Местоимение») и учебника для пединститутов «Современный башкирский язык» [Современный башкирский язык 1986, с.167-202]. Впервые в истории не только башкирской лингводидактики, но и тюркской лингводидактики вообще, им были написаны учебные пособия «Основы риторики. Для 10-11 классов» (2001) [Псянчин 2001], «Основы культуры речи» (2004) [Псянчин 2004], «Башкирское

художественное слово: от слова к выразительной речи» (2008) [Псянчин 2008]. Широко известными трудами ученого являются также: «Чудо образного слова» (Уфа, 1996) [Псянчин 1996], «Башкирский язык. Сборник упражнений для педагогических училищ, колледжей, гимназий, лицеев» (Уфа, 1997; Уфа, 2007) [Псянчин 1997; Псянчин 2007], «Художественные средства языка. С упражнениями» (Уфа, 2003) [Псянчин 2003] и т.д.

С 2003 г. Вали Шагалиевич находился на заслуженном отдыхе, но все равно продолжал активно заниматься наукой.

Плодотворная научно-педагогическая деятельность Вали Псянчина получила высокую оценку государства и общественности. Еще в 1945 г., подростком, в пятнадцать лет он получил свою первую государственную награду — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Ему было присвоено почетное звание «Заслуженный учитель Башкирской Советской Социалистической Республики». Он является Отличником народного просвещения РСФСР и Отличником просвещения Республики Башкортостан. Был награжден многими медалями. В 1985 г. Указом Президиума Верховного Совета БАССР награжден медалью «Ветеран труда». В 2000 г. был отмечен Почетной грамотой Республики Башкортостан. В 2005 г. награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

Ученый вел активную общественную деятельность. Вали Шагалиевич Псянчин избирался членом-корреспондентом Академии педагогических и социальных наук. Являлся членом Терминологической комиссии при Президиуме Верховного Совета БАССР, Комиссии по переводу трудов классиков марксизма-ленинизма при Башкирском обкоме КПСС, Совета ректоров Республики Башкортостан, редколлегии журнала «Учитель Башкортостана», диссертационных советов при Башкирском государственном университете им. 40-летия Октября. На протяжении ряда лет избирался председателем профбюро филологического факультета, более десяти лет руководил научным кружком по родному языку при кафедре башкирского языка Башгосуниверситета им. 40-летия Октября, из которого вышло много известных ученых.

Скончался Вали Псянчин 30 мая 2013 г. на 84-м году жизни и похоронен на Южном кладбище Уфы.

Жизнь и научно-педагогическая деятельность ученого отражены в русском [Башкортостан 1996, с.488] и башкирском изданиях [Башкортостан 1997, с.493] «Краткой энциклопедии «Башкортостан», 5-м томе «Башкирской энциклопедии» [Башкирская энциклопедия 5 (П-Советы) 2009, с.218], Википедии. Российский языковед А.П. Юдакин включил В.Ш.Псянчина в энциклопедию «Урало-алтайское (тюрко-монгольское) языкознание» [Юдакин 2001, с.396-400] в число ведущих языковедов-алтаистов мира. Одна из улиц райцентра Кугарчинского района Республики Башкортостан - села Мраково с недавних пор носит имя Вали Псянчина.

Его дело ныне достойно продолжают сыновья Юлай и Айбулат Псянчины, ставшие известными учеными. Старший, Юлай Валиевич, как и отец, стал языковедом, является доктором филологических наук, профессором. Айбулат Валиевич – доктор географических наук, также профессор. Он удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан».

НЕКРОЛОГ

ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА БОРОЛИНА (28.03.1927–27.09.2015)

27 сентября 2015 г. ушла из жизни доцент ИСАА, заслуженный преподаватель МГУ, талантливый педагог и ученый, один из ведущих отечественных тюркологов-литературоведов, фольклорист, переводчик Ирина Васильевна жившая российскому МГУ более полувека поколений специализированного профиля.

И.В. Боролина как отделения филфака вклад в отечественную и развивая традиционного литературоведение ее учеником, основателем кафедры ИСАА Н.К. Дмитриевым.

Боролина, беззаветно служившая востоковедению в стенах и воспитавшая несколько студентов-литературоведов широкого профиля.

выпускница Восточного МГУ внесла значительный вклад в тюркологию, продолжив традицию классического тюркдения и фольклористики, являясь выдающимся учеником кафедры тюркской филологии.

И.В. Боролина – автор более 80 публикаций в академических и университетских изданиях в нашей стране и за рубежом, охватывающих широкий круг проблем и получивших высокую оценку специалистов. Среди них работы, посвященные исследованиям многих фольклорных и литературных жанров, закономерностей их развития на основе историко-литературной типологии, современной узбекской литературе, межлитературным и межкультурным контактам, проблемам перевода, истории отечественной тюркологической филологии и пр. Все эти работы в существенной мере способствовали формированию основ турецкого литературоведения и фольклористики в том виде, в котором они существуют в настоящее время. Многие из них явились новым словом не только в отечественной, но и в мировой науке.

Кроме лекций как тюркологической, так и общелитературоведческой тематики, И.В. Боролина вела многочисленные спецкурсы и спецсеминары.

ры, охватывающие наиболее актуальные в теоретическом плане проблемы современной тюркологии – межлитературные и межкультурные контакты тюркских литератур, вопросы теории художественного перевода, курсы, посвященные творчеству наиболее значимых турецких поэтов, писателей и драматургов и др. Важное место в развитии общетюркологической направленности кафедры тюркологии ИСАА МГУ занимали проводившиеся И. В. Боролиной практические занятия по узбекскому языку, в ходе которых Ирине Васильевне удавалось не только передавать студентам соответствующие знания, но и воспитывать настоящих энтузиастов изучения и сопоставления нескольких тюркских языков. Равнодушных после посещения её занятий не оставалось.

Особенно хочется отметить, что И.В. Боролина совместно с проф. Э.А. Груниной, также, к сожалению, ушедшей от нас в 2012 г., обеспечила возрождение прерванной традиции османистики московской востоковедной школы, непременно включая в свои спецкурсы и спецсеминары материалы, написанные на османско-турецком языке, и предоставляя студентам возможность знакомиться с произведениями турецкой словесности в их аутентичном графическом варианте (арабская вязь), – традицию, которую мы, ее ученики, стараемся развивать.

И. В. Боролина, талантливый педагог, обладающий удивительными человеческими качествами, душевной теплотой, пониманием, воспитала десять аспирантов, которые успешно защитили диссертации.

Научное руководство Ирины Васильевны отличало высокое качество подготовки работ; диссертационные исследования своих аспирантов она знала практически наизусть. Как научный руководитель Ирина Васильевна была всегда необычайно требовательна и к себе, и к своему ученику. По словам одной из ее бывших аспиранток Л.В. Софроновой, «на двадцатый раз переработки исходного текста работы, от которого в лучшем случае остались оригинальные ‘но’, ‘таким образом’ и ‘например’, хочется в отчаянии от собственной бестолковости все бросить и поверить, что только избранным, а именно исключительно Ирине Васильевне, это по силам – создать безупречный, литературно грамотный, стилистически гладкий и, главное, оригинальный и глубокий новаторский научный текст». По объему труда, вложенному Ириной Васильевной в каждую работу своих студентов и аспирантов, можно смело утверждать, что он равносителен созданию еще одной диссертации. Ирина Васильевна неоднократно повторяла, что весь ее научный и творческий потенциал (а его хватило бы не на одну собственную докторскую диссертацию!) реализовался в ее учениках.

Нам очень не хватает Ирины Васильевны как неоценимого сотрудника кафедры тюркской филологии, без титанических усилий которого тюркология в ИСАА не существовала бы в своем сегодняшнем виде, как большого ученого, которого отличала высокая исследовательская культура, тщательная фиксация работ предшественников, скрупулезность в выявлении их интерпретаций, подлинное искусство комментирования, внимание к слову, филигранная обработка фразы, предложения, текста. Но

так или иначе Ирина Васильевна оставила нам обширное, к счастью, по большей части опубликованное, научное наследие, к которому мы имеем возможность обращаться сами и к которому обращаем и будем обращать наших учеников.

Еще больше нам не хватает Ирины Васильевны как человека – доброго, чуткого, мудрого. Нам не хватает ее легкого отношения к жизни, которое она сохранила несмотря на труднейшие обстоятельства личной жизни. Нам не хватает ее юмора, ее самоиронии, ее интеллектуальных шуток, ее способности во всем видеть только хорошее. Нам не хватает ее дома, в котором естественным образом соединялось русское хлебосольство и восточное гостеприимство, и в который тянулись люди из всех городов и весей России, Узбекистана, Казахстана, Армении, Грузии... – кто на час, кто на вечер, а кто и на неделю. Дома с традиционными посиделками: празднования Нового года, Восьмого марта, Масленицы (обязательно с собственноручно испеченными Ириной Васильевной блинами), Пасхи (обязательно с домашними куличами), семейные праздники, кулинарные тематические «вечеринки» из серии: «А завтра я жду вас всех на узбекский плов» (естественно, приготовленный хозяйкой дома). Это дом, где на день рождения его хозяйки (на котором традиционно присутствовало столько людей, что приходилось порой накрывать столы в обеих комнатах и на кухне) звучал рояль, исполнялись песни. Дом Ирины Васильевны был для всех нас оплотом нерушимости и верности человеческих чувств, местом, где можно было поделиться наболевшим и услышать совет, где можно было поплакать над собственными неудачами, быть услышанным, понятым и принятым таким, какой ты есть. Здесь можно было хохотать без удержу над рассказами его хозяйки, здесь можно было не раз услышать из ее уст декламацию стихотворений и точно воспроизведенных фрагментов прозы – не только на русском, но и на французском, немецком, турецком, узбекском языках, которыми Ирина Васильевна владела в совершенстве. Всем людям, посещавшим этот дом не раз доводилось слышать фразу типа «ну, вы помните, конечно, как об этом сказал Бодлер», вслед за которой Ирина Васильевна с ходу читала соответствующее стихотворение на французском языке – и мы все тянулись к этому необычайно эрудированному человеку, за один вечер общения с которым чувствовали себя так, как будто посетили серию интереснейших лекций по различным предметам.

Трудно найти человека столь же радушного, столь же любящего жизнь, столь же любящего людей, каким была Ирина Васильевна Боролина. С ее уходом в жизни всех близко знающих ее людей, успевших за эти годы в полном смысле слова породниться с ней, прорасти корнями в ее дом, образовалась мучительная пустота, какой-то энергетический вакуум, который вряд ли когда-либо уже заполнится.

Многочисленные ученики, друзья, коллеги скорбят об уходе этого талантливую ученого и замечательного человека.

НАШИ АВТОРЫ

Адилов Абдор Анварович, доц. кафедры истории Узбекистана Национального Университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Аникеева Татьяна Александровна, канд. филол. наук, науч. сотр. Института востоковедения РАН, Москва. E-mail: tatiana.anikeeva@gmail.com

Валиева Лениза Газинуровна, канд. филол. наук, науч. сотр., Института языка, литературы и искусства имени Г.Ибрагимова АН РТ, Казань

Добрович Михай, док., проф., Венгерская АН

Дыбо Анна Владимировна, чл.-корр. РАН, д. филол. наук, проф., зав. Отделом урало-алтайских языков ИЯЗ РАН, вед. науч. сотр. Центра компаративистики Ин-та восточных культур РГГУ

Ганиев Фуат Ашрафович, чл.-корр. АН Татарстана, док. филол. наук, проф., гл. научн. сотр., ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Казань

Каримова Гульназ Рафаиловна, канд. филол. наук, науч. сотр. Отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Уфа

Кормушин Игорь Валентинович, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., ИЯЗ РАН, председатель Российского комитета тюркологов при ОФИН РАН.

E-mail: igorkormushin@yandex.ru

Насилов Дмитрий Михайлович, док. филол. наук, проф., зав. кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Нурмухаммедов Аманмухаммет, канд. филол. наук, зав. фонетической лабораторией Института языка и литературы им. Махтумкули АН Туркменистана. 744000, ул. Битарап Туркменистан, 15, Институт языка и литературы им. Махтумкули

Образцов Алексей Васильевич, канд. филол. наук, доц. кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доц. Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, e-mail: 0708ural@mail.ru

Самситова Луиза Хамзиновна, канд. филол. наук, проф., декан факультета башкирской филологии БГПУ им. М. Акмуллы.

Семина Анастасия Игоревна, аспирант кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: aisemina@mail.ru

Сулейманова Алия Сократовна, канд. филол. наук, доц. кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: suleymanova2001@mail.ru

Сыздыкова Жибек Сапарбековна, док. истор. наук, проф., зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Сырф Виталий Иванович, док. филос. наук, научн. сотр. Института межнациональных отношений АН Молдовы

Тишин Владимир Владимирович, науч. сотр. Отдела истории Востока Института востоковедения РАН

Хакимов Мухаммад Ходжахонович – док. филол. наук, доц. кафедры языкознания Ферганского государственного университета

Читчи Сынан, доц., Институт тюркологии, Стамбульский университет

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Валиева Л.Г.</i> (Казань). Обстоятельственная семантика в тюркских языках	3
<i>Хакимов М.</i> (Фергана). К прагматике экстралингвистических средств в узбекском языке	9
<i>Нурмухамедов А.</i> (Ашхабад). О фонетико-морфологических особенностях словесного ударения в туркменском языке	13

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

<i>Кормушин И.В.</i> (Москва). Черты эпического в древнетюркских эпитафиях	22
<i>Сёмина А.И.</i> (Москва). Место <i>кыт'а</i> в средневековой турецкой литературе XV–XIX вв.	27
<i>Аникеева Т.А.</i> (Москва). К вопросу о формировании «женской» литературы в Турции XIX в.	33
<i>Добрович Михай</i> (Будапешт). Пофу-хатун и последнее десятилетие Восточнотюркского каганата	37
<i>Тишин В.В.</i> (Москва). Некоторые вопросы изучения социальной организации древних тюрков VI—VIII вв. на основе данных о тамгах	40
<i>Образцов А.В., Сулейманова А.С.</i> (Санкт-Петербург). «Билиг Тенюз» Огуза Атая: Между мистификацией и пародией	55
<i>Читчи Синан</i> (Стамбул). О романе Мусы Ташмухамедова «Навои»	64
<i>Адилов А.А.</i> (Ташкент), <i>Ж.С. Сыздыкова</i> (Москва). Алишер Навои – выдающийся государственный деятель средневекового Востока: Портрет на фоне времен	75

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

<i>Сибгатуллина А.</i> (Москва). Прадед Назыма Хикмета и его труд по тюркологии (к турецкому изданию книги М. Джелаледдина-паши)	83
<i>Насилов Д.М.</i> (Москва). Возвращаясь к актуальным проблемам: долгие и редуцированные гласные в монгольских языках	87
<i>Ганиев Ф.А.</i> (Казань). О сборнике статей к 80-летию Д.М. Насилова	91

PERSONALIA

Дмитрий Михайлович Насилов	92
	94

Турсун Икрамович Султанов	98
Марат Валиевич Зайнуллин	100
Гаухар Динмухаметовна Зайнуллина	102
Людмила Александровна Покровская	106
Вали Шагалиевич Псянчин.....	

НЕКРОЛОГ

Ирина Васильевна Боролина	109
---------------------------------	-----

Наши авторы	112
--------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ	113
------------------	-----

Как подписаться на ж-л «Российская тюркология»	103
--	-----

CONTENTS

Structure and history of Language

<i>Valieva L. G.</i> Adverbial relations in Turkic languages	3
<i>Xakimov M.</i> Pragmatics of non-linguistic means in Uzbek literature (on the example of the story „Korakuz Mazhnun“ by Said Axmad)	9
<i>Nurmuhamedov A.</i> On phonetic and morphological peculiarities of word stress in the Turkmen language	13

Literary critics, folklore studies, cultural science

<i>Kormushin Igor.</i> Epic features of Old Turkic epitaphs	22
<i>Syomina A.I.</i> The place of <i>qita</i> in the medieval Turkish literature of the XV th –XIX th cc.	27
<i>Anikeeva T.A.</i> Upon the question of formation of Women’s Literature in Turkey in the XIX th century	33
<i>Dobrovits Mihály.</i> Pofu Qatun and the Last Decade of the Old Turkic Empire	37
<i>Tishin V.V.</i> The Old Turkic social organization in the VI-VIII centuries according to a research on the <i>tamga</i> signs	40
<i>Obraztsov A.V., Suleymanova Aliya S.</i> "Bilig Tenüz" by Oguz Atay: Between Mystification and Parody	55
<i>Çitçi Sinan.</i> Musa Tashmuxamedov’s novel “Navoi”	64
<i>Adilov Abror, Syzdykova Zhibek.</i> Alisher Navoi as an outstanding statesman of the medieval East: a portrait against the background of his times	75

Reviews

<i>Sibgatullina Alfina</i> . Nâzım Hikmet's great grandfather and his book on Turcology (about a publication of Mustafa Celalettin Pasha's book in Turkey)	83
<i>Nasilov D.M.</i> . Once again on the essential problems: long and reduced vowels in the Mongolian languages	87
<i>Ganiyev Fuat</i> . A collection of articles devoted to the 80 th birthday of D.M. Nasilov	91

Personalia

Dmitriy Nasilov	92
Tursun Sultanov	94
Marat Zaynullin	98
Gauxar Zaynullina	100
L'udmila Pokrovskaja	102
Vali Ps'anchin	106

Obituaries

Irina Borolina	109
Our authors	112
Contents	113
How to subscribe.....	103

РОССИЙСКАЯ
ТЮРКОЛОГИЯ

Издатель: ИП **И.В. Кормушин**,
от имени Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:
Выпускающий редактор *Ф.С.Хакимзянов*
Редактор-переводчик *Д.Ф.Хакимзянова*
Технический редактор *А.М.Галимова*
Компьютерная верстка *Г.Ф.Свиридовой*
Дизайн обложки *Ф.Н.Латыповой*
Оригинал-макет изготовлен группой F & Di-dezign

готового оригинал-макета подписано в печать 19.11.2015.

Формат 70x108¹/₁₆.

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 9,0. Печать на RISO.

Тираж 200 экз. Тип. зак. № 17.

Отпечатано в типографии издательства ЗАО «Фон»
Москва, Сиреневый бульвар, д. 4